

В Ъ С Т Н И К Ъ
Е В Р О П Ы,

ИЗДАВАЕМЫЙ
Николаемъ Карамзинымъ.

Ч А С Т Ъ VI.

М О С К В А , 1802.

ВЪ Университетской Типографїи
у Люби, Гарія и Потова.

Книгу, подъ заглавіемъ: *Вѣстникъ Европы*, издаваемый *Николаемъ Карлзичемъ*, Часть VI. разсматривалъ и не нашелъ въ ней противнаго къ напечатанію. Университетской Ценсоръ

Антонъ Прокоповичъ - Антонской.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

Н О Я Б Р Ъ 1802.

№ 21.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Женщина - Авторъ.

(Окончаніе.)

Проспѣшный отъѣздъ Эмилии удивилъ всѣхъ. Графъ Нанжисъ приписывалъ его разрыву ея съ Жермѣлемъ, происшедшему, какъ онъ думалъ, отъ безразсудной ревности къ Меланидѣ. Въ общесѣвахъ говорили только объ Эмилии, цѣлую недѣлю; а памь забыли ее. Жермѣль сперва душевно огорчился. Въ большомъ свѣпѣ все восплаяетъ любовь: учтивость и желаніе нравиться, которыя часно бывають образомъ ея — спектакли, которые безпрестанно изображаютъ ея прелесть и силу — общества и праздники, соединяющіе людей. Но описаннвіе скоро испребляетъ памань милаго въ людяхъ, ведущихъ разсѣянную жизнь. Спрасни родятся и

возрастаетъ въ свѣтѣ легче, нежели въ уединеніи; но онѣ питаются въ безмолвной тишинѣ сего послѣдняго: тамъ опасно заключиться съ любовію; тамъ она неизлечима. Жермѣль грусилъ во все то время, пока свѣжія воспоминанія живо представляли ему Эмилию; но проѣхавъ разъ шесть мимо ея дома, услышавъ въ разныхъ концертахъ другихъ женщинъ, играющихъ на арфѣ и поющихъ, — привыкнувъ не встрѣчать ее ни во дворцѣ, ни на балахъ, онѣ пересталъ объ ней думать, и внутренно хвалился своею твердостью. Такимъ образомъ не рѣдко забывчивость, которая происходитъ отъ слабости, дѣйствіемъ самолюбія обращается въ похвальное мужество разсудка! Между тѣмъ, какъ Жермѣль нечувствительно забывалъ Эмилию, не оживляя прежнихъ чувствъ своихъ къ Графинѣ Нанжисъ, Эмилиа думала объ немъ ежеминутно, имѣя болѣе силы и постоянства въ характерѣ. Сверхъ того, живучи уединенно, не могла имѣть никакого разсѣянія. Едва выѣхавъ изъ Парижа, она вообразила Жермѣля въ трагическомъ видѣ отчаянія; переспала осуждая его; жалѣла объ немъ сердечно и твердила въ мысляхъ безпрестанно, что, не смотря на страхъ къ ней, онѣ никогда не ду-

малѣ пожертвовать ей Графинейю, никогда даже не хотѣлъ ясно говорить о невольной любви своей. Эмилія забыла, что торжественное объявленіе не нужно, когда два человека разумѣютъ другъ друга; что взоры, перемины голоса и слова, которыя вырываются изъ сердца, и которыхъ смыслъ шѣмъ яснѣе, что испуганный разумъ хочетъ зашмыгнуть его, бывали всегда истиннымъ языкомъ любви.

Эмилія въ первый разъ узнала, какъ можно жить безъ людей и не скучать. Сердца дѣяшельныя и чувствительныя находятъ болѣе удовольствія въ уединеніи, нежели холодныя и лѣнивыя, которыя имѣютъ нужду въ потрясеніяхъ внѣшности. Можно ли скучать съ живымъ воображеніемъ, съ талантами, съ чистою совѣстію и съ нѣжнымъ воспоминаніемъ? Эмилія огорчалась разлукою съ Жермелемъ, но утѣшалась мыслию, что твердость ея заслужитъ его удивленіе. Сверхъ того *взаимная* любовь ни въ какомъ положеніи не бываетъ безъ надежды. Графиня Нанжисъ сожалѣла о поперянной добродѣтели и была недовольна своимъ любовникомъ: не могла ли она добровольно разорвать цѣпь, которая уже тяготила ее? Эмилія воображала Жермелеву къ ней любовь самую романтическую и снрастную;

и кто въ 22 года не имѣетъ права ожидать всего отъ времени, любви и поспѣлнства? Эмилиа съ новымъ удовольствіемъ принялась за сочиненіе, и написала романъ. Когда Авторъ пишетъ истину, и въ сердцѣ своемъ находитъ описываемыя имъ трогательныя чувства, тогда сіе упражненіе бываетъ споль мило, что можешь замѣнить самое щастіе. Гораздо пріятнѣе для ума и души писать романъ, нежели свою испорцію, которая никогда не дозволишь быть чистосердечнымъ (ибо совершенная искренность или безразсудна, или смѣшна); а это принужденіе всегда охлаждаетъ воображеніе. Сверхъ того весьма трудно говорить о себѣ съ пріятностію, свободою и съ чувствомъ внутренняго достоинства; ужасно думать, что все истинно - хорошее покажется сомнительнымъ, и что воображаемое пристрастіе *Историка* заславляетъ не вѣрнѣе *Исторіи*. Но въ романѣ безъ всякаго хвастовства Авторъ можешь описать и даже украсить себя въ тысячи портретахъ, ни мало не обманывая читателя, которому обѣщана выдумка. Еще пріятнѣе описывать милыхъ намъ людей, въ пощастливое время жизни, когда слѣпая довѣренность и нѣжная чувствительность окружають своими мечтами все любезное

сердцу!.. Ахъ! сколь живы и совершенны должны быть сіи картины, написанныя въ молодости съ увѣреніемъ въ ихъ истинѣ!.. Время и печальная олыпность снимаютъ магическую, блестящую завѣсу, копорая украшаетъ дружбу и всѣ чувства; но и тогда еще мы любимъ изображать, что нѣкогда насъ прельщало; не выдумываемъ, а только воспоминаемъ!

Мѣсяцевъ черезъ восемь уведомили Эмилию, что Графиня Нанжисъ въ чахопкѣ и при смерти; что, зная опасность свою, она уже не видится съ Жермѣлемъ и думаетъ только объ одной Религіи. Сія несчастная, терзаясь вмѣстѣ и своимъ преступленіемъ и холодноспію любовника, была жертвою угрызений совѣсти и любви. Жермѣль не переставалъ изъяслять ей нѣжности и попечительной дружбы; но онъ не былъ уже влюбленъ. Польза самолюбія и тайные виды любочеспія дѣлаютъ иногда мужчинъ искусными лицемѣрами любви; но благодарность и жалость не заславляютъ ихъ припворяясь спраспными. Графиня Нанжисъ умерла въ началѣ весны, черезъ 13 мѣсяцевъ послѣ Эмилиина отъѣзда. Жермѣль чувствовалъ истинную горестъ и даже раскаяніе; чувствовалъ, сколь ужасно прельстишь молодую, нѣжную и добро-

дѣшелькую женщину, которая уступаетъ сердцу единственно для того, что вѣришь непреодолимой страсти и вѣчному посюянству любовника; а кто изъ мужчинъ можетъ быть искренно увѣренъ въ своемъ посюянствѣ? Жермѣль занемогъ, не выходилъ изъ комнаты, пронулъ всѣхъ такую живую горестію, и думая, что осьмидневная лихорадка загладила вину его, успокоился! Эмилиа узнала о Жермѣлевой болѣзни, и пользуясь всякимъ случаемъ выдумывать прагическіе романы, вообразила его при смерти, героемъ благодарности и мученикомъ дружбы. Съ слезами горести и сожалѣнія она спѣшила въ Парижъ, прѣехала туда черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Графини Нанжисъ, и нетерпѣливо хотѣла узнать о здоровьи Жермѣля. Его не нашли дома; онъ былъ въ Версаліи: ибо самые шѣ, которые носили одежду горести, лихась отъда, супруги, и не смѣя показаться въ спектакляхъ, ѣздили въ глубокомъ праурѣ ко Двору; обыкновеніе запрещаетъ горестнымъ искашь разсѣянія въ театрѣ, но дозволяетъ имъ утѣшаться честолубіемъ. Жермѣль увидѣлъ Эмилию, и почувствовалъ къ ней возобновеніе прежней своей страсти. Любовь, съ которою человекъ всегда сражался, никогда не старѣется;

отсутствіе можешь усыпить ее, но свиданіе пробуждаетъ. Жермѣль былъ столько нѣженъ, что не хотѣлъ говорить Эмилиі о любви во все время траура Графа Нанжиса; должно было плакать, пока видимые предметы не дозволяли забываться горести. Благоприсшойность имѣетъ строгіе законы въ свѣтѣ и такъ нѣжна, что иногда походитъ на чувство; не мудроно: ибо она выдумана для его замяны.

Эмилиа была уже дней восемь въ Парижѣ, когда въ одинъ вечеръ сказали ей, что священникъ Сен-Рокской желаетъ съ нею видѣться. Она приняла его. Сей почтенный старецъ вручилъ ей запечатанный пакетъ отъ имени Графини Нанжисъ, которая за нѣсколько часовъ до смерти велѣла ему отдать его Эмилиі. Съ какимъ претпомъ, осмавшись наединѣ, она распечатала таинственную бумагу! Въ ней были медальонъ съ портретомъ и волосами Жермѣля, и слѣдующая записка, написанная слабою, дрожащею рукою:

„Осмаваю вамъ шо., о чемъ не дозволено мнѣ жалѣть, но что могу безъ горести уступитъ одной великодушной Эмилиі. Не плачьте о судьбѣ моей: я такъ спрадала, что смерть есть для меня успокоеніе. Дай Богъ, чтобы закон-

„ная любовь сдѣлала постояннымъ пого-
 „человѣка, котораго я обожала, но компо-
 „раго сердце не могла сохранить, по край-
 „ней мѣрѣ безъ раздѣла!... Дай Богъ,
 „чтобы вы были щасливы!.. Вотъ по-
 „слѣднее желаніе нѣжнѣйшей благодарно-
 „сти; оно конечно исполнится!“

Эмилиа оросила слезами сію записку, и съ горестію смотрѣла на портретъ съ волосами, вокругъ которыхъ были изображены слова: *любовь и постоянство*. Боже мой! думала она: какъ онъ говорилъ, клялся, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не любилъ уже эпой прекрасной и милой женщины!... Сія ужасная мысль сдѣлала глубокое впечатлѣніе въ Эмилиа; но страсть уже какъ вкоренилась въ ея сердце, что она не могла умѣришь ее: могла только предвидѣть опасности и страшиться ихъ. Эмилиа не сказала о томъ Жермѣлю, видя, что онъ никогда не хотѣлъ говорить о Графинѣ Нанжисъ, и боясь возобновить его горестъ съ угроженіемъ совѣсти. Она повѣсила медальонъ на золотую цѣпочку и надѣла его себѣ на шею.

Наконецъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, страстно влюбленный и любимый Жермѣль открылъ свои чувства съ живѣйшимъ воспоргомъ. Эмилиа слушала его

съ удовольствіемъ и съ безпокойствомъ. Клятва любви вѣчно и слово *постоянство* въ устахъ Жермеля приводили ее въ шрепешь; но сіе дѣйствіе отъ частаго повторенія ослабѣло, и скоро Эмилиа вздумала, что естли бы Жермель любилъ Графиню такъ, какъ любилъ ее, то онъ никогда бы не перемѣнился.

Жермель не могъ говорить Эмилии любви, не трбуя руки ея; но она думала, что изъ уваженія къ памяти Графини Нанжисъ, для оправданія нѣжности ея и для славы собственнаго характера его, ему не надлежало такъ скоро жениться. Съ общаго согласія опложили свадьбу на семь или восемь мѣсяцевъ, и дали другъ другу слово не говорить о помѣ. Жермель, желая привести въ порядокъ экономическія дѣла свои, поѣхалъ во Фландрію, съ тѣмъ, чтобы возвратиться черезъ два мѣсяца.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Жермелева отъѣзда Эмилиа узнала о несчастныхъ обстоятельствеяхъ одного добраго семейства и съ сердечнымъ безпокойствомъ говорила о помѣ со стариннымъ другомъ своего дому, человекомъ добродѣтельнымъ и просвѣщеннымъ, къ которому она имѣла такую довѣренность, что показывала ему иногда и сочиненія свои. Бре-

валь (ничя сего друга) спросилъ у нее, рѣшился ли она сдѣлать все возможное для спасенія несчастныхъ отъ темницы? Можете ли въ томъ сомнѣваться? отвѣчала Эмилія: но имъ надобно 40 тысячъ лировъ; а у меня нѣтъ денегъ. — „Есть ли ходяще, то черезъ нѣсколько дней у васъ будетъ сполько.“ — Какимъ же образомъ? говорите скорѣе! — „Опдайше въ печать вашъ романъ.“ — Боже мой! какое предложеніе! что скажешъ Дорошея? что подумаетъ Жермель? — „Вы спасете добрыхъ людей отъ ужасовъ бѣдствія.“ — Да и можете ли эта книга принести сполько прибыли? — „Сочинительница молода и любезна; романъ занимателенъ и хорошо писанъ; онъ будетъ въ славу; спивѣчаю за два изданія въ первый мѣсяцъ, и за 40 тысячъ ливровъ.“ — Но сколько шуму! а я дала сестрѣ вѣрное слово ничего не печатать. — „Доброе сердце ваше еще прежде того обѣщало Небу облегчать судьбу бѣдныхъ; одно святѣе другаго.“ — По крайней мѣрѣ я буду писать къ сестрѣ, которая теперь въ деревнѣ; еслили она одобритъ такое намѣреніе, я согласна. — „А еслили не одобритъ, то вы предадите несчастныхъ въ жертву безжалостнымъ займодавцамъ; можете спасти ихъ, и не захошите!

Будетъ ли спокойна ваша совѣсть, когда они умрутъ въ темницѣ? Нужны ли совѣсти для великодушія?“ — Но естли дружба скрываетъ отъ васъ недоспапки моего ссчиненія? — „Я увѣренъ, что оно полюбится.“ — А естли нѣтъ? — „Тогда доброе намѣреніе утѣшитъ васъ.“

Эмилиа никогда не умѣла оспоривать великодушнаго предложенія, никогда не предвидѣла въ такомъ случаѣ опасностей и сдѣловала сердцу, а не разуму. Естли вы согласны, сказалъ Бреваль, по напишите нѣсколько строкъ къ бѣдному отцу семейства; дайте ему надежду. — Не могу противиться, отвѣчала Эмилиа: и поѣдемъ къ нимъ сами! . . . Эмилиа звонитъ, велитъ закладывать карету и думаетъ только о радости несчастныхъ; обѣщаніе, страхъ, свѣтъ, самая любовь — все забыто въ сію минулу восторга. Она видитъ только слезы благодарности! . . . Такимъ образомъ дѣло сдѣлалось. Она дала слово, и признательное семейство бросилось къ ногамъ ея. Никакой Авторъ не выходилъ на сцену такъ *благодѣтельно* и *щастливо*! . . . Въ потъ же вечеръ рукопись была уже въ Типографіи, и черезъ три недѣли книга вышла. Предсказаніе Бревалево исполнилось; всѣ Журналы наперерывъ осыпали похвалами

Авторъ ; издание разошлось въ 10 дней. Благодарные люди, узнавъ, для чего напечатана книга, плашили за нее болѣе назначенной цѣны; на примѣръ, одинъ Руской за два экземпляра прислалъ 200 луидоровъ. Деньги были отданы Господину Д*, Адвокашу, который взялся плашить долги несчастнаго семейства. Скоро набралась вся сумма, и Эмилія торжесствовала съ восторгомъ начало своего авторства, похвалянаго причиною, блестящаго успѣхомъ. Зависть безмолвствовала; все сдѣлалось такъ скоро, что она не имѣла времени ни подумашь, ни изговорить своего яда. „Любезная Эмилія! говорила сестрѣ своей Дорошея: какъ умно, какъ хорошо будетъ остановиться и нейти далѣе! Пиши, когда имѣешь охоту и талантъ, но не издавай ничего болѣе!“ . . . Прекрасный совѣтъ, которому Эмилія не послѣдовала! Ты боишься химеры, отвѣчала она: видишь, какъ публика снисходительна къ женщинѣ, какъ Журналисты учтивы! Первый шагъ сдѣланъ; онъ самый трудный; судьба рѣшена, и я на всю жизнь дѣлаюсь Авторомъ. — Дорошея вздохнула, угадывая будущее.

Эмилія ожидала Жермеля съ величайшимъ нетерпѣніемъ, думая, что ея

слава умножишь любовь его — не обманулась. Талантъ любовницы польстилъ Жермёлеву самолюбію, и заставилъ его еще болѣе уважать ее; но она сдѣлалась для него другою женщиною, и потеряла свою цѣну въ глазахъ любви. Уже Эмилія не была для Жермёля образомъ милой, откровенной нѣжности, соединенной съ любезною простотою и веселостію, которая столько забавляла его! Она не переѣнилась, но онъ смотрѣлъ на нее иными глазами, и боялся гордости, которой въ ней никогда не было. Кротость и простота ея казались ему снисхожденіемъ. Онъ оспался на своемъ мѣстѣ, а она возвысилась: слѣдственно, по его мнѣнію, удалилась отъ него. Воображеніе любовника не могло уже представлять ее въ томъ миломъ видѣ, который питаетъ нѣжность. Кто захочетъ вообразить Грацій съ перомъ въ рукѣ, закапанныхъ чернилами и погруженныхъ ночью въ авпорское глубокомысліе? Розовая гирланда украшаетъ женщину; лавровый вѣнокъ дѣлаетъ ее старѣе. „Такъ, я радуюсь своею славою, говорилъ Жермёлъ Эмиліи: но развѣ не жаль тебѣ продавать въ книжныхъ лавкахъ таланты свои, которыми прежде одна любовь наслаждалась? Теперь всѣ знаютъ тебя равно со мною. Любов-

никъ не имѣешь ли права жаловаться на измѣну? Нѣжныя, милыя чувства, которыми я пафнался въ твоихъ письмахъ, напечатаны въ твоей книгѣ; протопельныя выраженія, вдохновеніе любви, помѣщены тобою въ романъ; ты опиняла ихъ у меня, чтобы обратитъ въ выдумку!“

Эмилиа считала такія укоризны оспроумною шуткою, ни мало не превозжилась и спокойно наслаждалась блескомъ своего новаго положенія. Для всякаго молодого Автора, который начинаеть съ успѣхомъ, первые два или три мѣсяца бывають временемъ очарованія. Удовольствіе видѣть *мысли свои въ печати* — Журналы, въ которыхъ насъ хваляють — переводъ книги на иностранныя языки — леспыя письма и списки — похвалы, которыми осыпають сочинителя въ свѣтѣ знакомые и незнакомые: все это пріятно не только самолюбію, но и сердцу; кажется, что мы имѣемъ новое право бытъ любимыми; кажется, что можемъ почтитъ дружбу, оправдатъ любовь; а еспли изданная книга нравоучительна, то надѣемся на сердечное благоволеніе всѣхъ добродушныхъ людей и на самую признательность чинашелей. Вотъ прелестъ и мечпа новой славы! Но едва ли не всегда платимъ за нихъ спокойствіемъ

сердца. Скоро Эмилія увидѣла, что имя Авипора имѣешь свои неудобности. Ей показалось наконецъ скучно, что всякой встрѣчаясь съ нею, считалъ за долгъ говорить объ ея книгѣ. Она замѣтила на нѣкоторыхъ лицахъ какое-то непріятное выраженіе; замѣтила, что къ ней не имѣють уже вообще прежней любви, и сама не находила въ обществахъ прежняго удовольствія. Умные люди хотѣли всегда заводить ее въ такіе разговоры, которые ей не нравились: въ ученые или въ романическіе. Робкіе невѣжды боялись ее, а надменные глупцы были съ нею еще во сто разъ глупѣе и несноснѣе, потому что желали хвастаться передъ ней умомъ своимъ. Но всего чувствительнѣе для Эмиліи была переменна въ Жермѣль. До того времени она, можно сказать, повелѣвала его образомъ мыслей: вдругъ онъ началъ во всемъ проповорѣчить ей, уступавъ прежде разуму ея, но не желая тогда ничего уступить ея славы. Жермѣль боялся Эмиліина самолюбія, боялся унизить себя передъ нею въ глазахъ другихъ людей; и шопъ, кто славился быть плѣнникомъ ея красоты и любезности, стыдился отдать справедливость превосходному уму ея. Жермѣль всегдашнимъ проповорѣчьемъ хотѣлъ возстановить

между имъ и ею бывшее равенство ; при всякомъ случаѣ говорилъ ей непріятности, иногда шулкою , иногда съ насмѣшкою , иногда же и съ внутреннею досадою. Такимъ образомъ онъ спѣшилъ извѣстивъ ее , что женщины вообще не хорошо расположены къ ней съ того времени , какъ она сдѣлалась Авпоромъ. Кажется , опивчала Эмилиа , что это не безчеститъ моего пола. Напротивъ , сказалъ Жермѣль , дѣлаешь ему честь ; но женщины не имѣютъ *общаго духа*. Образованныя своею нѣжностію для жизни тихой и милой , онѣ должны полагать славу свою въ дѣлахъ отца , сына , супруга ; но ешь , *принимаютъ* , а не *даютъ* ее. Законы въ этомъ случаѣ согласны съ Природою : слава ешь истинная собственность того , кто сообщаетъ имя свое и можетъ оставить его въ наслѣдство дѣтямъ.“

Эмилиа слушала его съ изумленіемъ , и не узнавала того Жермѣля , который еще недавно былъ столь крошкѣ , утѣждалъ и льстилъ ей во всемъ ; ибо лепсъ , самая грубая , ешь испинный языкъ любви : языкъ прелестный шѣмъ , что , не смѣоря на свои изличности , онъ всегда искрененъ ! Любовникъ , который наединѣ съ любовницею начинаетъ гово-

рить разсудительно, скоро будетъ только другомъ. Однакожь Жермэль любилъ еще Эмилию, и обходился съ нею такъ, какъ мы обходимся съ дѣшми, копорыхъ боимся избаловать и въ - глаза судимъ строго, а за - глаза хвалимъ съ удовольствіемъ. Онъ радовался, когда при немъ хвалили ее, и оскорблялся всякою кришикою; не могъ перпѣшь женщинъ, копорыя завидовали Эмили (Меланида была въ числѣ ихъ), и находилъ тайное удовольствіе въ томъ, чтобы обнаруживать ихъ душу, сыпая Эмилию похвалами. Вотъ самое вѣрное средство срывать личину съ завистниковъ! Они еще не знаютъ искусства скрывать въ такомъ случаѣ своей досады. Еслили рѣчь идетъ о книгѣ, занимающей публику, то одни говорятъ, что они не читали ее; другіе принуждаютъ себя хвалить нѣкопорыя мѣста, но коротко и холодно; или сравниваютъ съ другою книгою, которая имъ лучше нравится; или начинаютъ превозносить до небесъ какого нибудь умершаго Автора, чтобы унижить живаго, любимаго публикою; и наконецъ все вообще стараются перемѣнить разговоръ.

Жермэль, ставъ холоднѣе въ любви своей, болѣе прежняго занимался честолюбіемъ. Онъ искалъ гажнаго мѣста при

Дворѣ, и въ самое то время братъ Меланидинъ былъ сдѣланъ Министромъ. Давно уже замѣпивъ ея расположеніе къ нему, Жермѣль вздумалъ шѣмъ воспользоваться, и началъ къ ней часто ѣздить. Слѣдствіемъ сего было вѣрное обѣщаніе Министра дать ему желаемое мѣсто. Эмилія оскорбилась, и не скрыла, что ей очень непріятна новая связь его съ женщиною, которую онъ внутренно презираетъ, и которая есть явная непріятельница невѣсты его. Жермѣль отвѣчалъ сухо, что Эмилія имѣетъ также непріятныя для него связи, и что онъ не требуетъ отъ нее разрыва ихъ. Попребууй же, сказала она: я все сдѣлаю. — „Тебѣ вѣрно не захочется выгнать изъ дому Маркиза К*.“ — Развѣ онъ тебѣ не нравится? — „Я нахожу его скучнымъ педантомъ.“ — Ты не любишь Академиковъ? — „Ни Авторовъ.“ — Это слово не есть ли маленькая грубость? — „Можетъ показаться грубостію; но боюсь, что я не думалъ о тебѣ.“ — Тѣмъ хуже! Лучше сердиться, нежели забывать. И такъ хочешь ли, чтобы я затворила двери для Маркиза К*? — „Сохрани Богъ!“ — По чему же? — „Онъ влюбленъ въ тебя, и напишетъ сатиру. Господа остроумцы самые опасные любовники; начинаютъ похваля-

ными стихами, а лишаешь надежды, мстятъ пасквилями.“ — Всякой Авторъ, нещасливый въ любви, сочиняетъ пасквили! вотъ прекрасное и справедливое заключение! Ты безпрестанно нападаешь на Сочинителей; я не люблю браниться, а умѣю примѣчать, и замѣшила, что свѣтскіе невѣжды не могутъ терпѣть Литтераторовъ, и въ насмѣшку называютъ ихъ *остроумцами*. Авторы гораздо справедливѣе и снисходительнѣе; они соглашались, что можно быть умнымъ человекомъ и не Писателемъ, а смѣются только надъ дерзкимъ и завистливымъ невѣжествомъ. — Сей отвѣтъ живо пронулъ Жермёлево самолюбіе, которое скорѣе прощаетъ въ дружбѣ, нежели въ любви. Уже недѣль пять разговоры ихъ почти всегда кончались неудовольствіемъ и насмѣшками: вѣрное предзнаменованіе разрыва между любовниками!

Однакожь они, не смотря на частыя досады и холодность, все еще сполько любили другъ друга, что не думали распаться, и близость дня, назначеннаго для ихъ соединенія, оживила нѣсколько ихъ первыя чувства. Какъ скоро исполнился годъ послѣ смерти Графини Нанжисъ, Эмилиа и Жермёлъ объявили родственникамъ свое намѣреніе соединиться бракомъ

черезъ двѣ недѣли, и поѣхали въ загородный домъ къ Доротеѣ, гдѣ надлежало быть свадьбѣ. Меланида, узнавъ о томъ, разсердилась до крайности; она думала, что Жермѣль уже разлюбилъ Эмилию, потому что онъ, бывая у нее, для пользы своего чесполубія всячески спарался ей нравиться: всегдашній способъ обманывать женщинъ надменныхъ и легковѣрныхъ! Меланида считала Жермѣля измѣнникомъ, для того, что обманулась въ своей надеждѣ; спѣшила въ Версалю къ брату — и на другой же день обѣщанное мѣсто было отдано другому. Жермѣль огорчился, и еще вздумалъ, что Эмилиа будетъ въ семъ случаѣ торжествовать надъ нимъ. Эта мысль сдѣлала его чрезвычайно холоднымъ и сердитымъ, въ то самое время, когда все готовилось къ свадьбѣ, и когда Эмилиа была къ нему нѣжнѣе обыкновеннаго.

Она любила танцовать, и всякой вечеръ передъ ужиномъ была у Доротеи маленькой балъ. Случилось, что Эмилиа въ конгръ-дансѣ порвала цѣпочку медальйона съ Жермѣлевымъ порпиретомъ, даннымъ ей умирающею Графинею Нанжисъ. Медальйонъ упалъ на землю, и кавалеръ ея спѣшилъ поднять его. Эмилиа, въ первомъ движеніи, сказала громко:

„ахъ! эптоу медальйонъ мнѣ очень дорогъ!“ . . . Жермѣль услышалъ, и пришелъ въ изумленіе. Онъ подарилъ Эмилиіи только браслетъ съ волосами своими: что же значилъ сей *двигоцѣнной* медальйонъ? Жермѣль спросилъ о томъ у Эмилиіи, и такъ сухо, что она огорчилась, но отвѣчала ему просто, что это залогъ дружбы, для нее милой. *Дружбы!* сказалъ Жермѣль: на что же носишь его тайно? — „Тебѣ нѣтъ причины беспокоиться.“ — Эпо портретъ? — „Да, портретъ.“ — Дорошенинъ? — „Нѣтъ.“ — По крайней мѣрѣ женской? — „Нѣтъ.“ — Какой же? — — Эмилија задумалась, не отвѣчая ни слова. Что же вы не говорите? спросилъ Жермѣль. Дозволь мнѣ не сказать тебѣ, отвѣчала Эмилија. — „Можно ли?“ — Можно: потому что эпо одно любопытство; ты безъ сомнѣнія не можешь ревновать. — „И такъ вы не хотите имѣть ко мнѣ довѣренности? . . .“ Эмилија опять задумалась, и взглянувъ быстро на Жермѣля, отвѣчала: „Теперь хочу узнать, имѣешь ли ты самъ ко мнѣ довѣренность! Соглашаюсь сказать правду: эпо мой портретъ; но не хочу показывать его; вѣрь моему слову.“ — Мой портретъ? сказалъ Жермѣль съ насмѣшкою: признайся, что эша правда уди-

вительна! — „Признайшесь и вы, что малѣйшее сомнѣнiе должно быть для меня оскорбительно!“ — Для чего же скрывать мой портретъ? Вы никогда не были упрямы; а это будетъ самымъ непонятнымъ упрямствомъ. — „Можете ли подозревать меня въ обманѣ?“ — О! это совсемъ не подозрѣнiе! — „Что же? Еслили портретъ не свой, то я обманываю и хочу закрытьъ связь съ другимъ любовникомъ наканунѣ нашей свадьбы: вотъ мои мысли!“ — Нѣтъ; однакожь я увѣренъ, что тутъ есть какая нибудь тайна. — „Есть конечно; но я безъ всякаго обмана сказала тебѣ правду.“ — Тайна что нибудь ошъ любимаго человѣка есть преступленiе. — „Ложное правило! и теперешнiй случай опровергаетъ его.“ — Прекратимъ этотъ разговоръ, который для меня огорчителенъ и спраненъ Я скажу прямо и безъ всякихъ загадокъ: еслили вы не покажете мнѣ медальона, то буду увѣренъ, что хотите разсердить меня и разорвать нашу связь. — „Еслили бы я уже не любила васъ, то не стала бы искаать предлога: рука моя еще свободна.“ — Хотите ли исполнить мое требованiе? — „А вы хотите ли вѣрить моему слову?“ — Любовь не должна быть легковѣрною. — „Уваженiе пребудетъ

довѣренности.“ — Естли вы еще меня любите, то я увижу портретъ. — „Жермель! при мѣсяца замѣчаю въ тебѣ безпрестанныя неудовольствія и холодность, которыя доказываютъ, что сердце твое перемѣнилось. Въ супружествѣ пламенная любовь не есть необходимость, но оно не можетъ быть шастливо безъ совершенной довѣренности. Докажи се мнѣ; повѣрь нынѣ, а завтра изъясню тебѣ загадку.“ — Будетъ поздно; завтра я уже не повѣрю вамъ. Мнѣ должно видѣть портретъ сію минушу. — „Эпо послѣднее слово ваше?“ — Такъ, признаюсь искренно. — „Хорошо: теперь скажу вамъ и свое рѣшеніе. Естли будете непременно требовать, то я покажу вамъ медальйонъ, но . . . разстанусь съ вами навѣки.“ — Такая угроза подпверждаетъ всѣ мои сомнѣнія. — „Подумайте хорошенько; эта минуша рѣшительна.“ — Нѣтъ, нѣтъ! вы дали мнѣ слово показать медальйонъ, и должны сдержатъ его теперь же. — „И такъ вы хотите разорвать со мною?“ — Хочу видѣть портретъ. — — Эмилиа поблѣднѣла. Жермель приступалъ къ ней, чтобы она исполнила свое обѣщаніе. „Исполню, отвѣчала Эмилиа. Смотрите, Государь мой: вотъ портретъ! онъ долженъ терзатъ

вашу совѣсть съ двухъ сторонъ. Я хотѣла избавить васъ отъ мучительнаго воспоминавiя и увѣрилась въ вашей довѣренности, которую вамъ надлежало имѣть къ характеру, поведенiю и чувствамъ моимъ. Вы забылись, оскорбили меня, и разорвали навѣки союзъ нашъ!“ ... Тутъ Эмилія не могла удержаться отъ слезъ. Жермѣль могъ бы въ эту минуточку помириться съ нею; но онъ оказалъ болѣе замѣщательства, нежели чувствительности; самолюбіе его страдало болѣе сердца; онъ говорилъ все, кромѣ того, что говорить надлежало! Эмилія перестала плакать; они распались навсегда. Хотя Жермѣль въ слѣдующіе дни всячески старался предстать Эмилію въ глазахъ другихъ людей упрямою и непреклонною, но въ самомъ дѣлѣ не изъяснилъ ничѣмъ истиннаго и прегрѣшительнаго раскаянiя, которое одно могло бы примирить нѣжное, оскорбленное сердце. Равнодушные зрители бываютъ всегда дурными судьями въ ссорахъ любви, оправдывая тѣхъ, которые соблюдаютъ наружную пристойность; а соблюдаютъ ее тотъ, кто болѣе владѣетъ собою и менѣе любитъ — слѣдственно виноватый. Жермѣль всѣхъ прегрѣшилъ своимъ несчастiемъ; Эмилію обвиняли упрямою и нечувствительностію,

хотя она была гораздо нещасливѣе, потому что любила, и любила долго. Непостоянный Жермѣль предался честолюбію, единственной спрасити, копорая можетъ навсегда овладѣть въшренымъ и холоднымъ сердцемъ.

Черезъ шесть недѣль послѣ того началась Революція. Жермѣль уѣхалъ изъ Франціи, а Эмилиа оставила опечество не прежде, какъ черезъ два года. Тогда-то узнала она всю непріятность славы. Когда человекъ живетъ въ кругу семейства и богатъ, ему не трудно презирать злословіе и пасквили; но когда онъ всего лишился, ищетъ приспанища и долженъ жить одними шрудами своими, которые всего болѣе требуютъ душевнаго спокойствія, тогда нужно имѣть опмѣнную швердость, чтобы не впасть въ уныніе опъ злобы людей и не сдѣлаться мизантропомъ. Эмилиа имѣла эту швердость. Посвятивъ себя совершенно Литтературѣ, нашла она въ Изыщныхъ Искусствахъ богатый источникъ ушѣшеній. Доропея, выѣхавъ изъ Франціи вмѣстѣ съ нею, не встрѣчала нигдѣ непріятелей, жила покойнѣе, и скорѣе возвратилась въ опечество. Эмилиа наконецъ также возвратилась, но опъ безопасности своей лишилась всего имѣнія. Въ Парижѣ нашла она нѣ-

сколько вѣрныхъ друзей, множество неблагодарныхъ и злодѣевъ; однакожь не думала жаловаться и говорила: „я сама виновата, не хотѣвъ слѣдовать примѣру и совѣту моей сестры!“ Жермель стараніемъ Меланиды былъ выключенъ изъ списка Эмигрантовъ, и женился на ней изъ благодарности, а еще болѣе для поправленія своихъ обспояпельствъ.

Дорошея была всегда щаспливѣе Эмили, отъ своего совершеннаго благоразумія и разсудительности. Съ нею не случилось ничего романическаго; она не имѣла славы, не вселяла чрезвычайной спрасни, но ее любили нѣжно и поспоянно. Имя ея, неизвѣстное въ чужихъ земляхъ, произносилось въ отечествѣ съ любовью и почтеніемъ. Она была утѣшеніемъ друзей своихъ и щастіемъ семейства. Это стоитъ романа и авпорской славы для женщины.

II.

Нѣкоторыя примѣчанія Гражданина Мишо для Историковъ Французской Революціи.

Сочинитель дурнаго романа, изданнаго подъ именемъ Магдалинина кладбища, говоритъ, что Лудовикъ XVI за нѣ-

сколько времени до 10 Августа хотѣлъ сложить съ себя санъ Королевскій; что онъ разсуждалъ о семъ намѣреніи съ послѣднимъ духовникомъ своимъ, Ирландцемъ Эджевортомъ, и въ письмѣ къ нему, отданномъ сему Аббату 11 Августа Господиномъ Обье, изъяслялъ великое сожалѣніе о томъ, что не исполнилъ во - время своего намѣренія. Ни Г. Обье, ни Эджевортъ не имѣютъ идеи о такомъ письмѣ Лудовика, и оба напротивъ того увѣрены, что онъ считалъ за долгъ свой умереть Королемъ. Можетъ быть Авторъ романа слышалъ только слѣдующій анекдотъ:

Въ тотъ день, какъ Національное Собраніе опредѣлило узнать мнѣніе народа о сверженіи Короля и о новой Конституціи, Г. Обье пришелъ сказать о томъ Лудовику. Королева, читая сіе опредѣленіе и видя ясное намѣреніе учредить во Франціи Республику, спросила: „можно ли положиться на такихъ людей, которые вчера клялись умереть за Монархію, а нынѣ хощутъ Демократіи?“ Начался разговоръ между ею и Принцессою Елисаветою, которая заключила его словами: „одинъ Богъ можетъ быть нашимъ наставникомъ!“ Тутъ Король, молчавъ нѣсколько минутъ, всталъ и, выходя изъ

комнаты, произнесъ съ чувствомъ два стиха изъ Альзиры:

Не стояшь смертные того,
 Чтѣбъ власи пожелашь надъ ними.

Петіонъ былъ избранъ въ Меры большинствомъ шести тысячъ, семи сотъ голосовъ: вотъ число тогдашнихъ Якобинцевъ въ Парижѣ! Но, къ стыду добрыхъ гражданъ, сіи изверги дѣйствовали согласнѣе ихъ, нашли способъ порабощить Францію и тиранствовать нѣсколько лѣтъ. —

Фабръ д' Эгланшинъ, другъ Дантоновъ и страшный Якобинецъ, въ началѣ Августа нѣсколько разъ писалъ къ Королю и требовалъ тайнаго свиданія съ Г. Дюбушажемъ, тогдашнимъ Министромъ морскихъ силъ. Король спросилъ у сего Министра, знаетъ ли онъ Фабра д' Эгланшина? — „Знаю какъ Автора Комедій и великаго Якобинца; впрочемъ никогда не видалъ его.“ — Онъ желаетъ открытъ вамъ полезныя для меня тайны, сказалъ Лудовикъ. — „Еслили угодно Вашему Величеству, то я пошлю за нимъ.“ — Въ самомъ дѣлѣ Г. Дюбушажъ пригласилъ къ себѣ Фабра, который явился въ назначенный часъ; началъ съ великимъ жаромъ хвалилъ Короля и Роялистовъ; рассказы-

валъ все, что замышляютьъ Якобинцы, и предложилъ свой планъ, котораго дѣйствіе, по его увѣренію, могло возвратитьъ Лудовику всю прежнюю власль. Сей планъ состоялъ въ томъ, чтобы закупитьъ канонировъ и главныхъ, такъ называемыхъ друзей народа, окружить войскомъ Якобинской Клубъ, Національное Собраніе, однихъ взятьъ подъ стражу, другихъ убишь, и проч. Фабръ д' Эглантинъ шребовалъ для того 5,000,000 ливровъ. Г. Дюбушажъ донесъ о семъ Лудовику, который испугался такихъ жестокихъ средствъ, и не могъ впрочемъ положитьсь на человѣка, столь извѣснаго своею независимію ко Двору. — Многіе Якобинцы дѣлали подобныя предложенія; но Король не хотѣлъ слышать о жестокихъ способахъ.

За два мѣсяца передъ казнію Лудовика никто не думалъ, чтобы его осудили. Самые ревностные Демократы говорили, что одни свирѣлые безумцы могутъ имѣть такое намѣреніе. Но Марсельской легионъ, вслушавшій въ Парижъ, навелъ на всѣхъ ужасъ и переиѣнилъ образъ мыслей Конвента, объявивъ, черезъ печатные листы, что всякой Патриотъ долженъ шребовать Лудовиковой казни. Однакожь и тогда еще всѣ думали, что его осудятъ не на смерть, а на изгнаніе. Г. Мальзербъ былъ въ семъ

такъ увѣренъ, что Аббапъ Саломонъ, пришедши къ нему 15 Января, нашель его сидящаго на полу среди множества ландкартъ: онъ искалъ для Короля надежнаго убѣжища въ изгнаніи.

Г. Мальзербъ описалъ процессъ Лудовика XVI и разговоры свои съ нимъ; но сего манускрипта не нашли по смерти Автора. У меня оспался только опрывокъ его, который здѣсь сообщаю. Г. Мальзербъ рассказываетъ:

„Я спѣшилъ воспользоваться дозволеніемъ видѣть Короля въ темницѣ. Онъ сидѣлъ за маленькимъ столикомъ и читалъ Тацита; всмалъ, обнялъ меня, и глаза его наполнились слезами. Я плакалъ. *Жертва ваша пѣмъ великодушнѣе*, сказалъ онъ, *что вы подвергаете опасности жизнь свою, а моей не спасете.* Я старался увѣрить его, что для меня нѣтъ ни малой опасности, и что ему весьма легко опровергнушь всѣ ложныя обвиненія. *Нѣтъ*, отвѣчалъ Король: *они хотятъ и могутъ умертвить меня.* Впротемъ я слокоенъ, и буду работать съ вами такъ усердно, какъ бы могъ выиграть свой процессъ; мы его и въ самомъ дѣлѣ выиграемъ, когда память моя останется безъ всякаго пятна.

„Онъ каждый день работалъ съ нами, дѣлалъ выписки изъ актовъ, возражалъ

на обвиненія , писалъ свое оправданіе , и доказывалъ такое присупствіе духа , такое спокойствіе , которое насъ удивляло. Мы записывали разныя мысли его. Тронше , споль холодный по своему характеру и правиламъ , не могъ безъ чувства видѣть геройства невинности , и кончилъ съ усердіемъ такое дѣло , которое началъ съ суровымъ равнодушіемъ.

„Дезезъ , написавъ апологію Короля , прочишалъ ее намъ. Заключение въ ней было поржеспвомъ краснорѣчія. Я и Тронше плакали. Король сказалъ : *это надобно вымарать ; я не хогу ихъ прогутъ.*

„Однажды , когда мы были одни , Лудовикъ сказалъ : *У меня лежитъ на сердцѣ то , что Дезезъ и Тронше , не будуги мнѣ ни гѣмъ обязаны , жертвуютъ своими трудами , временемъ , а можетъ быть и жизнью : какъ могу заллетьинъ илѣ ? Я нитого не илѣю ; а естли то нибудь и откажу илѣ , то меня вѣрно не послушаются. — „Ваше Величество ! совѣсть , Европа и попемство наградятъ ихъ. Вы можете дать имъ драгоценной залогъ эпой награды.“ — *Какой же ?* — „Обнимите ихъ !“ — — На другой день онъ прижалъ ихъ къ своему сердцу ; они оба рыдали.*

„Время рѣшенія наступало. Онъ сказалъ мнѣ: *Сестра моя знаетъ одного священника, который не давалъ новой присяги, и который своею неизвѣстностію можетъ спастись отъ гоненія. Вотъ записка объ немъ. Прошу васъ найти и приготовить его къ свиданію со мною, когда мнѣ дадутъ на то позволеніе. Такое предложеніе безъ сомнѣнія странно для Философа: я знаю вашъ образъ мыслей; но если бы вы должны были страдать и умереть подобно мнѣ, то я смѣло пожелалъ бы вамъ моей вѣры, которая гораздо утѣшительнѣе Философїи.*

Когда, возвращаясь изъ Собранія, гдѣ мы предлагали Конвенту отнестись въ семь дѣлъ къ народу Французскому, и говорили всѣ шрое, я сказалъ Королю, что многіе люди при выходѣ окружили меня, увѣряя, что онъ не будетъ казненъ, или по крайней мѣрѣ не умретъ прежде ихъ: тогда Лудовикъ, поблѣднѣвъ, отвѣчалъ мнѣ: *Знаете ли ихъ? Ради Бога возвратитесь въ Собраніе, и скажите имъ, что такое намѣреніе терзаетъ мою душу. Я не хотѣлъ пролить ни одной капли крови и тогда, когда могъ спасти тѣмъ жизнь свою вмѣстѣ съ трономъ: въ тѣмъ и теперь ни мало не раскаиваюсь. — Я первый объявилъ ему осужденіе его.*

Онъ сидѣлъ въ темнотѣ, оборонясь спиною къ лампадѣ (которая горѣла на каминѣ) — облокотившись на столъ и закрывъ обѣими руками лицо свое. Приходъ мой вывелъ его изъ задумчивости; онъ взглянулъ на меня, вспалъ и сказалъ: *Два часа ищу въ мысляхъ копя малѣйшей вины своей передъ Французами, и теперь клянусь вамъ, Господинъ Мальзербъ, съ душевнымъ увѣреніемъ такого человѣка, которому скоро надобно явиться передъ Богомъ, что щастіе народа было всегдашнимъ и единственнымъ желаніемъ моего сердца.*

Барреръ, славный Робеспьеровъ Орапоръ и Членъ ужаснаго Комитета Народнаго Блага, назывался прежде Революціи Барономъ Вьэзакъ: чѣмъ иногда Якобинцы упрекали его. „Въ 1790 году, говоритъ Гж. Жанлисъ, предспавили мнѣ молодого человѣка, который нравился своимъ благороднымъ видомъ, легкимъ, пріятнымъ разговоромъ — и сей молодой человѣкъ былъ чудовище Барреръ!“ Я думаю, что Напура не произвела его жеспокиемъ; въ первомъ Народномъ Собраніи онъ говорилъ всегда благоразумно и съ умѣренностію; но Барреръ служитъ примѣромъ несчастнаго вліянія боязни на слабыя, робкія

души. Сколько людей, рожденных совсѣмъ не кровожадными, сдѣлались извергами, когда Революція привела ихъ въ необходимость погибнуть или губить другихъ! Не говорю, чтобы Барреръ спасалъ тѣмъ жизнь свою: онъ боялся лишиться первенства между главами Революціи, и для того приспалъ къ жестокимъ Якобинцамъ; кричалъ и безумствовалъ не по внутреннему увѣренію, а единственно желая привести въ забвеніе то, что онъ былъ нѣкогда другой партіи. Барреръ пожертвовалъ всѣмъ, друзьями, правилами и добрымъ именемъ Робеспьеру; а наконецъ и Робеспьеромъ пожертвовалъ боязни имѣть одну судьбу съ нимъ. Робеспьеръ, слушая рѣчь его при осужденіи Короля, сказалъ: „вошъ человекъ, какихъ намъ надобно!“ Зависливый и подозрительный характеръ заставилъ его окружить себя одними слабыми, неспособными или такими людьми, которые были измѣнниками другихъ партій; онъ не страшился совмѣстничества первыхъ, и могъ жертвовать послѣдними, когда хотѣлъ, не скорбя тѣмъ своихъ Якобинцевъ. Сія дурная система погубила тирана и спасла Францію. Въ обстоятельстве трудныхъ Робеспьеръ оспался съ одними глупцами, которыхъ

ревность была для него бесполезна; а другіе слуги его тиранства немедленно передались къ непріятелямъ, какъ скоро зашумѣла буря. Такъ поступилъ и Барреръ. Въ первые дни Конвента имѣлъ онъ славу человека съ великими шансами; но тогда пышныя фразы считались краснорѣчіемъ, и въ семь родъ Барреръ могъ назваться образцомъ крикуновъ народныхъ; онъ лучше всѣхъ другихъ умѣлъ играть мыслями и словами, говорить моднымъ революціоннымъ языкомъ и дѣйствовать на воображеніе ужасомъ, увѣряя, что *гильотина есть постель, только не огонь мягкая*, и что *мѣсто казни есть монетный дворъ Республики*. Члены Комитета презирали низость Барреровой души, но пользовались гибкостью ума его, и бросая письма Генераловъ на столъ, говорили: *стулѣй, великой ораторъ; доноси Конвенту!* Никто лучше его не умѣлъ обманывать публики, вмѣшивать въ рѣчи свои красивыхъ выраженій, или остроумныхъ замысловъ, кошорые плѣняли слушателей; и говоря о Вандейскихъ ужасахъ или кровопролитномъ сраженіи, онъ всегда находилъ способъ смѣшить своихъ добрыхъ пріятелей. Однимъ словомъ, Барреръ, не имѣя ни вкуса, ни Генія, но съ воображеніемъ безпорядочнымъ и разумомъ гибкимъ

могъ бытъ главою Клубныхъ Орашоровъ. Демагогическое краснорѣчіе обязано ему своими великими успѣхами; и естли когда нибудь захоплятъ имѣвъ Революціонную Репортику, то надобно требовать ее отъ Баррера. Все писанное имъ послѣ 9 Термидора несносно. Тѣ люди, копорые читають книги, не разумѣють красотъ Баррерова слога. Революція, копорая включила его наконецъ въ число жертвъ своихъ, не дала ему времени обогатиться. Тогда, какъ все цѣнилося золотомъ, онъ не имѣетъ печальнаго успѣшенія вкуснымъ столомъ заманивать къ себѣ снисходительныхъ пріятелей, чпобы въ шумномъ кругѣ ихъ забывать гнусную ролю, имъ игранную. Чшо жь дѣлаетъ Барреръ? чипаетъ за сальною свѣчею Парижскіе Журналы: онъ теперь Ценсоръ!

III.

Кости неизвѣстнаго звѣря, найденныя въ Ярославской Губерніи.

Письмо Графа Алексѣя Ивановича Мусина - Пушкина къ его пріятелю, Г. К. отъ 10 Августа.

Увѣдомляю васъ о чудной находкѣ, достойной любопытства какъ ученыхъ, такъ и неученыхъ людей.

Въ Ярославской Губерніи, въ Мологскомъ Уѣздѣ, въ дачахъ моихъ противъ села Борнеоглѣбскаго, на берегу рѣки Мологи, въ 45 верстахъ отъ города, издавна видѣнь былъ, какъ думали, пень, къ которому привязывались лодки, когда вода упадала; а какъ въ нынѣшній годъ вода здѣсь была необыкновенно низка, то онъ гораздо болѣе открылся — и тогда узнали, что это не дерево, а рогъ необыкновенной величины. Въ прошедшемъ Іюлѣ мѣсяцѣ сосѣдъ мой, Господинъ Родіоновъ, ѣхавшій на лодкѣ по рѣкѣ Мологѣ, увидѣлъ его, взялъ и привезъ ко мнѣ, зная охоту мою до рѣдкостей. Я чрезмѣрно удивился, и послалъ людей рыть въ землѣ близь того мѣста — гдѣ и нашли еще другой такой же рогъ, цѣлую голову, ногу и нѣкоторыя кости. опишу вамъ ихъ мѣру. Голова длиною 1 аршинъ, 12 вершковъ; толщиною во лбу аршинъ; лобъ шириною въ 11 вершковъ. Хрящъ ноздрей окаменѣлъ; одна вся цѣла, а другая изломана; длина ихъ $15\frac{1}{2}$ вершковъ, а внутри 4 вершка. Зубы въ длину по челюсти 6 вершковъ, а въ ширину 2 вершка. Нижняя часть головы вся цѣла, и въ челюсти по одному только зубу на сторонѣ, которые занимаютъ все ея пространство и не похожи на зубы плоско-

ядныхъ звѣрей. Нижняя часть ноги, т. е. бирюля, длиною 1 аршинъ, 5 вершковъ, толщиною вокругъ по обмѣру ниткою 1 аршинъ, $5\frac{1}{2}$ вершка; а верхняя безъ чашки 15 вершковъ. Рогъ въ 3 аршина, 8 вершковъ, а толщиною вокругъ 11 вершковъ, и похожъ изгибомъ на бычачей. Ежели приложить къ головѣ рога, коихъ мѣста видны, то одна голова съ рогами будетъ выше 3 аршинъ; а ежели бы поставили на ноги и вообразить шуловице, то конечно должно быть животному съ головою около 7 аршинъ (*). Вотъ задача ученымъ, не только нашимъ, но и всей Европы! Какого звѣря кости? какимъ образомъ нашлись на сѣверѣ, гдѣ нѣтъ большихъ звѣрей? Я думаю, не отъ всеобщаго ли потопу остались онѣ?

Примѣчаніе Издателя.

Чишапелямъ безъ сомнѣнія извѣстно, что въ разныхъ мѣстахъ, особливо въ Сибири, давно уже находятъ звѣриныя, необыкновенной величины кости, называемыя

(*) Слѣдственно выше слона: ибо самые большіе Индѣйскіе и Африканскіе слоны бывающъ ростомъ только въ двѣ сажени; а другіе гораздо ниже.

маманшовыми. Натуралисты подъ симъ именемъ разумѣли большаго звѣря, котораго родъ, какъ они думали, перевелся на землѣ. Но Г. Добаншонъ утверждаетъ, что мамантъ есть басня, и что мнимыя кости его суть въ самомъ дѣлѣ слоновыя. Бюффонъ и другіе соглашаются съ нимъ. Между прочими и Гмелинъ такого же мнѣнія; однакожь прибавляетъ, что въ Сибири кромѣ маманшовыхъ или слоновыхъ костей находятъ еще большія головы съ *рогами*, похожія на бычачьи, но только гораздо болѣе; одну изъ нихъ самъ онъ отправилъ въ Петербургъ. Если она хранилась тамъ въ Императорскомъ Кабинетѣ (какъ надобно думать), то весьма любопытно сравнить ее съ сею вновь-найденною въ Ярославской Губерніи. Можетъ быть онѣ сходны или одинакія; но иногда все еще не узнаемъ сего животнаго: ибо извѣстные намъ *рогатые* звѣри не имѣютъ такой удивительной величины. Должно обратиться къ старому заключенію Натуралистовъ, что нѣкоторые роды животныхъ въ самомъ дѣлѣ исчезли на земномъ шарѣ. —

На вопросъ: какъ такіе кости зашли на сѣверъ, гдѣ не могутъ жить большіе звѣри, слоны и другіе, любящіе обыкновенно жаркіе климаты? можно отвѣчать

двоимъ образомъ: или утверждая съ Бюффономъ, что нѣкогда и сѣверный климатъ былъ гораздо теплѣе, или полагая, что остатки сего огромнаго звѣря занесены къ намъ водою (такъ какъ и находимыя въ Сибири слоновыя кости). Память страшной революціи, произведенной въ нашемъ мѣрѣ симъ элементомъ, сохраняется не только въ преданіяхъ народовъ, не только въ священныхъ книгахъ, но и въ самомъ образованіи земной поверхности, въ соснахъ первокласныхъ горъ, и проч.

IV.

О нѣжности.

Въ душѣ нашей нѣтъ ничего божественнѣе и святѣе нѣжности; но сколь трудно описать существо ея! Можно ли живописцу изобразить въ ландшафтѣ переливъ свѣта, прозрачность воздуха, свѣжестъ зефира, благоуханіе розы, журчаніе водъ? такъ и въ языкѣ не найдемъ мы красокъ для представленія нѣжности; развѣ изобразимъ только грубыя черпы ея. Иногда состоитъ она въ томъ, чтобы жертвовашь собою, довольствовашься тай-

нымъ одобреніемъ совѣспи, убѣгаютъ благодарности, умножаютъ ласки къ несчастному, мстишь за обиду благодареніемъ; иногда есть она вѣрность слова, которая не соображается съ пользою и переживаетъ, такъ сказать, любовь, дружбу и самую смерть; иногда, не смотря на разрывъ и вражду, оказываетъ услуги, изъясняетъ самую довѣренность; щадитъ самолюбіе непріятеля; отказывается отъ удовольствія сдѣлать добро, чтобы не обременить человѣка благодарностію; хвалятъ опущеннаго съ намѣреніемъ похвалить того, кто передъ нею; бываетъ утонченіемъ сладострастія, скромностію, забвеніемъ себя и безкорыстіемъ въ наслажденіи, которое любятъ болѣе дѣлать удовольствіе, нежели принимать его.

Кротость, любовь и добродѣтель даютъ *цвѣтъ чувства* и тонкую внимательность, которой нѣтъ ни въ какомъ свѣтскомъ навыкѣ. Скажемъ въ честь женщинъ, что онѣ иногда равняются съ нами въ великодушій, и всегда превосходятъ насъ въ нѣжности. Ихъ поспоянная заботливость и примѣчанія въ малыхъ вещахъ совѣмъ намъ несродны.

Самый великодушный человѣкъ есть тотъ, который, имѣя сильныя причины жаловаться на людей, ревностно хочетъ

служить имъ. Мизантропъ можетъ быть героическимъ ихъ благодѣтелемъ. Добрая душа торжествуетъ иногда надъ презрѣніемъ и самою ненавистію.

Нѣжность чувства бываетъ похожа на гордость, и дѣла ея не могутъ быть судимы обыкновенными людьми. Самый разительный примѣръ такой гордости видимъ мы въ Сципіонѣ: будучи обвиняемъ въ похищеніи народной казны, онъ раздираетъ бумагу, которая доказывала его невинность, ибо думаетъ, что ему низко оправдываться.

Нѣжность украшаетъ самые поступки, и Граціи принадлежатъ къ ея свѣтѣ. Снявъ покровъ хитрости, которымъ одѣла ихъ свѣтская развращенность, найдемъ, что пріятности не суть дѣло условія, а внѣшность любезныхъ свойствъ, или, еслили смѣю сказать, *благоуханіе густва*. Сей видъ младенческой, образъ милого простосердечія, и нѣжная улыбка, которые бываютъ обыкновенною хитростию кокетства, представляють невинность; искусственная точность показываетъ чрезмѣрную чувствительность, а веселость внутреннее спокойствіе; *свободный и легкій тонъ* изображаетъ надежность добродѣтельнаго сердца, которое не боится обнаружить себя; а нѣжный

взоръ долженъ быть зеркаломъ нѣжныхъ склонноспей — и такъ далѣе. Сей быстрый взглядъ проникаетъ въ душу отъ того, что онъ даетъ идею о лесномъ чувствѣ. Удивляясь благородной поступи, величественному стану, или маленькой ножкѣ, которая *трелещетъ* въ шапкахъ какъ струна арфы, мы дѣлаемъ заключенія о характерѣ, и не совсѣмъ ложныя, хотя предметъ ихъ шепень.

Женщины *не думая* признаются, что красота душевная имѣетъ вліяніе на ихъ черпы. Тайна уборовъ есть . . . возвысить душу свою. Упощеніе искусства грубо въ сравненіи съ прелестями Напурь.

Пріятности различны по лѣнамъ; что въ двадцать лѣтъ нравится, то безобразно въ сорокъ; и нѣжность, которая украшаетъ женщину, дѣлаетъ смѣшнымъ мужчину: его наружность должна быть мужественна и проста; должна изображать силу, важность, добродушіе и разсудительность.

Вопль нѣкоторыхъ черты *сильной нѣжности чувства*, изъ которыхъ первая можетъ быть сомнительна, но слѣдующія испяны и вѣрны:

Одинъ мужъ зналъ тайную склонность жены своей къ человѣку хорошему, но страстно въ нее влюбленному; зналъ,

что послѣднее доказательство любви могло зависѣть только отъ перваго случая — а ему надлежало ѣхать въ другой городъ. Что дѣлать? онъ идетъ къ любовнику, уведомляешь его о своемъ отъѣздѣ и говоришь: „Я знаю слабость женщинъ и сердце свое; невѣрность сра-
„вишь меня. Мнѣ должно для моего спо-
„койствія поручить жену мою вѣрному,
„благоразумному другу, который могъ
„бы смотрѣть за нею и быть ея совѣт-
„никомъ. Не смотря на нѣкоторыя об-
„стоятельства, я избираю васъ, госу-
„дарь мой! Будьте не только ея, но и
„моимъ другомъ, и сохраните честь му-
„жа, который имѣетъ къ вамъ полную
„довѣренность!“ Любовникъ сохранилъ
ее . . . Многие ли повѣрятъ тому? но сей
любовникъ имѣлъ душу.

Одинъ человекъ убилъ на поединкѣ друга, и спряхался въ сосѣдственномъ домѣ. Хозяинъ обѣщаль укрыть его. Приносятъ убитаго, который былъ единственныи сынъ хозяина; но онъ сдержалъ слово свое!

Бѣглець Французской арміи пойманъ двумя гранадерами, которые съ нехотѣніемъ исполняли должность свою, и сперегли его въ хижинѣ. Ему спало дурно: онъ проситъ, чтобы гранадеры вышли

съ нимъ на крыльцо. „Поди одинъ, сказали ему: мы вѣримъ твоей че́сти.“ . . . Вы можете вѣрить, отвѣчалъ онъ, и вышелъ . . . Ночь темная; густой лѣсъ въ трехъ шагахъ; бѣглець черезъ два дни будетъ разспрѣленъ . . . онъ возвратился въ хижину!

(Изъ Фран. Журн.)

V.

Китайская мудрость.

Переводъ изъ Gazette de France.

Народъ Китайскій считается старшимъ брашомъ всѣхъ другихъ, и по тому не худо справляться иногда съ его моральною исторіею, чтобы знать будущую судьбу нашу. На примѣръ: естли мы теперь похожи на Китайцевъ, жившихъ за двѣ тысячи лѣтъ передъ симъ: то не вѣроятно ли, что пошомки наши должны походить на нынѣшнихъ Китайцевъ? И такъ любопытныя, которые желали бы воскреснуть черезъ 20 вѣковъ, чтобы видѣть перемѣны, случившіяся во время ихъ отсутствія на земномъ шарѣ, могутъ вмѣсто того заглянуть въ Китайскія лѣтописи, самыя полныя и древнѣй-

шія' изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ. А что древніе Китайцы были въ Морали (сабственно въ главномъ) не глупѣ насъ, шо можно заключить изъ ихъ нравоучительныхъ книгъ, написанныхъ прежде Рождества Христова. Вънѣшнорыя мѣсна изъ сихъ мудрыхъ твореній, въ которыхъ чинашель безъ сомнѣнія найдетъ шонкости наблюденія, достойную Философіи нашего времени :

„Чѣмъ болѣе отецъ любитъ сына,
 „тѣмъ болѣе учишь его; чѣмъ болѣе
 „мать любитъ дочь, тѣмъ болѣе рядитъ
 „ее. Отецъ даетъ совѣты сыну, и тре-
 „буетъ ихъ отъ дочери; мать говоритъ
 „сыну, что она хотѣла сдѣлать, а до-
 „чери, что она сдѣлала; отецъ бываетъ
 „къ сыну слишкомъ ласковымъ, а къ до-
 „чери недовольно ласковымъ; мать при
 „людяхъ ласкаетъ сына, а безъ людей
 „на него сердится; ласкаетъ дочь свою
 „шохонько, а при людяхъ бранитъ. Отецъ
 „выдаетъ дочь за - мужъ, чтобы отъ нее
 „избавиться, а сына женитъ для того,
 „чтобы съ нимъ не расставаться; мать
 „выдаетъ дочь съ шѣмъ намѣреніемъ,
 „чтобы она уже не имѣла въ ней нужды,
 „а сына женитъ съ тѣмъ, чтобы онъ не
 „могъ обойтись безъ нее. Отецъ любитъ
 „зятя и сноху; мать любитъ зятя,

„а не любитъ снохи. Отецъ вступается
 „на словахъ за своего зятя и работаетъ
 „за сына; мать шихонько беретъ деньги
 „у мужа для сына, а у сына для дочери.
 „Отецъ желаетъ, чтобы дочь была щаст-
 „лива, а сынъ добрымъ человекомъ; мать
 „желаетъ, чтобы дочь была здорова, а
 „сынъ богатъ. Послѣднiе взоры отца
 „успремяются на сына; послѣднiе вздохи
 „матери бывають о дочери. Сынъ ту-
 „житъ болѣе объ отцѣ, плачетъ болѣе о
 „матери; дочь болѣе поскуетъ о матери,
 „и долѣе жалѣетъ объ отцѣ.“ (Извлече-
 нiе изъ книги *У - те - гоа.*)

Если по сему параграфу можно срав-
 нять родителей древняго Китая съ роди-
 телами нынѣшней Францiи, то по слѣду-
 ющимъ спровамъ, извлеченнымъ изъ *Уанг-
 Чи*, можно сравнять тогдашнихъ женщинъ
 Китая съ нынѣшними Француженками:
 „Кто вѣритъ женѣ, тотъ обманывается;
 „кто не вѣритъ ей, тотъ обмануть. Время
 „раздираетъ покровъ истины и одѣвается
 „имъ; женщины также — онѣ открыва-
 „ють тайны другихъ, чтобы скрыть
 „собственныя. Языкъ есть мечъ женщины:
 „онъ никогда не ржавѣетъ. Чѣмъ болѣе
 „жена любитъ мужа, тѣмъ болѣе исправ-
 „ляетъ его отъ пороковъ; чѣмъ болѣе

„мужъ любитъ жену, тѣмъ болѣе умно-
 „жаенъ ея прихоти.“

Китай мѣсто дальнее: когда мы
 очутились въ немъ, то надобно пользо-
 ваться случаемъ — и для того еще при-
 ведемъ здѣсь Китайскую старинную по-
 словицу, достойную вниманія всѣхъ на-
 родовъ земли:

„Когда мечи заржавѣли, а сошники
 „свѣщлы; темницы пусты, а житницы
 „полны; крыльцы храмовъ покрыты
 „грязью, а дворы судилищъ заросли пра-
 „вою; лекари ходятъ пѣшкомъ, а мясники
 „ѣздятъ верхомъ: тогда бываетъ много
 „стариковъ и дѣшей; тогда государство
 „щастливо.“

Теперь судите, умнѣе ли мы древ-
 нихъ Китайцевъ въ Морали и Политикѣ!
 Съ того времени, какъ сіи книги напи-
 саны и сія пословица извѣстна въ Китаѣ,
 царствовало тамъ множество добрыхъ,
 мудрыхъ Государей, было множество
 ученыхъ, Физиковъ, Философовъ; одна-
 кожь нынѣшніе Китайцы ни мало не
 лучше своихъ предковъ. Жаль! ибо мы
 должны заключить изъ сего, что и наши
 попомки будутъ не лучше насъ.

VI.

Левъ и его любимецъ.

Басня.

Собачку левъ любилъ —
 И всѣ тогда ее ласкали,
 Лисицы въ гости звали,
 Медвѣди кланялись и пигры уважали;
 Спесивый даже слонъ собачкѣ другомъ былъ,
 И хоботомъ своимъ огромнымъ
 То на спину сажалъ, то гладилъ онъ ее.
 Надѣясь не лъзя на щаспие свое!
 Судьбамъ угодно было злобнымъ,
 Чтوبъ царь звѣрей сослалъ любимца своего;
 Любимецъ изгнанный не стоить ничего.
 Всѣ стали клеветать на счетъ собачки бѣдной,
 Что умъ она имѣетъ вредной;
 Лисица голосъ подала,
 Что будто такъ собака зла,
 Что гнусную на льва сатиру сочинила;
 Медвѣдь всѣхъ увѣрялъ,
 Что двѣ сатиры онъ читалъ,
 И что всю истину лисица говорила.
 А заяцъ побѣжалъ
 (Въ томъ зайцевъ вся и сила)
 Не выслушавъ конца, рассказывать вездѣ,
 Что было, какъ, и гдѣ? —
 И мы какъ звѣри поступаемъ:
 Не рѣдко зло ко злу нарочно прилагаемъ.

В. Пушкин

ПОЛИТИКА.

I.

Нѣсколько словъ о новой Французской Конституціи.

(Изъ Нѣмецкаго Журнала.)

И такъ наконецъ явилось сіе великое произведеніе ума, которое такъ долго занимало Геній Консула, и къ которому уже давно готовили публику слухами, нарочно распускаемыми!

Это не есть новая Конституція, говорящъ, а только ея дополненіе! . . . То есть, Бонапарте такъ дополнилъ, какъ хранительный Сенатъ сохранилъ ее!

Законъ, данный въ противность закону, не рассмотрѣнный Трибунатомъ, не одобренный Законодательнымъ Корпусомъ, и перемѣняющій всѣ главныя отношенія правленія, есть ничто иное, какъ дѣйствіе самовластія и новый феноменъ Революціи.

„Но дѣло великаго человѣка въ безпримѣрныхъ обстоятельствахъ не должно быть судимо по обыкновеннымъ правиламъ!“ скажутъ мнѣ: „Франція обязана

благодарностию Консулу, еспьли онъ даже и похищитель. Дикпатура его спасла насъ отъ ужасовъ Анархїи. Для чего не дать ему права взять дальнѣйшія мѣры, чтобы утвердить законную свободу и предохранить насъ отъ возвращенія тиранства? "

Хорошо; мы оставимъ формы, а только рассмотримъ свойство новаго закона.

Первая статья его покажется щасливою переменною, безмолвно уничтожая такъ называемые *выборные списки*. Можетъ быть избранные граждане не совсѣмъ нравились Консулу; но главное то, что сія выдумка не опвѣщствовала цѣли своей. Предписаніе Государственнаго или Консульскаго Совѣта, какъ сочинять списки, было такъ неясно и затруднительно, что оно вездѣ дурно исполнялось; многіе изъ лучшихъ гражданъ не попали въ нихъ, и Правительство со всѣхъ сторонъ получало жалобы на несправедливость. Сверхъ того народъ едва могъ чувствовать се опдаленное, слабое дѣйствіе гражданскихъ правъ своихъ, и долженъ былъ утрачивать наконецъ патріотическую ревность. И такъ мысль возобновить народныя собранія и возвратить гражданамъ, на нѣкоторыхъ мудрыхъ условіяхъ, избира-

тельное право, сообразна съ выгодами и съ правилами республиканской Конституціи.

Но Бонапарте, возобновивъ избирашельныя собранія, уничтожаетъ свободу ихъ дѣйствій. Онъ самъ даетъ имъ Президентовъ, которые, управляя ихъ внутреннюю полицію, найдутъ средство управлять и выборами, съ помощію десяти или двадцати легіонныхъ господъ, сажаемыхъ Консуломъ во всякое собраніе. Еслили какой нибудь гражданинъ, отличный умомъ и дарованіями, присвоитъ себѣ вліяніе на другихъ, несогласное съ видами Правительства, то по силѣ двадцать первой статьи Консулъ можетъ выгнать его, предложивъ собранію, что сей гражданинъ *дозволяетъ себѣ посылки, несообразныя съ гостію Французовъ*. Но еслили, не смотря на всѣ осторожности, какое нибудь избирашельное собраніе захочетъ дѣйствовать въ противосіи намѣреніямъ Консула, то онъ въ силу 36 статьи уничтожитъ его. — Слѣдственно право избранія, данное народу, есть пустое и мечпашельное.

Всѣ другія главныя статьи новой Конституціи произошли отъ особенныхъ случаевъ, которые сдѣлали неудовольствіе Правителю Франціи. Характеръ

его естѣ непоколебимая воля: найдя въ иногда законное сопротивленіе въ дѣйствіяхъ власти своей, онъ взялъ мѣры уничтоживъ закономъ всякую возможность такого рода.

На примѣръ: жаловались, что Министръ Полиціи, Фуше, сажалъ гражданъ въ темницу, не представляя ихъ черезъ 10 дней къ суду, чего требовала Конституція: теперь 54 спалля обращаемъ се злоупотребленіе въ законъ.

Многіе не довольны были вліяніемъ, которое присвоило себѣ Правительство на высшія судилища: теперь оно избираетъ высняго судью.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ присяжные не хотѣли рѣшить дѣла такъ, какъ желало Правительство: теперь Консулъ можетъ ихъ смѣнить посредствомъ Сената.

Нѣкоторые судилища оправдали людей, ненавистныхъ Правительству, и отнимали земли или дома, которыми несправедливо владѣли нынѣшніе случайные люди: теперь Сенатъ можетъ уничтожать всякое рѣшеніе въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ, находя его *противнымъ общей безопасности*. Нужно ли замѣтить, что такое самовластіе считалось донынѣ величайшимъ злоупо-

пробленіемъ въ самыхъ неограниченныхъ
Монархіяхъ?

Трибунашъ по случаю ратификаціи
пракшаша съ Россією дозволилъ себѣ за-
мѣшпшь одно неприличное для Францу-
зовъ выраженіе: теперь ратификація пра-
кшашовъ зависпшь отъ Перваго Консула.

Трибунашъ и Законодательный Кор-
пусъ представляли вмѣстѣ съ Консуломъ
кандидатовъ для убылыхъ мѣспшь въ Се-
нашѣ, кошорый не всегда выбиралъ на-
значенныхъ послѣднимъ: теперь одинъ
Бонапарше представляешъ ихъ.

По Конституціи надлежало имѣшшь
Членамъ Сенаша сорокъ лѣшпъ отъ роду,
и никпо изъ Сенаторовъ не могъ занимашъ
другихъ мѣспшь; но Консулъ, желая вве-
сти въ Сенашъ своихъ братьевъ (изъ
копорыхъ младшему еще нѣшпъ сорока
лѣшпъ, а другому не хотѣлось опказатъ-
ся отъ возможности бышъ употребляе-
мымъ въ важныхъ Минисперскихъ дѣлахъ),
уничтожилъ сей мудрый законъ.

Упрямство Членовъ Трибунаша въ
спорахъ о гражданскомъ уложеніи раздра-
жило Консула; Законодательный Корпусъ
также осмѣливался не принимашъ нѣко-
шорыхъ законовъ. Хотя нынѣ и не лъзя
ожидатъ такого сопротивленія, однакожъ
Бонапарше хотѣлъ взятъ свои мѣры —

убавилъ половину Членовъ въ первомъ, и далъ Сенату право уничтожать какъ Трибунатъ, такъ и Законодательный Корпусъ, чѣмъ держалъ ихъ въ страхѣ. Мудрено понять, для чего оставлены сіи двѣ инѣи законодательной власти; развѣ для того, чѣмъ въ продолженіи времени еще болѣе увѣрить народъ въ ихъ бесполезности.

Сенатъ также въ разныхъ случаяхъ оказывалъ непослушаніе. Когда по закону надлежало выйти нѣкоторымъ Членамъ изъ Трибуната, тогда Бонапарте, желая удалить ненавистныхъ, подъ рукою далъ знать Сенаторамъ, чѣмъ они не по жеребью, а по именамъ назначили, кому выходить и кому оставаться; но сіе предложеніе имъ не понравилось, и только черезъ 15 мѣсяцевъ удалось наконецъ Консулу согласить ихъ на то, отчасти словесными убѣжденіями, отчасти и другими, не совсемъ моральными средствами.

Когда начали разсуждать въ Сенатѣ о непремѣнномъ Бонапартевомъ Консульствѣ, тогда искусные Ораторы, Гара и другіе, убѣдили своихъ товарищей выбрать его только на 10 лѣтъ. Бонапарте долженствовалъ прибѣгнуть къ народу, и въ слѣдствіе Сенатскаго опредѣленія

предложить ему вопросъ, котораго совѣтъ не было въ семъ опредѣленіи. Для избѣжанія пакихъ непріятностей, Сенатъ обращенъ теперь въ Консульской Совѣтъ, и не можетъ ничего сдѣлать безъ Консульскаго предложенія; самъ Бонапарте въ немъ Президентъ и сажаетъ въ него, кого хочетъ. Конституція называла Сенатъ хранителемъ; а теперь онъ есть орудіе разрушенія, и долженъ всякое дѣйствіе Правленія объявлять закономъ. Что же теперь Конституція? Минутная форма, которая можетъ сто разъ перемѣниться, слѣдуя влеченію обшпшельствъ и волѣ Правленія. Однимъ словомъ, Франція, послѣ долговременнаго странствованія, возвратилась опять на то мѣсто, гдѣ была прежде, съ тою разницею, что Королевское *Tel est votre plaisir* (такъ намъ угодно) ограничивалось Парламенстами и собраніями Провинціальныхъ Чиновъ, а волѣ Консульской должно все покаряться въ безмолвіи.

Но купила ли по крайней мѣрѣ Франція жертвою свободы своей увѣренность въ будущемъ спокойствіи? — Не думаю.

Деспотическое Правленіе, вышедшее изъ революціи, которою хотѣли ограничить менѣе безпредѣльную Королевскую власть, не можетъ быть любимо граж-

данами. Когда переспанутъ бояшься возвращенія Анархїи, имъ уничтоженной, тогда и благодѣянїя его забудутся. Увидяпъ только гордое самовласнїе, споль прошивное всѣмъ обѣщанїямъ Консула, и въ словахъ: *равенство* и *свобода*, которыми играетъ Бонапарте, найдутъ жестокую насмѣшку надъ здравымъ смысломъ людей.

Можетъ быть испинная Политика требовала того, чтобы оставилъ въ Трибунапъ слабую сторону прошивниковъ. Почти все они были ненавистны народу; и сія ненависть пѣмъ болѣе привязывала его къ Бонапарте. Многие не одобряли вообще системы Консула, однакожь не смѣли явно осуждать ее, чтобы не показаться согласными съ людьми, имѣвшими дурную славу. Законное дозволенїе противорѣчитьъ удовлетворяло желанїю друзей свободы, и все охотнѣе повиновались. Правленїе могло пользоваться замѣчанїями Критиковъ, не раздѣляя съ ними славы благопворенїй и признательности народа. Чиновники были осторожнѣе; ихъ беззаконїя доходили еще черезъ Трибунапъ до ушей Консула и подвергались изслѣдованїю. Правленїе имѣло видъ живоспи и свободы.

Съ того времени, какъ всѣ прошивники замолчали, слышимъ мы на каеэдрахъ и читаемъ въ Журналахъ однѣ скучныя похвалы Консулу; но должно замѣтить, что Французы уже смѣются надъ сею грубою лестию, такъ, какъ они прежде смѣялись надъ Якобинскимъ краснорѣчіемъ. Люди, благородные душою и непорочные именемъ, жалуясь на корыстолюбіе чиновниковъ, на угнетеніе свободного книгопечатанія, на ежедневное пресупленіе законовъ личной безопасности, на тиранское заключеніе гражданъ въ темницы безъ всякаго суда, на ссылки или депортаціи, и проч. Они вступающія за смѣлыхъ Писателей, которые еще дерзають осуждать такія злоупотребленія. Сочиненіе подъ титуломъ: *Veritable esprit du vœu national sur le consulat à vie*, въ которомъ требуетъ царства законовъ и благоразумной свободы книгопечатанія, разошло въ нѣсколько дней, и всѣ жалѣли о судьбѣ Автора (Камиля Жордана), думая, что онъ взятъ подъ спражу. Такимъ образомъ составляется новая партія недовольныхъ, безъ имени партіи; возставая единственно противъ явныхъ злоупотребленій, она должна присоединить къ себѣ остатки всѣхъ партій

и часъ отъ часу имѣть болѣе вліянія на общее мнѣніе.

Но вѣроятно, что всѣ такія неудовольствія не возмогутъ поколебать государсва, пока живъ великой человекъ, имъ управляющій. Только наследнику его мудро пользоваться сею безпредѣльною властію, если бы и удалось ему, послѣ долговременнаго боренія, присвоить ее себѣ; ибо спокойный переходъ въ такихъ обстоятельствахъ кажется невозможностію, и статьи новой Конституціи ни мало не исполняютъ своего намѣренія. Когда бы Бонапарте оставилъ Сенатъ въ независимости, окружилъ его блескомъ и величіемъ, уважалъ его свободныя опредѣленія и черезъ то пріучилъ народъ чинить въ немъ верховную власть опытности и благоразумія: тогда бы Сенатъ могъ мирно и безъ противорѣчія избрать новаго Консула. Но чего теперь ожидать? Если наследникъ будетъ предсавленъ Консуломъ при жизни его, то сей выборъ безъ сомнѣнія падетъ на человека неопаснаго, то есть неважнаго (чтобы онъ не сдѣлался его совмѣстникомъ); такое незаслуженное предпочтеніе отвратитъ отъ избраннаго сердца Французовъ, и благоразуміе не дозволитъ ему прибѣгнуть

къ хитростямъ для снисканія любви народной. Всемогущая воля одного будетъ держать его на сей высокой степени; но устоитъ ли онъ на ней, когда смерть разрушитъ очарованіе? Еслили же наследникъ будетъ выбранъ по завѣщанію или предложенію другихъ Консуловъ, то уступятъ ли ему многочисленные совѣтники, имѣющіе такія же права на сіе достоинство? И еслили тогда смѣлой Генералъ, на примѣръ въ Трибуналъ, съ помощію друзей своихъ возстанетъ противъ самой Конституціи, или Бурбонъ объявитъ древнія права Дому своего? . . . Но кто исчислитъ всѣ возможности! Въ общемъ замѣшательствѣ представится честолюбивому множеству непредвидимыхъ средствъ; онъ конечно всѣми воспользуется, ибо награда легка и велика.

И такъ что же произведетъ сей новый законъ, который безъ памяти хвалятъ Журналисты и льстецы Наполеона Бонапарте?

При его жизни — болѣе неудовольствія и менѣе гражданской свободы, менѣе личной безопасности, нежели въ какомъ нибудь другомъ просвѣщенномъ государствѣ Европы; а послѣ его смерти — необходимость войны междоусобной!

II.

С. Маринская Республика.

Письмо одного Нѣмецкаго путешественника въ
1801 году.

Желаніе видѣть одну изъ малѣйшихъ и древнѣйшихъ Республикъ въ мірѣ, привело меня въ С. Марино въ Августѣ 1801 году. Сія маленькая область не плѣнительна видомъ своимъ; напрошивъ того видишь вездѣ крушыя скалы и ужасныя бездны, между копорыми промышленность свободныхъ людей напечатлѣла знаки щастливаго трудолюбія. Сіи люди работаютъ съ удовольствіемъ, ибо собираютъ съ надежностію и безъ страха. Вершина горы, почти всегда закрытая облаками, есть въ семъ дикомъ мѣстѣ Италіи отечество того, что древніе Греки называли бы *націю*.

Весьма трудная, узкая дорога ведетъ въ С. Марино. Путешественники обыкновенно останавливаются у кого нибудь изъ гражданъ или въ монастыряхъ: ибо во всей Республикѣ одинъ трактиръ, и то за городомъ. Начальникъ Капуциновъ, почтенный старецъ, древнѣйшей С. Маринской фамиліи, принялъ меня съ искреннимъ дружелюбіемъ и ввелъ въ лучшіе дома. Въ самый первый день

я познакомился съ знаменитѣйшими людьми сей области, и могъ разными вопросами объ Исторіи и теперешнемъ состояніи Республики удовлетворить моему любопытству. Я прочиталъ то, что Аддисонъ говоритъ о С. Марино въ своемъ любопытномъ описаніи, и что всѣ другіе путешественники за нимъ повторяютъ; но скоро увѣрился, что сей великой Писатель во многомъ ошибся, судя по наружности и первому взгляду.

Учредитель и законодатель С. Маринской былъ Архитекторъ изъ Далмаціи; именемъ Марино, который въ пятомъ вѣкѣ, возстановивъ городъ Римини изъ развалинъ его, удалился на сію гору, жилъ въ обществѣ нѣкоторыхъ друзей со всею строгостію опшельника, построилъ церковь, а наконецъ основалъ и городъ, въ которомъ слава святости его привлекала жителей. Никакая область не имѣла почтеннѣйшаго происхожденія.

Республика, имѣя въ окружности 25 Италіянскихъ миль, образуетъ неправильную овальную фигуру, шириною миль въ пять. Хотя гористая земля ея не плодоносна, однакожь питаетъ 7 или 8 тысячъ людей; она покрыта виноградными садами, шелковичными и оливковыми деревьями, которыхъ произ-

веденіями, особливо шелкомъ, торгуютъ живели съ Римомъ, Флоренціею и другими городами Италіи.

Кто знаетъ хорошо Исторію древней Греціи, тотъ никогда не презришь Республики за ея малость. Должно замѣтить, что многія Греческія Республики были еще менѣе С. Маринской: на примѣръ, Плапеа, Эгина и Мегара, которыя, не смотря на то, сдѣлали великія дѣла и пріобрѣли безсмертное имя.

Правленіе въ С. Марино есть демократическое. Верховная власть заключается въ Аренго, народномъ собраніи, въ которое изъ каждаго семейства входитъ одинъ человекъ. Однакожъ Аренго собирается только при особенныхъ случаяхъ; обыкновенно же правленіе ввѣряется *Совѣту шестидесяти*, который, не смотря на имя свое, въ Аддисоново время состоялъ только изъ 40 Членовъ. Въ семъ Совѣтѣ никогда не бываетъ двухъ человекъ изъ одного семейства, и каждый долженъ быть выбранъ. Два предсѣателя его называются Капитанами или Консулами; и смѣняются всякіе 6 мѣсяцевъ. Уголовный и гражданскій судъ порученъ иностранному Юрисконсульшу и двумъ Консуламъ; сей Юрисконсультъ назы-

вается Коммиссаромъ и только три года отправляетъ свою должность.

Аддисонъ говоритъ, что лекаръ и школьный мастеръ считаются значнѣйшими людьми въ Республикѣ. Я спрашивалъ о томъ у Членовъ Совѣта, которые отвѣчали мнѣ, „что сіи люди не имѣютъ никакого преимущества, но, подобно какъ и во многихъ другихъ городахъ „Италіи, содержатся на счетъ казны.“ Въ разсужденіи состоянія ихъ можно замѣтить единственно то, что школьному мастеру гораздо болѣе дѣла, нежели лекарю: ибо въ С. Маринской Республикѣ много дѣшей, а мало больныхъ.

Тамъ считается около тридцати благородныхъ фамилій, изъ которыхъ выбираютъ всегда половину Совѣтниковъ. Говоритъ, что сіи фамиліи умѣрили духъ демократическій; однакожь онѣ были единственною причиною нѣхъ немногихъ революцій, которыя волновали Республику; онѣ мало по малу ввели Олигархію, и только одну нѣнь вольности оставили въ отечествѣ. С. Маринскіе Республиканцы, желая избавиться отъ ихъ тиранства, обратились къ Павѣ, покровителю Республики, и хотѣли быть его подданными. Римскій Дворъ велѣлъ Кардиналу Альберони, тогдашнему Легату

въ Романъѣ, изслѣдовашъ неудовольствія С. Маринскихъ жипелей и узнашъ ихъ точное желаніе. Но Кардиналъ вздумалъ играть ролю завоевателя; собравъ цѣлую армію *Збирровъ* (*), вступилъ съ нею въ С. Марино, и силою заставилъ жипелей присягать Папѣ. Сей шпранскій поступокъ соединилъ всѣ партіи. Республиканцы явились съ новыми жалобами въ Римъ. Папа имѣлъ великодушіе уничтожить все сдѣланное Кардиналомъ Альберони, и возвратилъ жипелямъ древнія права ихъ. Они воспользовались симъ случаемъ, и вольность свою утвердили на мудрыхъ законахъ, отвратившихъ новыя революціи.

Хотя благородныя фамиліи гордятся какимъ-то преимуществомъ, но С. Маринская Конституція признаетъ только два класса жипелей: гражданъ и наемщиковъ. Изъ уваженія къ Папѣ, подъ защитою котораго Республика была споль долго щаслива и покойна, она дала нѣкопорымъ изъ его подданныхъ, особливо жипелямъ Болоньи и Римини, титулъ С. Маринскихъ гражданъ. Самые Венеціанскіе *Нобили*, которые сполько гордились древнимъ благородствомъ и своимъ

(*) Сыщики.

участіемъ въ верховной власти опечесхва ихъ, не отвергали чести быть гражданами сей маленькой Республики. Такая связь съ именитыми иностранцами не только не опасна для свободы, но еще и полезна для безопасности малочисленного народа.

Въ С. Марино видно вездѣ вліяніе свободы. Въ городскихъ зданіяхъ нѣтъ ничего великолѣпнаго; одинакіе дома изъясляютъ щастливую посредственность. Нравы жителей просты и неиспорчены; сіи люди отъ природы имѣютъ здравый умъ и просвѣщены. Рѣдко найдешь между ими человѣка безъ свѣдѣнія въ Исторіи. С. Маринскіе Республиканцы всегда съ великимъ любопытствомъ наблюдали политическія революціи въ Европѣ; надежда и страхъ въ разсужденіи ихъ безопасности пинали сіе любопытство и заставляли ихъ вникать въ причины дѣйствій. Французская Революція, особливо со времени Италіанской войны, еще болѣе расположила умы къ политическимъ наблюденіямъ. Но С. Маринскіе граждане теперь спокойны, считая себя единственными Демократами въ Италіи и вѣрными союзниками Французовъ.

Впрочемъ сія Республика, существуя только вѣковъ въ странѣ болѣе под-

верженной революціямъ, есть политическій феноменъ, достойный вниманія Философа. Главными причинами сей долговременности кажутся мнѣ ея положеніе на горѣ неприступной, бѣдноспъ жилищей и всегдашнее удаленіе ихъ отъ плановъ честолюбія. С. Маринская область не могла ни чѣмъ прельстить сильныхъ завоевателей, но могла опражать нападенія слабыхъ тирановъ, ея сосѣдовъ.

III.

Извѣстія и Замѣчанія.

Москва.

14 Октября, въ исходѣ втораго часа по полудни, мы чувствовали легкое землетрясеніе, которое продолжалось секундъ двадцать и состояло въ двухъ ударахъ или движеніяхъ. Оно шло отъ востока къ западу, и въ нѣкоторыхъ часяхъ города было сильнѣе, нежели въ другихъ: на примѣръ (сколько можно судить по рассказамъ) на Трубѣ, Рожесивенкѣ и за Язую. Въ иныхъ мѣстахъ его совсѣмъ не примѣтили. Оно не сдѣлало ни малѣйшаго вреда и не оставило никакихъ слѣдовъ, кромѣ того, что въ спѣнѣ одного погреба

(въ Городской Частѣ) оказались прециния, а въ другомъ опверстїе въ землѣ, на аршинѣ въ окружности. Такія землетрясенія называются въ Физикѣ *колебательными* (*) (tremblement de terre d'oscillation). Удары были чувствительнѣе въ высокихъ домахъ; почши во всѣхъ качались люстры, въ иныхъ сполы и спуля. Многіе люди, не вѣря глазамъ, вообразили, что у нихъ кружится голова. Работники, бывшіе на Спаской башнѣ, увѣряють, что стѣны ея тряслися. Тѣ, копорые шли по улицѣ или ѣхали, ничего не чувствовали, и большая часть жителей только на другой день узнала, что въ Москвѣ было землетрясеніе. Оно не есть новое и чрезвычайное явленіе въ нашемъ климатѣ, какъ нѣкоторые думаютъ; земли, лежащія еще гораздо ближе къ сѣверу, бывають ему подвержены. Лѣтописи наши говорятъ о землетрясеніи, копорое случилось въ Москвѣ при Князѣ Васильѣ Васильевичѣ Темномъ (въ самый потъ день, какъ Ханъ Татарскій отпустилъ его изъ плѣна), и копорое ужаснуло народъ: ибо онъ, по невѣжесиву и суевѣрїю, вообразилъ, что сей еспешливный

(*) Ихъ раздѣляютъ на три рода: одно колеблетъ землю, другое разрываетъ ее, прешье извергаетъ пламя.

случай предзнаменуетъ моральныя и государственныя бѣдствія: какъ будто бы тогдашняя Москва еще мало спралада, видя Князя своего въ безчестномъ плѣну, Ташаръ власпелинами Россіи, все опеченство въ горести, и бывъ за три мѣсяца передъ тѣмъ жерпвою пламени, которое всѣ домы ея обратило въ кучу пепла! Досдойно замѣчанія, что и тогда землетрясеніе случилось въ Октябрѣ мѣсяцѣ, и также послѣ весьма жаркаго лѣта и засухъ, какія были у насъ въ нынѣшней годъ. Сіи два происшествія раздѣлены тремя вѣками съ половиною: слѣдственно можемъ надѣяться, что и впредь столько же времени пройдетъ въ Москвѣ безъ порыва сихъ воздушныхъ массъ, заключенныхъ во глубинѣ земли, которыя (по мнѣнію Физиковъ), будучи тѣсными огнемъ, съ бурнымъ стремленіемъ ищутъ себѣ выхода. Поблагодаримъ судьбу, удалившую насъ отъ средоточія Волкановъ! Вообразимъ жипелей оспорововъ Анпильскихъ, Филиппинскихъ, Архипелага, Сициліи, особливо Япоиа: тамъ землетрясеніе почти столько же обыкновенно, какъ у насъ сильная гроза лѣтомъ; но они спокойно наслаждаются жизнью! Таковы люди: привычка дѣлаетъ ихъ нечувствительными къ самымъ ужасамъ Натуры.

Теперь съ любопытствомъ ожидаемъ извѣстій изъ чужихъ краевъ: вѣроятно, что Московское легкое землетрясеніе было только эхомъ какого нибудь сильнаго въ другомъ мѣстѣ. Иногда двѣ части міра вдругъ трепещутъ на своемъ основаніи: такъ Лиссабонское землетрясеніе опдалось въ Америкѣ; но удары имѣютъ всегда одинъ центръ. Надобно знать, что во глубинѣ земли есть пустоты или каналы, которые идутъ въ разныя стороны, но имѣютъ сообщеніе между собою: въ нихъ - то свирѣпствуетъ воспаленный воздухъ, разливаясь какъ огненное море и въ одну минуту дѣйствуя на великомъ пространствѣ.

Замѣчено, что землетрясенія бывають осенью чаще, нежели въ другое время года, и ночью, а не днемъ: Московское въ 1445 году случилось по лѣтописямъ въ самую полночь, а нынѣшнее удалилось отъ правила. — Замѣчено также, что въ годы сихъ феноменовъ зимы бывають не холодны, а лѣта плодородны.

Густой и непрерывный туманъ, который у насъ до сего дня (*) продолжается, есть совсѣмъ необыкновенное явленіе и конечно имѣетъ связь съ землетрясені-

(*) Писано 18 Октября.

емъ. Любопытно знать, произвело ли оно какое нибудь дѣйствіе въ окрестностяхъ Москвы: на примѣръ, не сокрылись ли нѣкоторые ручьи, не явились ли новые, не поднялись ли рѣчки, и проч., что обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ самыхъ легкихъ потрясеній.

Швейцарія.

Швейцары, къ несчастію и къ стыду своему, исключительно занимаютъ теперь вниманіе Европы; но Бонапарте поднялъ руку! . . .

Съ того времени, какъ мы говорили о Гельвеціи, Духъ разрушенія и безпорядка довершилъ тамъ дѣло свое. Мятежь сдѣлался всеобщимъ; армія крестьянъ, подъ начальствомъ Эрлаха и другихъ старинныхъ Бернскихъ Аристократовъ, будучи подкрѣпляема Малыми Кантонами, взяла Бернъ, столицу Гельветическаго Правленія. Сенатъ, Исполнительный Совѣтъ и Французскій Министръ Вернинакъ уѣхали въ Лозану. Эрлахъ, вошедши съ торжествомъ въ Бернъ, вмѣстѣ съ другими начальниками учредилъ чрезвычайный верховный Комитетъ до возстановленія древней Гельветической Констипуціи или Кантоннаго Правленія.

Всѣ города Нѣмецкой Швейцаріи пристали къ сей торжесивующей споронѣ, и въ Швицѣ надлежало бытъ общему Сейму. Эрлахова армія безпреспанно умножалась числомъ охотниковъ, земледѣльцевъ и гражданъ, копорымъ изъ Бернскаго арсенала выдавали оружіе. Какое-то единодушіе царствовало между ими; но оно не могло бытъ надежно, будучи дѣйствіемъ личныхъ спрасней, а не любви къ отечеству. Чесполобивый Редингъ есть испинная душа мяпежниковъ; а подкрѣпляякъ его прежные Бернскіе Аристократы, которые хомятъ возврашпть ушраченную властп и знатность свою; народъ же есть только слѣпое ихъ орудіе, и желая воспановленія древнихъ законовъ своихъ, не знаетъ, что не столько въ законахъ, сколько въ обычаяхъ и нравахъ состояло могущество Гельвеціи; что *разрушенное однажды не можетъ бытъ снова пвердымъ и надежнымъ зданіемъ*; что обстоятельство и время пребуютъ нынѣ новаго успава для Кантоновъ и пвердѣйшей связи между ими.

Уже Бернская армія шла къ Лозанѣ, чтобы разрушпть послѣднее гнѣздо Гельветическаго Правленія, которое имѣло на своей споронѣ одну Французскую Швей-

царю или Пей-де-Во, и котораго войско безпреспанно уменьшалось числомъ, не охотно сражаясь съ Бернцами, уже Рединговы друзья, ослѣпленные минушними успѣхами, грозно требовали, чтобы всѣ Члены Гельветическаго Правленія добровольно отказались отъ законной власти своей, которая не угодна народу — но вдругъ обстоятельство перемѣнились отъ слѣдующей прокламаціи Консула Бонапарте :

Бонапарте, Консулъ Французской и Президентъ Италіанской Ресублики къ осьмнадцати Кантонамъ Гельветической Ресублики. Въ Сен-Клу, 8 Вандеміера, перваго — надесять лѣта.

„Жители Гельвеціи !

„Уже два года вы представляете горестное зрѣлище. Противныя спороны одна за другою присвоивали себѣ власть, означая минувшее торжество свое сиемою приспраспїя, которое доказывало ихъ слабость и неспособность. Въ шеченіе десятаго лѣта ваше Правленіе захотѣло, чтобы малочисленное Французское войско было выведено изъ Гельвеціи : Французское Правленіе воспользовалось симъ случаемъ уважить

„вашу независимость. Но скоро парпійи
 „съ новою свирѣпостію возмутили покой
 „опечесства; кровь Швейцаровъ льется отъ
 „руки Швейцаровъ. — Вы три года спо-
 „рили, не умѣвъ согласиться: естли оспа-
 „вить васъ, то вы еще три года будете
 „драпаться, и также не согласитесь. Сверхъ
 „того ваша Исторія доказываетъ, что
 „междоусобныя войны Гельвеціи никогда
 „не прекращались безъ дѣятельнаго по-
 „средства Франціи. — Правда, что я не
 „хотѣлъ — было вмѣшиваться въ дѣла ва-
 „ши; всѣ Гельветическія Правительство
 „требовали моихъ совѣтовъ и никогда
 „имъ не слѣдовали, не рѣдко употребляя
 „во зло имя мое по своимъ личнымъ вы-
 „годамъ и спростямъ. Но я не долженъ
 „быть нечувствителенъ къ вашимъ бѣд-
 „ствиямъ, и перемѣняю свои мысли:
 „буду посредникомъ вашихъ несогласій; но
 „мое посредство будетъ *дѣйствительно*,
 „такъ, какъ прилично великимъ наро-
 „дамъ, которыхъ именемъ говорю съ ва-
 „ми. — Черезъ пять дней по обнародова-
 „ніи сего извѣщенія Сенатъ соберется
 „въ Бернъ. Всякое начальство, вновь
 „учрежденное въ семь городѣ, уничто-
 „жается. Префекты возвращаются на
 „свои мѣста. Набираемое войско распу-
 „снится. Первая и вторая Гельветиче-

„ская полубригада составяютъ гарнизонъ
 „въ Бернѣ. Одно по войско останеся,
 „которое было за шесть мѣсяцевъ передъ
 „симъ. Всѣ распущенные солдаты, нынѣ
 „вооруженные, должны отдасть оружіе
 „Начальству въ ихъ городахъ, гдѣ жи-
 „вуть. Сенатъ отправитъ трехъ Депу-
 „татовъ въ Парижъ; всякой Кантонъ
 „можетъ также прислать ихъ. Всѣ граж-
 „дане, которые въ послѣдніе три года
 „были Ландманами, Сенаторами и зани-
 „мали мѣста въ Правленіи, могутъ прі-
 „ѣхать въ Парижъ, чтобы объявить сред-
 „ства для возстановленія покоя и для
 „соглашенія всѣхъ партій. — Я съ своей
 „стороны имѣю право ожидать, что ни-
 „какой городъ, никакое мѣсто и никто
 „изъ васъ не захочетъ дѣйствовать въ
 „противность сему положенію. — Жители
 „Гельвеціи! оживите для надежды!!!...
 „Опечесство ваше на краю бездны: оно
 „немедленно будетъ удалено отъ нее; всѣ
 „добрые граждане должны способствовать
 „сему дѣлу великодушія.

„Но естли (чего не могу думать)
 „найдется между вами много людей, ко-
 „торые не захопятъ справами и пред-
 „разсудками жертвовать любви къ опече-
 „ству, то вы, жители Гельвеціи! забы-

„ли опцевъ своихъ!!! — Всякой благород-
 „умной долженъ чувствовать, что по-
 „средство мое есть для Гельвецїи благо-
 „дѣяніе Того Провидѣнїя, Которое, сре-
 „ди всѣхъ безпорядковъ и разрушенїй,
 „не преспавало хранишь бышїя и незави-
 „симости вашего народа, и что сіе по-
 „средство есть для васъ единственное
 „спасенїе. Вамъ еще время помыслишь,
 „что Республика, основанная Папрїотиз-
 „момъ и согласїемъ вашихъ предковъ, дол-
 „жна непремѣнно погибнуть отъ раздо-
 „ровъ, есшлы они продолжашся. Горе-
 „сшно вообразить, чшобы время, въ кото-
 „рое новыя Республики явились, назна-
 „чено было Судьбою для истребленїя
 „одной изъ древнѣйшихъ. — *Бонапарте.*“

Теперь оспается Швейцарамъ увѣн-
 чать всѣ безразсудныя дѣла свои войною
 съ Французами. Бонапарте далъ Генералу
 Нею повелѣнїе ийти съ войскомъ въ Швей-
 царїю. Но есшлы (что всего вѣроянѣе)
 Редингъ, Эрлахъ, Вапшенвиль и другїе
 мятежники покорятся необходимости и
 силѣ, то въ Парижѣ будетъ истинный
 Сеймъ Швейцарскихъ Кантоновъ, и мы
 увидимъ еще новую Конституцію.

Парижъ отъ 6 Октября.

Естьли въринъ Англійскимъ Вѣдомостямъ, шо въ Парижѣ было у Консула тайное собраніе всѣхъ умныхъ и преданныхъ ему людей. Разсуждали о нынѣшнемъ *общемъ мнѣніи* во Франціи; о причинахъ, копорыя съ нѣкотораго времени ослабили народную довѣренность къ Правительству, и средствахъ оживить ее. Одинъ *именитый* въ Революціи человекъ (котораго однакожь не *именуютъ*) сообщилъ Консулу письменныя замѣчанія на сей предметъ. „Народъ (говоритъ онъ) испорченъ Революціею; она оставила въ характерѣ его какое-то безпокойство и любовь къ переменамъ, несогласную съ нишиною и благоустройствомъ Консульскаго Правленія: мудрено ли, что оно имѣетъ непріятели?...“ Авторъ, описывая разныя партіи, доказываетъ, что для Правительства страшны не Анархисты, не Роялисты, а хитрые честолюбцы, составляющіе особенную партію, копорая шѣмъ опаснѣе, что она еще не открыла своихъ намѣреній. „Партія Анархистовъ (говоритъ онъ) ненавистна всему народу, и не имѣетъ теперь ни начальниковъ, ни связи. Нѣкоторые изъ ея фанатиковъ могутъ быть полько лично опасны, — Роялисты довольны

„шѣмъ, что имъ позволено дышать сво-
 „бодно, и не войдутъ ни въ какой за-
 „говоръ. Ихъ дѣло состоитъ въ томъ, что-
 „бы внутренне шужить о Бурбонахъ и
 „къ утѣшенію своему искать въ нынѣш-
 „немъ Правленіи сходства съ Королев-
 „скимъ. Одни чрезвычайныя обспояпель-
 „ства могли бы вызвать ихъ на сцену. —
 „Но партія честолюбцевъ, которая те-
 „перь образуется, состоитъ изъ людей,
 „бывшихъ и Якобинцами и врагами Яко-
 „бинцевъ. Они не ознаменованы общимъ
 „презрѣніемъ, хитры, знаютъ народъ и
 „надѣются мало по малу отврашить его
 „отъ Правленія, которое имъ не мило,
 „ибо оно не раздѣляетъ съ ними своего
 „могущества. Анархисты и Роялисты
 „могутъ пристать къ сей партіи: пер-
 „вые для того, что она показываетъ лю-
 „бовь къ независимости; а вторые для
 „того, что она не имѣетъ звѣрскихъ
 „правилъ. Всѣ недовольные Офицеры и
 „Генералы принадлежатъ къ ней.“ —

Жители Сен-Клу приняли Бонапарте съ величайшими знаками радости, съ пушечною стрѣльбою, съ музыкою, съ хорами, и на всю ночь освѣтили дома свои. Консулъ въ Воскресенье давалъ аудіенцію чиновникамъ Республики, и слу-

шалъ въ церкви замка обѣдню. 5 Октября были призваны въ Сен-Клу Государственный Совѣтъ и Сенатъ для чрезвычайнаго засѣданія. Сія новая Версалія представляеиъ уже картину необыкновенной живописи. — Консулъ часто прѣзжаетъ въ Парижъ, бываетъ въ Оперѣ и въ другихъ спектакляхъ. Онъ осматривалъ произведенія Французскихъ фабрикъ, копорыми въ послѣдніе дни Республиканскаго лѣта были наполнены Луврскіе портики. Сія ежегодная *выставка* учреждена закономъ для поощренія фабрикантовъ и ремесленниковъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ избираеиъ присяжныхъ, копорые, разсматривая ихъ работу, опредѣляютъ, кто изъ нихъ особенно успѣваетъ въ своемъ искусствѣ и достоинъ награды. Министръ объявляетъ имена сихъ ремесленниковъ и раздаетъ имъ медали. Учрежденіе прекрасное! Въ нынѣшній годъ публика всего болѣе удивлялась отменно тонкимъ батистамъ одного фабриканта и красотѣ мебели. На сей выставкѣ два шпала изъ краснаго дерева были проданы за 5000 рублей.

Бонапарте, говоря съ Фоксомъ, упомянулъ о Виндамѣ и назвалъ его непріятелемъ роду человѣческаго за то, что онъ непремѣнно хотѣлъ войны. Фоксъ

опвѣчалъ, что Консулъ несправедливо мыслилъ о Виндамѣ, котораго моральный характеръ всѣми уважается. „Мы разныхъ партей, примолвилъ онъ, но благо опечесва намъ обоимъ драгоценно, хотя мы и несогласно думаемъ о средствахъ. И такъ вы забыли третье Нивоза? спросилъ Консулъ. Фоксъ не разумѣлъ его, и Бонапарте, два раза вопоривъ вопросъ, сказалъ, что онъ говоришь объ адской машинѣ, копорою хотѣли умершвить его. Тунъ Англійскій Орапоръ съ жаромъ и съ твердоспїю опвѣчалъ ему: „Нѣтъ, вы ошибаетесь, приписывая Виндаму злодѣйскій умыселъ, несогласный ни съ его, ни вообще съ Англійскимъ характеромъ. Будьте увѣрены, Генераль, что никто изъ послѣднихъ Миниспровъ, никто изъ Англичанъ не имѣлъ участія въ такомъ гнусномъ дѣлѣ.“ — Бонапарте не захошѣлъ продолжать разговора.

Парижскій народъ съ великимъ любопытствомъ смотритъ тѣло Губерпа Шарпантье, которое недавно нашли въ развалинахъ старой церкви на горѣ Валеріанской, и которое ни мало не исплѣло, такъ, что всѣ черты лица сохранились въ цѣлости. Сей Шарпантье, спро-

итель разныхъ церквей, умеръ въ 1650 году и былъ человѣкъ весьма набожной.

Въ нѣкоторыхъ Французскихъ Журналахъ печатають *письма изъ Россіи*, безъ сомнѣнія *согнѣяемая въ Парижѣ*. Сии мнимые Корреспонденцы увѣряють, что все Рускіе сердечно порадовались новымъ перемѣнамъ во Французской Конституціи, находя ихъ весьма мудрыми!! Это можетъ быть пріятно для нашего самолюбія и доказываетъ, что Французы уважають мнѣніе Рускихъ.

Гальванизмъ вошелъ нынѣ въ удивительную моду, особливо съ того времени, какъ Бонапарте объявилъ, что онъ ожидаетъ отъ него великихъ благодѣній для свѣта. Недавно соспавилось въ Парижѣ *Гальваническое общество*, которое слѣдствіемъ опытовъ своихъ надѣнся облегчить недуги человѣчества. Префектъ Сенскаго Департамента отвелъ ему въ такъ называемой *Ораторіи* большія залы, какъ для собранія, такъ и для опытовъ.

Слухъ, что Бонапарте соединилъ все Министерствы въ двѣ главныя и поручилъ ихъ браньямъ своимъ, Иосифу и Луціану, есть басня Нѣмецкихъ Журналистовъ.

Министръ Австрійскій въ Регенсбургѣ отвѣчалъ на нопу Французскаго Министра, доказывая, что все сказанное въ ней о корыстолюбіи Вѣнскаго Кабинета и намѣреніяхъ его въ разсужденіи Баваріи есть — совершенная клевета! Кабинеты и въ старину бывали не всегда учтивы; но прежде, говоря одинъ другому непріятности, они уже поручали Генераламъ доказывать пушками истину словъ своихъ. Теперь, къ щасью, мы видимъ прошивное: Кабинеты ссорятся на бумагѣ, а солдаты въ казармахъ! Австрія не хочетъ вывести войска изъ Пассау, пока Имперская Депутація не утвердитъ плана раздѣловъ.

Флегматическое спокойствіе Голландцевъ было встревожено слухомъ о новой революціи, будно бы замышляемой Генералами Дендельсомъ и Дюмонсо. Директорія позвала ихъ къ опвѣту; но Генералы совершенно оправдались и доказали, что сей слухъ есть нелѣпая и злая выдумка ихъ непріятелей.

Въ Лондонскихъ Вѣдомостяхъ мало любопытнаго; онѣ замѣчаютъ только, что Англійское войско все еще не оставляетъ Мальшы; что Лордъ Вишфортъ

все еще не въ Парижѣ, а Генераль Ан-
 дреосси не въ Лондонѣ. — Пишеть съ нѣ-
 котораго времени такъ слабъ здоровьемъ,
 что онъ не входитъ уже въ политическія
 дѣла, и живетъ въ деревнѣ. Недавно вся
 Королевская Фамилія была у него въ го-
 спяхъ. Сей славный Эксминистръ спра-
 ведливо пользуется всеобщимъ уваженіемъ
 въ своемъ опечествѣ.

Папа избралъ въ великіе Матисперы
 Мальпійскаго Ордена такого человекъ,
 о которомъ никто не думалъ: Принца
 Вареоломея Русполи, которій родился
 въ Римѣ въ 1754 году, командовалъ 4
 года галерами Ордена и жилъ до нынѣш-
 няго времени въ Шотландіи, куда изъ
 Рима послали къ нему нарочнаго съ извѣ-
 стіемъ объ его избраніи.

„Нашъ городъ (пишутъ изъ Штети-
 „на), гдѣ родилась Великая ЕКАТЕРИНА
 „и нынѣшняя Россійская Императрица, не
 „можетъ быть чуждымъ для Россійскаго
 „Императорскаго Дома. АЛЕКСАНДРЪ
 „I., въ знакъ Своего Монаршаго благово-
 „ленія, повелѣлъ Россійскому Министру
 „въ Берлинѣ, Господину Алопеусу, вру-
 „чить Правительству нашему золотую
 „медаль, сдѣланную на высочайшую Коро-

„націю ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Нашъ городъ имѣетъ полное собраніе золотыхъ медалей, вышедшихъ на всѣ главные случаи царствованія ЕКАТЕРИНЫ, и полученныхъ нами въ даръ отъ Ея щедрости.“

Островъ Таманъ по Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА будетъ отнынѣ именоваться *Тмутараканскимъ*. И такъ сіе имя, о которомъ наши лѣтописи молчали со втораго - надесять вѣка, и которое было предметомъ споровъ между Историками, нынѣ воскресло къ чести древней Россіи, ко славѣ ЕКАТЕРИНЫ и къ удовольствію всѣхъ Россіянъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

Н О Я Б Р Ъ 1809.

№ 22.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Необходимость знать первыя ариѳметическія правила до женитвы.

Я завтракалъ въ кофейномъ домѣ, и самъ съ собою шихонько разсуждая о связяхъ общества, происходящихъ отъ разныхъ нашихъ потребностей, внутренно радовался, что нужда кормить себя и домашнихъ своихъ заставила моего хозяина варить такой вкусной, пѣнисшой шоколадъ для людей, у которыхъ есть лишній рубль въ карманѣ. Мысли мои, мало по малу возвышаясь, отъ шоколада и бисквита достигли до теоріи Правленій и гражданской связи. Я искалъ узла, связующаго разныя, иногда противныя выгоды; спрашивалъ Полиптиковъ о тайнѣ общественной гармоніи въ хижинахъ, селахъ и городахъ; отивчалъ себя за нихъ, и видѣлъ, что самое лучшее правленіе

есть то, которое болѣе другихъ даетъ челоуѣку возможности пользоваться своимъ умомъ и трудолюбіемъ въ разныхъ состояніяхъ, необходимыхъ для государства; что всякой законодатель долженъ основать общую пользу на частныхъ выгодахъ, или система его будетъ ненадежна. Однимъ словомъ, мнѣ казалось, что чашка пѣнисаго шоколада есть великое дѣло въ государствѣ.

„И такъ здѣсь все должно быть мѣною!“ думалъ я съ философскою гордо-стію, опсчитывая хозяину пятьдесятъ копѣекъ — и вдругъ услышалъ громкой разговоръ молодаго Офицера съ маленькимъ челоуѣчкомъ и великимъ флегматикомъ, которой, опершись на свою проснь, сидѣлъ въ углу кофейнаго дома.

„Какъ!“ говорилъ ему Офицеръ: „вы считаете химерою патриотизмъ, которой есть душа государствъ, и дружбу, утѣшеніе и бальзамъ нашей горестной жизни? Любовь, сама любовь кажется вамъ холодною выдумкою разсчитисаго самолюбія?“

„Государь мой!“ отвѣчалъ флегматикъ въ шемномъ кафшанѣ: „не будемъ говорить о патриотизмѣ; это заведетъ насъ очень далеко. Что касается до дружбы, то я знаю права ея. Въ ваши лѣта сердце охотно принимаетъ новыя впечатлѣ-

лѣннѣя, и нужда любить влечетъ его ко всякому, кто говоритъ ласково и общается прѣянное. Не вѣрьте эпой наружности. Знайте, что нѣтъ дружбы безъ добродѣтели, а добродѣтели безъ Религїи. Но прошу не говорить о томъ: иначе самозванцы Философы будутъ указывать на меня пальцомъ. Есть также люди, которыхъ весьма превозноситъ мысль о будущей жизни. Оставимъ ихъ въ покоѣ: я человекъ миролюбивой. — Что принадлежитъ до любви, то, по моему мнѣнію, никакъ не должно бросаться безъ памяти на ея удовольствїя; а надобно прежде подумать, и хорошенько подумать. Вы сказали, что я называю ее расчетомъ: можетъ быть это самая лучшая сторона любви. По крайней мѣрѣ я такъ думалъ объ ней, и благодарю судьбу.... Но мудрые господа Полишки такъ шумятъ, что намъ трудно говорить здѣсь. Еслили угодно, то приходите ко мнѣ; можетъ быть я докажу вамъ, что благоразумной человекъ долженъ съ расчетомъ жениться для благополучїя, и напередъ выучить твердо ариѳметическія правила.“

Офицеръ и флегматикъ расстались, пожавъ руку одинъ у другаго. Я всмалъ, и по невольному движенію пошелъ за темнымъ кафтаномъ, которой возбудилъ мое

любопытство. Но онъ бѣжалъ прытко, какъ человѣкъ, которой не можетъ имѣть кареты, или хочетъ употреблять деньги на лучшее, и пользуется всею легкостію ногъ своихъ. Я насилу могъ догнать его, и, не снимая шляпы, сказалъ ему: „Государь мой! не знаю, можно ли предлагать вопросы незнакомцу единственно по тому, что слова его возбудили наше вниманіе. Я былъ въ кофейномъ домѣ, когда вы разговаривали съ молодымъ человекомъ, и вслушался въ ваши рѣчи, которыя, по моему мнѣнію, дѣлаютъ честь вашему благоразумію. Но мнѣ хочется знать, въ какомъ смыслѣ вы утверждаете, что всякому человѣку прежде женитьбы надобно знать первыя ариеметическія правила. Для меня странно, что ваше доброе сердце соглашается съ модною системою нынѣшнихъ ариеметическихъ браковъ. Признаюсь, что, судя по другимъ вашимъ справедливымъ мыслямъ, нахожу это непонятнымъ. Нѣтъ ли у васъ какогонибудь особеннаго языка? какъ вы говорили: аллегорически, или просто?.. Но я чувствую свою нескромность. По крайней мѣрѣ не буду скучнымъ и грубымъ. Только скажу, что вы извинили бы меня конечно, если бы видѣли сердечную ревность мою къ истинѣ.“

По сіе время удивляюсь своему поступку въ эпомъ случаѣ; но я всталъ, вышелъ изъ кофейнаго дома, пробѣжалъ за незнакомцемъ двѣ или три улицы, началъ говорить съ нимъ и кончилъ, едва ли не думая, что я все еще пью шоколадъ свой.

„Государь мой!“ отвѣчалъ онъ съ улыбкою, ни мало не удивляясь моей безразсудности: „слышанное вами не будетъ для васъ загадкою, когда вы согласитесь итти со мною.“

Мнѣ то и надобно! думалъ я; пошелъ за нимъ, изъ улицы въ улицу, говоря мало, и съ примѣчаніемъ разсматривая его со всѣхъ сторонъ.

Я уже сказалъ, но еще скажу, что на немъ былъ темной фракъ . . . Это повшореніе не излишнее, и кафланъ всегда есть нѣкоторое зеркало характера. Онъ былъ одѣтъ просто, но весьма спряшно. Башмаки его (не остроконные и не шупонные, но точно по ногѣ) свѣтились какъ лакъ, не смотря на Парижскую грязь: незнакомецъ сказалъ мнѣ, что онъ нѣсколько разъ въ день заснавляетъ бѣдныхъ Савояровъ чистить ихъ, любя раздавать имъ мѣдныя деньги свои.

Большая дубовая трость служила ему не для занятія руки, а въ самомъ

дѣлѣ надежною опорою; сукно на клапанахъ его длиннаго голубаго камзола, безъ сомнѣнiя опѣ часпаго прикосновенiя руки, вытерлось и почернѣло: мнѣ хотѣлось осудить его за такую неопрятность; но видя, что онѣ при всякой встрѣчѣ съ бѣднымъ ходилъ въ карманъ за деньгами, я узналъ причину и не могъ уже крикливо упреждать благодѣтеля нищихъ.

Живописцу показалась бы голова его слишкомъ велика; но Филантропъ нашелъ бы въ ея образованiи какiе-то знаки благоразумнаго человѣколюбiя. — — Вошъ все мои замѣчанiя, важныя или неважныя, касательно до его наружности! Я замѣтилъ бы, можетъ быть, еще гораздо болѣе, но не имѣлъ времени: мы вошли въ домъ.

Незнакомецъ провелъ меня въ свой кабинетъ; вынулъ изъ ящика листъ бумаги, и отдавая его мнѣ, сказалъ:

„Тутъ вы найдете изъясненiе словъ моихъ, сказанныхъ молодому человѣку, сыну моего прiятеля, желающему быть Авторомъ. Если бы онѣ меня послушался, то я совѣтовалъ бы ему не спѣшить. У него есть талантъ; но жаль, что онѣ, подобно всемъ молодымъ, чувствительнымъ Авторамъ, восхищается одною книжною дружбою, однимъ Спартан-

скимъ патрїопизмомъ, одною добродѣшелою Космополишовъ, одною безразсудною, пїипическою любовію Вертера или Сень-Прё. Излишности прошивны и добродѣшли и щаспїю. Я былъ однажды влюбленъ, слѣдуя обыкновенію; но далѣе не пошелъ, и хорошо сдѣлалъ. Меня обманывали, и прелестная кокетка хотѣла *векселя* на спокойствїе моей жизни. Богъ съ нею и съ другими!

„Однакожь я чувспивовалъ, что жить одному скучно, и рѣшился искать подруги, которая могла бы охотно дѣлать со мною горе и радость; желая найти такую, я выдумалъ странной способъ: а именно, прибѣгнувъ къ ариѳметикѣ, и правиломъ сложенія выбравъ себѣ жену. У меня были въ виду двѣ невѣсты, которыхъ достоинства надлежало мнѣ оцѣнить и сравнивать съ математическою вѣрноспїю. Эпа бумага лучше изъяснитъ вамъ мысль мою.“

Я развернулъ бумагу — и предлагаю чиншелою методу моего новаго знакомца:

Глава первая.

Статья I.

„Дѣвица Адель, двадцати - шести лѣтъ ошъ роду, умна и прїятна въ

„разговорѣ; что можно привести въ сум-
 „ну чешырехъ единицъ - - - 4.

С т а т ь я II.

„Весела, добронравна: прибавимъ еще 5.

С т а т ь я III.

„Она не красавица, но свѣжа ли-
 „цомъ, спройна и по видимому здорова:
 „это споймъ - - - - 5.

С т а т ь я IV.

„Хотя Адель могла бы хвалиться
 „спройностію и нѣкоторыми физически-
 „ми дарами, но не слѣдуетъ той модѣ,
 „которая всякаго незнакомаго знакомитъ
 „въ одну минуту со всеми прелестями
 „нашихъ красавицъ. Онѣ, подобно Діа-
 „нинымъ Нимфамъ, выходящимъ изъ
 „воды, являются на балахъ и въ спектак-
 „ляхъ, едва ли что нибудь оставляя
 „для однихъ мужей своихъ. Эту скром-
 „ность можно оцѣнить въ три единицы 3.

С т а т ь я V.

„Мнѣ всегда казалось, что безъ Ре-
 „лигии женщина не можетъ быть ни хо-
 „рошею маперью, ни вѣрною женою:
 „Адель набожна, и споймъ за то семи
 „единицъ - - - - 7.

Статья VI.

„Все увѣряешь, что она разумѣешь хо-
 „зяйство и бережлива; а какъ я люблю по-
 „рядокъ, необходимый для избытка, и знаю,
 „что многія семейства погибаютъ отъ
 „безразсудной, слѣпой распочительности,
 „по прибавляю еще шесть единицъ - 6.

Статья VII.

„У нее мало родни, и я не могу съ
 „этой стороны ожидать для себя никакого
 „удовольствія. Сдѣлаешь ли за то вы-
 „четъ? . . . Думаю, соображаю, и все еще
 „не знаю, лучше ли имѣть много род-
 „ныхъ или совсѣмъ не имѣть ихъ. Благо-
 „разуміе потребуешь поставишь нуль - - 0.

Статья VIII.

„Имѣнія наспосящаго ни на рубль - - 0.

Статья IX.

„Надежду получишь наследство цѣню
 „въ двѣ единицы - - - 2.
 „Складываю: выходитъ всей суммы 52.

Глава вторая.*Статья I.*

„Дѣвица Софія, будучи моложе шестью
 „годами, выигрываетъ въ шашки прѣмя
 „единицами. Ея лѣша сходѣе съ моими 5.

С т а т ь я II.

„Она не такъ основательно мыслишь,
 „не такъ хорошо выражаетъ свои мысли,
 „какъ Адель; безъ сомнѣнія опъ молодо-
 „сти — но справедливостъ пребуешь вы-
 „чесъ у нее за эпѣшь недостатковъ - 3.

С т а т ь я III.

„То же добронравіе, но менѣе весело-
 „сіи въ характерѣ. Выходя изъ кабинета,
 „послѣ прудовъ и работы, желаешь
 „разсѣянія; возвращаясь домой, съ удо-
 „вольствіемъ думаешь, что шамъ ожи-
 „даешь насъ подруга, которая своею лю-
 „безною веселостію загладитъ въ нашихъ
 „мысляхъ непріятное впечатлѣніе свѣт-
 „скихъ глуностей. Эта спашья пребуешь
 „еще убавки - - - 2.

С т а т ь я IV.

„Софія такъ же здорова, какъ Адель,
 „но гораздо лучше лицомъ. Это пріятно;
 „„мужья гордятся красою женъ своихъ.
 „Однакожь, взглянувъ теперь на розу,
 „купленную мною вчерашній день, вижу,
 „что она уже завяла. Довольно, ешь-
 „ли выгоду Софіиной красоты оцѣню въ
 „единицу - - - 1.

Статья V.

„Софія одѣвается съ большимъ вку-
 „сомъ и гораздо пріятнѣе; но по бѣда,
 „что она слишкомъ *литаетъ* глаза мои.
 „Не имѣю сердца наказывать ее; но раз-
 „судокъ говоритъ, что это слабость.
 „Такъ и быть! По крайней мѣрѣ не буду
 „спрогъ; убавлю противъ Адели только
 „единицу; напишу - - - 2.

Статья VI.

„Признаюсь, что Софіины родители
 „совсѣмъ не думали воспитывать ее въ
 „правилахъ Религіи. Это мнѣ очень при-
 „скорбно. Я не люблю замковъ; выходя
 „изъ дому, желаю быть увѣреннымъ въ
 „дѣломудрїи жены моей такъ же, какъ
 „въ честности моего камердинера; однимъ
 „словомъ, никогда не беру ключа съ со-
 „бою. Съ другой стороны женщина *воль-*
 „*нодумка* въ нѣкоторыхъ дѣла и въ нѣко-
 „торыхъ обстоятельствехъ должна крайне
 „скупать жизнь. — Но Софія молода,
 „кроткаго нрава, нѣжнаго сердца; и смѣ-
 „лой мужъ (правда, очень смѣлой!) могъ
 „бы взять на себя ея лучшее воспитаніе.
 „Довольно будетъ означить сей аршикуль
 „нулемъ - - - 2.

С т а т ь я VII.

„Безпечность въ разсужденіи хозяй-
 „ства и совершенная непривычка къ
 „домашнимъ упражненіямъ заставля-
 „ютъ меня также уничтожить и эту
 „снатью - - - - 0.

С т а т ь я VIII.

„Софія теперь не богата, однакожь
 „можетъ содержать себя доходомъ сво-
 „имъ, и быть въ разсужденіи денегъ
 „независимою отъ мужа. Это надобно
 „поставить въ счетъ и оцѣнить по край-
 „ней мѣрѣ въ четыре единицы — - 4.

С т а т ь я IX.

„Почти такое же наслѣдство въ
 „виду - - - - 9.
 Сумма - - - - 17.

П р и м ѣ ч а н і е.

„Адель и Софія имѣютъ равныя та-
 „ланты: знаютъ музыку, поютъ, тан-
 „цуютъ очень пріятно; но женщина,
 „исполняя обязанности супруги, мате-
 „ри, хозяйки, едва ли найдетъ время
 „пользоваться такими искусствами. Что
 „принадлежитъ до меня, то я совсѣмъ
 „не думаю заводить у себя Академіи,

„и хочу только, чтобы жена моя съ удо-
 „вольствиемъ слушала пріятныя книги,
 „которыя буду читать ей въ зимніе ве-
 „чера. Хорошо, еслии она можетъ ино-
 „гда усладить мою душу прогапельною
 „балладою и пѣснею; но мнѣ не надобно
 „ученаго, мудренаго, Испаліянскаго. Я
 „радъ плакать отъ нѣжной, простой ме-
 „лоди; а невинный младенецъ заснетъ
 „покойно на рукахъ ея.

Дѣвица Адель имѣетъ	-	-	32.
- - Софія	-	-	17.

„За вычетомъ остается	-	-	15.
-----------------------	---	---	-----

„Слѣдственно Адель гораздо богатѣе
 „единицами; слѣдственно женюсь на ней,
 „еслии она только согласится быть
 „моею женою — хотя, слѣдуя первому дви-
 „женію сердца, предпочель бы я Софію. —
 „Писано и рѣшено 30 Декабря 1783.“

Прочитавъ эту странную бумагу,
 я хотѣлъ предложить Авипору нѣкоторыя
 вопросы; но онъ, не давъ мнѣ вре-
 мени, отворилъ дверь въ другую комна-
 ту, познакомилъ меня съ женою своею,
 окруженною прекрасными дѣтьми, и ска-
 залъ: „вы видѣли мое сложеніе и *выгита-*
 „*ніе*; нужна была *ловѣрка*: вотъ она!“

Признаю васъ первымъ Ариеметикомъ
 въ государствѣ, отвѣчалъ я, смотря

на милостивую жену и дѣшей его: самъ Баремъ не нашель бы за вами ошибки въ первыхъ двухъ правилахъ; а что касается до *умноженія*, то всѣ Математики на свѣтѣ не дерзнули бы спорить съ опцомъ такого милаго семейства. Правда, что вы должны подѣлиться славою съ любезной вашей супругой; но это дѣленіе васъ конечно не поссоритъ.

Меня пригласили обѣдать; я узналъ короче хозяина, и благодаренъ за то моему нескромному, но щастливому любопытству. Миѣ хотѣлось копіи съ его арифметической рукописи; онъ самъ списалъ ее для меня, и дозволилъ напечатать въ Журналѣ.

(Съ Франц.)

II.

Критическая исторія бѣдности.

(Изъ Американскаго Журнала.)

Трудно опредѣлить съ точностію время, въ которое бѣдность начала дѣйствовать въ свѣтѣ; трудно назначить минушую ея рожденія. Хронологисты не говорятъ о томъ ни слова; и тѣ, которые сообщили намъ родословную боговъ, умолчали о сей богинѣ, хотя она въ древности

также имѣла олшари и храмы на земномъ шарѣ.

Однакожь въ Платонѣ находимъ довольно остроумную басню на счетъ сей богини. На праздникѣ, данномъ Юпитеромъ въ день Венерина рожденія, Бѣдность скромнымъ образомъ стояла у дверей чертога, чтобы подобрать крошки божественнаго обѣда. Плутусъ, богъ золоша или богатства, упившись Нектаромъ, свалился съ рѣзныхъ креселъ. Услужливая Бѣдность подняла его и вывела въ садъ Олимпійскій: тамъ, сѣвъ на лавку, веселой богъ приласкалъ помную богиню. Отъ сей ласки родился Купидонъ, похожій на отца своею лѣбезностью, а на мать своею нагошою. Вотъ Платонова басня: теперь расскажем испорцію бѣдности.

Хотя бѣдность и весьма стара, однакожь не существовала въ первые дни міра, не являлась въ золотой вѣкъ и не заглядывала въ земной рай. Но сей щастливый вѣкъ былъ не долговременнѣе розы: исчезъ — и бѣдность показалась. Хотя праотцы наши и не знали ее лично, однакожь имѣли объ ней идею. Вѣроятно, что въ Каиново время она была уже не во младенчествѣ: ибо Историкъ Иосифъ пишетъ, что Каинъ скитался

но землѣ вмѣстѣ съ какимъ - то разбойникомъ. Впрочемъ древность шемна; знаемъ только, что бѣдность утвердилась въ мірѣ при добродѣтельныхъ Папргархахъ. Въ сіе время видимъ уже купцовъ, торгующихъ невольниками: что доказываетъ послѣднюю степень ея. Свяшый мужъ Іовъ клянется, что бѣдные не могутъ ничѣмъ укорять его, и что онъ всегда помогалъ имъ въ нуждахъ.

Вездѣ древніе законодатели пеклись о нищестѣ. Моисей старался мудрыми учрежденіями облегчить долю ея. Раздѣленіе земли по семействамъ и колѣнамъ; семилѣтній Юбилей; обыкновеніе во время жатвы давать бѣднымъ нѣкоторую часть плодовъ, и законъ Морали любить ближняго какъ самого себя — все сіе было средствомъ ограничить бѣдность. И такъ не мудроно, что Іудеи во время аристократическаго правленія не имѣли нищихъ. Цари ихъ были несправедливы; опшнимали собственность подданныхъ, и шѣмъ умножили число бѣдныхъ. Послѣ Давидова царствованія корыстолюбивые правители грабили народъ; и состояніе его сдѣлалось еще хуже подъ игомъ Царей Вавилонскихъ, Персидскихъ и Римскихъ Императоровъ. Тогда богатныя семейства, желая облегчить судьбу бѣдныхъ, посвя-

шили имъ десяшую часть своего имѣнїя, какъ по видимъ во времена Евангелистовъ; а прежде имъ давали только сороковую или тридцашую долю: обыкновеніе, свято наблюдаемое и въ наше время симъ несчастнымъ народомъ. Если нѣтъ бѣдныхъ тамъ, гдѣ живутъ Іудеи, то они посылаютъ милосшню въ самыя отдаленныя мѣста. Купцы ихъ въ торгахъ своихъ всякой разъ назначаютъ нѣкопорую сумму для немущихъ, и при концѣ года даютъ имъ въ томъ отчетъ.

Другіе законодатели такъ же слѣдовали примѣру Моисея, и брали мѣры для вспоможенія шѣмъ, которые разорялись отъ пожара, наводненїя, войны или неурожая. Увѣренныя въ томъ, что лѣность есть мать нищеты, они наказывали ее весьма строго. Въ Египтѣ считалась она важнымъ преступленіемъ. Бродяги и нищїе совсѣмъ не были терпимы. Тунеядцы, не хотѣвшїе участвовать въ народныхъ работахъ, наказывались смертїю. Египтяне, находя въ Іудеяхъ склонность къ лѣности, заставляли ихъ дѣлать кирпичи для строенїя славныхъ пирамидъ, чтобы они не были праздными бродягами.

Въ Греціи видимъ тотъ же духъ. Ликургъ не хотѣлъ въ Республикѣ своей

ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Лакедемонцы его жили и работали вмѣстѣ. Въ Спартиѣ были общественные магазины, изъ коихъ выдавалось все нужное гражданину, смотря по его лѣшамъ и сложенію. Аѳиняне, Коринѳяне и другіе народы Греціи не имѣли такихъ учрежденій; но законы Драконовы, Солоновы и прочихъ законодательей наказывали смертію лѣнивыхъ. Человѣколюбивый Платонъ въ своей Республикѣ опредѣлилъ только изгонять ихъ, называетъ врагами опечества, и говоритъ, что всякая спрана, гдѣ много нищихъ, подвержена мятежамъ и бѣдствіямъ: ибо люди, которыхъ нечего поперять, всегда готовы соединиться съ возмущенными общаго покоя.

Римляне, имѣвшіе цѣлюю благоденствіе народное, не уступали Грекамъ въ сей строгости. Цензоры ихъ всего болѣе старались перевести бродягъ, и иунеядцы были употребляемы при общественныхъ сироеціяхъ. Тогдашніе Римляне не имѣли правила нынѣшнихъ и не говорили, что *бездѣлье (fat niente) есть самое пріятное дѣло*. Республика пчелъ и муравьевъ служила для нихъ примѣромъ. Виргилій говоритъ о сихъ послѣднихъ, что у нихъ есть надзирашеля, наказывающіе лѣнивыхъ:

..... Pars agmina cogunt
Castigantque moras.

Естьли въришь нѣкоторымъ путешественникамъ, то бобры еще строже наказываютъ сей порокъ; однакожь все не такъ жестоко, какъ древніе Германцы, которые, по словамъ Тацита, впапывали шунядцевъ въ грязь и въ шину болотъ своихъ.

Сія строгость Древнихъ была не варварствомъ, а правиломъ мудрости; они любили человѣчество, ибо ревностно помогали бѣднымъ старикамъ, больнымъ и жеривамъ непредвидимыхъ несчастій. У кого не было родственниковъ, кто не могъ работать, шонъ прибѣгалъ къ судьямъ народнымъ. Улиссъ въ одеждѣ нищаго являеися въ домъ Эвримаха, который, видя его цвѣтущее здоровье, предлагаетъ ему работу, съ угрозою ославишь его безъ всякой помощи, если онъ лѣнивъ. Когда Римскіе Императоры, даже самъ Тиберій и Неронъ, раздавали деньги бѣднымъ, тогда празднующы всегда исключались изъ списка бѣдныхъ, какъ недостойные благодѣанія. Древніе думали, что лучше уморить съ голоду лѣниваго, нежели питать его лѣношью.

Отъ того ли, что Дрезнѣ имѣли лучшую полицію, или болѣе нашего помогали бѣднымъ, или рабство успрашало шунеядцевъ; но кажется, что нищета была у нихъ рѣдкимъ явленіемъ. Она не знали, что такое гошпишали и богадѣльни.

Въ началѣ Христіанства, когда Апостолы проповѣдывали общественности имѣнія, ученики ихъ не знали бѣдности; всѣ они жили какъ братья и ревностно помогали другъ другу. — Константинъ освободилъ всѣхъ Христіанъ, которые въ царствованіе его предшесивенниковъ содержались въ темницахъ или работали на галерахъ. Они возвратились въ общество съ нищетою и съ болѣзнями. Христіанскихъ семействъ было еще не такъ много, чтобы они могли содержать ихъ. Тогда Правительство взяло на себя попеченіе о сихъ жалкихъ спрадальцахъ: начали строить гостиницы и богадѣльни для сиротъ, больныхъ, вдовъ и сиротъ. Императоры и вельможи посѣщали ихъ тамъ, и не рѣдко сами служили несчастнымъ, подавая имъ лекарства и перевязывая раны. Сте великодушіе такъ прославило новую Религію, что Іудѣанъ заставлялъ и самыхъ язычниковъ подражать ему.

Но всякое благодѣтельное заведеніе можешь со временемъ имѣть дурныя слѣдствія. Многіе невольники, получивъ свободу, не захошѣли жить въ сихъ богатѣльняхъ, считая ихъ нѣкошораго роду шемницею; они разсѣялись по государству — показывали знаки ранъ своихъ, слѣды цѣпей, и приводили въ жалость людей добродушныхъ. Тогда ремесло нищихъ, запрещенное законами, сдѣлалось весьма прибыльнымъ для бродягъ и шунедцевъ. Императоры должны были выдать новые строгіе законы противъ сего великаго зла; и всякой гражданинъ имѣлъ право взять нищаго къ себѣ въ вѣчныя рабы.

Китай служишь примѣромъ самой исправной и дѣятельной полиціи. Тамъ совсѣмъ нѣтъ нищихъ, и всѣ работаютъ, даже изувѣченные и слѣпые; а кто не можетъ работать, того нищаетъ общество. Что дѣлается въ Китаѣ, то можетъ быть и вездѣ. Сія гнусная, опротивительная, вредная и наглая нищета, столь противная законамъ благочинія и Морали, когда нибудь должна уснупить мѣсто скудости кроткой, смиренной, промышленной и трудолюбивей. Тогда оправдывается басня Платонова, хотя опчасни; тогда богъ золотъ подружился съ бѣдностію,

которая будетъ матерію еспублики не любви, но по крайней мѣрѣ земледѣлія, художествъ и промышленности.

III.

Анекдотъ.

Шестъ человѣкъ, молодыхъ, пылкихъ, добрыхъ пріятелей, сидѣли за ужиномъ въ трактирѣ Крестовскаго острова въ П — ѣ. Въ числѣ ихъ былъ Лѣодоръ, Секретарь Графа Н. Н., прекрасный лицомъ, любезный характеромъ. Они веселились безъ памяти, стучали рюмками, шумѣли и смѣялись такъ громко, что ихъ можно было слышать на улицѣ. Мало по малу шумъ затихъ: любовь сдѣлалась предметомъ разговора. Молодосиль опкровенна, особливо въ часъ за полночь и въ кругу сверстниковъ. У каждого было сердце на языкѣ; всякой рассказывалъ о своихъ желаніяхъ; надеждахъ, успѣхахъ, и неудачахъ. Лѣодоръ наименовалъ Эмилию — и всѣ, закричали: „какъ ты щасливъ, еспублика она тебя любишь!“ Эмилиа была одною изъ первыхъ Мо — скихъ красавицъ. Лѣодоръ вынулъ изъ записной книжки порицаніе ея съ девизомъ: *твоя до гроба!* Восклицанія: „какъ ты щасливъ!“ повпорядились. „Ахъ! благо-

дарю Судьбу!“ сказалъ онъ: „кто имѣнъ прелестную невѣсту, вѣрнаго друга, добрыхъ пріятелей и 24 года онъ роду, тому не чего болѣе желать въ свѣтѣ!“ Лѣодоръ, говоря такимъ образомъ, съ горячностію обнималъ Милонъ, нѣжнаго друга своего. ... Между шѣмъ свѣчи догорѣли; самое веселье ушломолодыхъ людей: надлежало распаться, впредь до скорого и радостнаго свиданія.

Лѣодоръ и Милонъ поѣхали вмѣстѣ на лодкѣ. Утренняя весенняя заря красила небо, опсвѣчиваясь въ зеркалѣ пышной рѣки. Лѣодоръ былъ въ самомъ щасливѣйшемъ расположеніи, и говорилъ съ тихимъ восторгомъ: *Какъ мила жизнь! какъ все хорошо въ свѣтѣ! Никогда еще душа моя не чувствовала такой живой благодарности къ Творцу!* — На берегу друзья проспились; имъ надлежало итти въ разныя спороны. Лѣодоръ останоился, взглянулъ назадъ, и видя, что Милонъ также спитъ на одномъ мѣстѣ и смотритъ на него, бросился еще разъ обнять друга; глаза его наполнились слезами, радостными и сладкими. . . . Предчувствіемъ бѣдствія называемъ мы обыкновенно уныніе и тоску безъ извѣстной причины; но иногда таишя оно въ какомъ-то необыкновенномъ и неизъясни-

момъ сердечномъ удовольствіи. Щастіе, гопповясь оспавить насъ, предспавляется сердцу во всей красотѣ своей и ласкаетъ его съ опмѣнною живоспїю. Судьба, поднимая руку съ мечемъ, другою сыплеть цвѣпы на жертву свою. По крайней мѣрѣ я замѣчалъ сей феноменъ.

Ліодоръ нашель дома письмо изъ Мо — вы, въ консоромъ увѣдомляли его сбъ Эмилиной скороспнжной смерти! . . . Есть горесни, конорыхъ не должно описывать. Всякой по мѣрѣ своей чувствешпелъности можетъ вообразить ихъ.

Прошло около недѣли. Нещастный молодой человекъ наконецъ опомнился — и глаза его искали друга. Милонъ во все это время не былъ у него, и даже не прислалъ объ немъ навѣдаться. Такая безпечная холодность казалась Ліодору преступленіемъ въ дружбѣ; онъ самъ поѣхалъ къ нему, чтобы имѣть печальное утѣшеніе сказать: „я въ опчаянїи, а ты не знаешь!“ — У воротъ дому вспрѣтился ему Священникъ; на крыльцѣ онъ почувствовалъ духъ ладана, а въ залѣ увидѣлъ Милона лежащаго на столѣ: онъ умеръ наканунѣ! . . .

Ліодоръ казался твердымъ: не плакалъ, не жаловался; обнялъ холодный трутъ съ горячоспїю — и спѣшилъ къ своему

начальнику, Графу Н. Н., который, взглянув на него, ужаснулся: на Людорѣ не было лица человѣческаго. Онъ требовалъ своей отставки, не сказывая причины. Графъ вообразилъ, что умъ его въ безпорядкѣ, и совѣщивалъ ему ѣхать домой, обѣщая прислать къ нему Доктора. Людорѣ улыбнулся... Ся улыбка была послѣднимъ геройствомъ сердца его. Въ самую эту минуту вошелъ въ кабинетъ къ Графу одинъ изъ молодыхъ людей, съ которыми Людорѣ за недѣлю передъ тѣмъ ужиналъ на островѣ, — былъ такъ веселъ и щасливъ!.. Онъ упалъ въ обморокъ.

Черезъ нѣсколько дней Людорѣ уѣхалъ изъ П — а, съ намѣреніемъ, которое для него самого было не ясно; онъ чувствовалъ шелько, что ему надобно перемѣнить мѣсто, когда судьба его такъ ужасно перемѣнилась. — Открылась М — ва, въ которую воображеніе и сердце его такъ часно лезало, и куда онъ надѣялся возвратиться за шельмъ, чтобы навѣки соединиться съ Эмилиєю!.. Людорѣ велѣлъ ѣхать прямо въ До — ской монастырь. Начинало смеркаться: въ стѣнахъ его царствовала глубокая тишина, разительный образъ спокойствія могилъ, которыми онъ наполнилъ. Въ семь истинномъ жилищѣ мер-

пвыхъ не видно было ни одного живаго существа; одни монументы представлялись взору, споль ужасные для иного, кто еще ничего любезнаго не опдавалъ смерти, и споль привѣтливые для гореспныхъ, положившихъ во гробъ милое! Между ими и смертію естъ какая-то симпатія....

Людоръ былъ тамъ нѣкогда съ Эмилиєю и вмѣстѣ съ нею плакалъ надъ гробомъ ея матери: подлѣ сего монумента лежалъ новой камень... Сердце несчастнаго любовника запрепало; онъ бросился на колѣни — цѣловалъ, омывалъ слезами Эмилиину могилу — говорилъ съ мертвою какъ съ живою — описывалъ ей опчаяніе любви своей — душа его дѣлилась между небомъ и землею, спремаясь въ оспашкамъ плѣннаго бѣжнія любовницы и къ тому, что составляло жизнь и красоту его... Въ сіи минушы, когда сердце рвется къ милымъ усопшимъ, подымается нѣкопорымъ образомъ таинственная завѣса вѣчности: мы чувствуемъ дыханіе безсмертныхъ — осязаемъ, кажется, эирное существо ихъ. Живость сихъ воспорговъ заставляешъ насъ думать, что они не совѣмъ мечшательны, и что смерть не естъ совершенный разрывъ сердецъ, копоры жили однимъ чувствомъ. Еспьли мы, оставленные, умѣемъ нѣжно хранишь

память любезныхъ, по неуже ли они въ другой сферѣ бышя совсѣмъ нечувствительны къ нашей горести? Развѣ безсмертіе научило ихъ неблагодарности и непоспоянству? какіе законы не уступяшъ силѣ любви, когда надобно утѣшить милого? и что останешя несплѣннаго въ душѣ, еспли въ ней любовь исчезаетъ?... Но сіи воспорги не продолжипельны; душа низпадаетъ въ горестную существенность и не находитъ вокругъ себя ничего, кромѣ безмолвія и непроницаемости гробовъ, а въ чувствахъ своихъ одинъ слабый луч надежды.

Въ семъ монастырѣ и въ сей вечерѣ Лѣодоръ видѣлъ одного старца, котораго Христіянская бесѣда чудеснымъ образомъ успокоила его сердце. Старецъ, говоря о суешѣ міра, указывалъ на гробы!.. Онъ утѣшалъ молодаго человѣка, но единственно такъ, какъ утѣщаетъ Религія — не мечпами, не видами новыхъ удовольствій въ жизни, а необходимостію покоряться таинственной волѣ Всевышняго.

Лѣодоръ поѣхалъ въ свою деревню въ Во — ской Губерніи, окруженную густыми лѣсами. Не далеко отсюда есть монастырь, основанный (какъ говоритъ преданіе) въ шестомъ — надесять вѣкѣ однимъ несчастнымъ отцомъ и супругомъ,

который служилъ въ войскѣ Царя, возвратился въ свое помѣстье и не нашелъ ни дому, ни жены, ни дѣшей: они сгорѣли во время его отсутствія. Онъ поселился въ монастырь и былъ въ немъ первымъ монахомъ. Лѣодоръ рѣшился слѣдовать его примѣру и навѣки отказать отъ міра. Начальникъ шамоняго Духовенства, мужъ благоразумный, совѣтовалъ ему прежде испытать сердце свое, и назначилъ для него три года искуса. Молодой человекъ поселился въ сей уединенной обители, и два года служилъ примѣромъ строгой жизни древнихъ Христіанскихъ отшельниковъ. Господинъ П * * * (который рассказывалъ своимъ пріятелямъ сей анекдотъ) видѣлъ его въ исходѣ втораго года: Лѣодоръ казался въ душѣ и въ сердцѣ мертвымъ для свѣта; на блѣдномъ лицѣ его изображалось какое-то величественное спокойствіе; онъ не хотѣлъ даже говорить о своихъ несчастіяхъ и потеряхъ. — Господинъ П * * * увидѣлся съ нимъ въ другой разъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: Лѣодоръ обрадовался ему, повелъ его гулять въ лѣсъ, и покраснѣвши указалъ ему на одно изъ деревьевъ имя Эмили. Слезы поднялись изъ глазъ его; онъ началъ говорить объ ней; рассказывалъ всѣ обстоятельствова своей исторіи съ великою живостію, и слушалъ

съ великимъ вниманіемъ, когда Господинъ П***, удивленный его переменною, совѣтовалъ ему возвратиться въ свѣтъ. „Нѣтъ!“ отвѣчалъ молодой человѣкъ: „я не хочу быть предметомъ насмѣшекъ. — Вотъ гробъ мой!“ примолвилъ онъ со вздохомъ, входя въ монастырскія ворота.

Черезъ полгода Господинъ П*** узналъ, что Лѣодоръ умеръ, будучи выгнанъ изъ монастыря за непристойныя поступки, коихъ я не хочу описывать!!.. Вотъ феноменъ человѣческаго сердца!

Нѣтъ, нѣтъ! будемъ несчастливы, когда угодно Провидѣнію опшнмать у насъ радости, но останемся на сценѣ до послѣдняго акта — останемся въ училищѣ горестей до той минутой, какъ таинственный звонокъ перезвешъ насъ въ другое мѣсто! — А вы, молодые люди, въ несчастіяхъ и въ потеряхъ своихъ не обманывайте себя мыслию, что рана ваша неизлѣжима: нѣтъ! юное сердце, пылая жизнію, излечается отъ горестей собственною внушрненною силою — и сіе выздоровленіе обновляетъ его чувствительность къ удовольствіямъ жизни. — Иное дѣло, когда человѣкъ, подобно вечернему солнцу, приближается къ своему западу: тогда единственно утрапы бывають невозвратимы; но и тогда, чтобы не дѣйство-

вашъ вопреки плану Натуры, не должно умирать для свѣта прежде смерти. Еслили между гробомъ и нами нѣтъ уже никакого земнаго желанія; еслили не можемъ наконецъ быть дѣятельны для своего щастія, то будемъ дѣятельны хотя для разсвѣтленія, хотя для удовольствія другихъ людей, опираясь на якорь Религии, которая, подобно надеждѣ, бросаетъ его человѣку въ бѣдствіяхъ, но не обманываетъ человека такъ, какъ надежда, ибо ничего не обѣщаетъ ему въ здѣшнемъ свѣтѣ!

Р. П.

IV.

Разговоръ о невидимо - видимомъ обществѣ.

Сочиненіе Гердера.

На сихъ дняхъ одинъ изъ моихъ пріятелей рассказывалъ удивительныя вещи о нѣкоторомъ обществѣ. „Истинныя дѣла его, говорилъ онъ, такъ велики, такъ необозримы, что цѣлые вѣки опредѣляютъ иногда начало отъ конца ихъ. Но все, что есть въ свѣтѣ хорошаго, сдѣлано участниками сего важнаго союза; они безпрестанно трудятся для свѣта,

„для истинной пользы людей, для потомства, и главный предметъ ихъ благодѣяній есть то, чтобы — сдѣлать ненужными обыкновенныя благодѣянія.“ — Эта загадка возбудила мое любопытство. Вошъ разговоръ нашъ:

Онъ. Что думаешь ты о гражданскомъ обществѣ?

Я. То, что оно есть прекрасная выдумка.

Онъ. Безъ сомнѣнiя; но какъ считаешь его: цѣлю или средствомъ? Люди ли, по своему мнѣнiю, созданы для государства или государства для людей?

Я. Нѣкошорые утверждаютъ первое, но второе сходнѣе съ правдою.

Онъ. Такъ и мнѣ кажется. Государства соединяютъ людей, чтобы каждый изъ нихъ тѣмъ лучше и безопаснѣе могъ наслаждаться добромъ. Сложноснъ часпныхъ благъ есть благоденствiе государства; другога нѣтъ и бытъ не можетъ.

Я. Очень хорошо. И такъ гражданская жизнь есть средство къ щаснiю людей. Что далѣе?

Онъ. Одно средство, и при томъ избрѣшенное человекомъ, хотя и соглашаюсь, что Нанура всячески помогла ему избрѣснн его. Теперь спрашиваю: могутъ ли государственныя учрежденiя,

будучи выдумкою человека, не имѣть судьбы человеческихъ средствъ?

Я. Что называешь ты судьбою человеческихъ средствъ?

Онъ. То, что обыкновенно соединено съ нами: недоспапокъ — то, что они въ некоторыхъ случаяхъ производящъ дѣйствія, несообразныя съ своею цѣлю.

Я. Угадываю твои мысли; но мы знаемъ, отъ чего многіе люди не пользуются благодѣяніемъ гражданскихъ обществъ. Государственные учрежденія различны; одно лучше другаго; нѣкоторыя совсѣмъ прошивны цѣли своей, а совершеннаго надобно еще подождать нѣсколько вѣковъ!

Онъ. Вообразимъ даже, что оно существуетъ; вообразимъ, что всѣ люди на землѣ приняли это лучшее государственное учрежденіе: не уже ли не предвидишь разныхъ его слѣдствій, которыя вредны для блага человеческого, и которыя въ состояніи Натуры остались бы намъ неизвѣстными?

Я. Тебѣ не легко будетъ наименовать хотя одно изъ нихъ.

Онъ. Десять, если угодно.

Я. На примѣръ —

Онъ. Мы вообразили, что всѣ люди на землѣ приняли самое лучшее государ-

ственное учрежденіе: желаю знать, могутъ ли они сослѣавить одно государство?

Я. Не думаю; огромность его мѣшала бы дѣйствію правленія. Кажется, что ему надлежало бы раздѣлиться на разныя области, управляемыя одними законами.

Онъ. Въ такомъ случаѣ каждая область не будетъ ли имѣть особенной пользы?

Я. Безъ сомнѣнія.

Онъ. Особенности или частныя пользы должны бытъ иногда несогласными; и граждане двухъ разныхъ областей, не смотря на единство политическихъ уснавовъ, имѣли бы такое же присрастіе къ своей землѣ, какое имѣютъ нынѣ Англичане, Французы, Нѣмцы.

Я. Вѣроятно.

Онъ. Когда Нѣмецъ встрѣчается съ Французомъ, или Французъ съ Англичаниномъ, тогда говоритъ въ нихъ не человѣчество, а гражданство; всякой думаетъ о своей особенной политикѣ, и дѣлается противъ другаго холоденъ, остороженъ, недоверчивъ, хотя они еще не имѣютъ между собою никакого личнаго дѣла.

Я. Къ сожалѣнію, это правда.

Онѣ. Слѣдственно и то правда, что гражданская жизнь, соединяя людей для вѣрнѣйшаго общаго благоденствія, въ то же самое время и раздѣляетъ ихъ. Сступимъ еще шагъ впередъ. Многія изъ областей имѣли бы разный климатъ, слѣдственно и разныя потребности, разныя обычаи и нравы, разныя моральныя системы и Религіи.

Я. Этого шагъ великъ.

Онѣ. Не смотря на ихъ имена, они другъ съ другомъ стали бы такъ обходиться, какъ Христіяне обходятся съ Жидами или Турки съ Христіянами: то есть, забывая связь человечества, думали бы только о несогласіи ихъ мыслей и Вѣры.

Я. Но для чего не вообразить, что народы, имѣя одно государственное учрежденіе, имѣютъ также и одну Религію? Я даже не понимаю, какъ могутъ быть одинакіе гражданскіе уставы безъ одинакой Вѣры.

Онѣ. Ни я; а предположилъ это единственно съ намѣреніемъ опиятъ у тебя способъ къ возраженію. Одно споль же невозможно, какъ и другое. Разныя государства, разные и законы политическіе; разные законы, разныя и Религіи. Теперь видишь въпоре зло гражданского общесства.

Оно не можешъ соединяшь людей, не раздѣляя ихъ глубокими рвами и высокою стѣною. Еще и того мало: гражданское общество дѣлитъ не только народы, но и жилищей одного государства до безконечности.

Я. По чему?

Онъ. Можешъ ли бышь государство безъ различныхъ сословій? Нигдѣ Члены его не имѣють одинакаго участія въ законодательствѣ, по крайней мѣрѣ равно непосредственнаго; слѣдственно одни бывають сильнѣе другихъ. — Положимъ, что граждане раздѣлили бы все государственное имѣніе на равныя части: это равенство не продолжилось ни двадцати лѣтъ; скоро будутъ зажиточные и бѣдные.

Я. Разумѣется.

Онъ. Представь же себѣ, сколько зла и непріятностей выходитъ изъ того!

Я. Къ несчастію, мнѣ должно съ тобою согласиться. Но чего ты хочешь? того ли, чтобы я возненавидѣлъ гражданское общество, и пожелалъ, чтобы людямъ никогда не приходило на мысль соединяться подъ властію законовъ?

Онъ. Сохрани меня Богъ! Если бы гражданское общество не имѣло въ себѣ ничего добраго, кромѣ просвѣщенія ума,

и тогда бы я искренно благословилъ его ; не смѣя ни на какое зло.

Я. Кто хочеть наслаждаться огнемъ, долженъ сносить дымъ.

Онъ. Конечно. Но тотъ, кто выдумалъ трубу, сдѣлалъ хорошее дѣло и безъ сомнѣнiя не былъ врагомъ огня. Ты понимаешь меня ?

Я. Ни мало.

Онъ. А сравненiе, кажется, ясно. — Хотя люди и не могли соединиться въ гражданской жизни безъ такихъ раздѣленiй, но можно ли называть ихъ добромъ ?

Я. Конечно нѣтъ.

Онъ. Такъ ли они святы, чтобы не лзя было до нихъ допронуться ?

Я. Съ какимъ намѣренiемъ и въ какомъ смыслѣ ?

Онъ. Чтобы не давать имъ распространяться далѣе предѣловъ необходимости, и сдѣлать ихъ слѣдствiя по возможности невредными.

Я. Это безъ сомнѣнiя вездѣ дозволено.

Онъ. Дозволено, но не повелѣвается гражданскими законами, которые не могутъ дѣйствовать внѣ границъ государства; а такое дѣло есть общее для всѣхъ государствъ. Остаеися желать, чтобы люди мудрые и добрые во всякой землѣ добровольно взяли на себя эту великую должность.

Я. Дай Богъ!

Онъ. Оспается желашь, чшобы въ каждомъ государствѣ хопя Философы не имѣли народныхъ предразсужденій, и знали, гдѣ патріотизмъ не есть уже добродѣшель...

Я. Дай Богъ!

Онъ. Желашь, чшобы вездѣ были мудрые люди, копорые, искренно слѣдуя уставамъ своей Религїи, не осуждали бы другихъ на вѣчную гибель...

Я. Дай Богъ!

Онъ. Желашь, чшобы въ Республїкахъ и Монархїяхъ хопя нѣкоторые не ослаблялись блескомъ гражданскаго величїя, и не стыдились гражданской низости; чшобы въ ихъ обществѣ знаменитый снисходилъ охотно и бѣдный возвышался духомъ.

Я. Дай Богъ!

Онъ. А естли это желанїе исполнено? естли вездѣ найдемъ пакїхъ людей? естли и впредь они никогда не переведущся?

Я. Тѣмъ лучше!

Онъ. Естли они не дремлютъ въ свѣнѣ, а дѣлаютъ добро, по вѣрнымъ правиламъ и лучшему плану?

Я. Прекрасная мечта!

Онъ. Однимъ словомъ, еслили они называются * * * ?...

Пріятель мой сказалъ мнѣ имя одного извѣснаго общества, однакожь не думалъ звать меня въ его члены, и признавался искренно, что оно не заключаетъ въ себѣ особенныхъ таинствъ; что всякой собственнымъ размышленіемъ можетъ дойти до всѣхъ важнѣйшихъ истинъ; что обряды, слова и знаки не важны, и проч. — Послѣ того начался между нами другой разговоръ.

Я. Что, еслили кромѣ своего общества могу наименовать другое, слѣдующее такой же благодѣтельной системѣ; не тайное, не сокрытое отъ свѣта, но работающее явно; не обрядами и символами, но ясными словами и дѣлами; не среди двухъ или трехъ народовъ, но вездѣ, гдѣ есть просвѣщеніе? Надѣюсь, что тогда уволишь меня отъ вступленія въ ваше общество.

Онъ. Съ радостію. Селипра должна быть въ воздухѣ прежде, нежели она можетъ опуститься на спѣнахъ шемнаго погребя.

Я. Я давно живу въ этомъ безсмертномъ обществѣ, и нахожу въ немъ мое любезное отечество, любезнѣйшихъ друзей моихъ.

Онъ. Тѣмъ лучше.

Я. И не боюсь обмановъ, не вижу педантизма, дыма, загадокъ, какъ въ швейцарь. . .

Онъ. Все это очень хорошо; прошу только назвать. . .

Я. Общество всѣхъ мыслящихъ людей — на званомъ шорѣ.

Онъ. Оно конечно не мало; но, къ сожалѣнью, разсѣяно и подобно невидимой церкви.

Я. Оно въ собраніи — и видимо. Фаустъ или Гуншенбергъ (*) — какъ сказать по-вашему? — есть его Мастеръ Лежи или первый служащій братъ. Я нахожу въ этомъ обществѣ все, что спавитъ меня выше гражданскихъ раздѣленій и соединяетъ, такъ сказать, съ духомъ человѣческаго роду, уничтожая преграды народныя и личныя.

Онъ. Разумѣю. Ты хочешь сказать, что книгопечатаніе, посылая во всѣ земли слова и знаки свои, дѣлаетъ ненужными другія тайныя слова и знаки. Но согласись, что оно образуетъ только мнимое общество.

Я. Какому точно бытъ надобно. Одни умы рѣшаютъ правила; въ личномъ зна-

(*) Которые изобрѣли книгопечатаніе.

комспѣвъ нѣшь нужды; оно же имѣетъ свои опасности: разсѣянiе, приспращiе, лѣсъ. Только въ знакомспѣвъ съ умами на доскахъ Фаусповыхъ душа моя сохраняетъ независимоспѣ и свободу; шамъ сужу смѣло и разбираю спрого.

Онъ. И ты находишь, что Авторы возносятъ тебя выше народныхъ приспращтiй, выше всѣхъ гражданскихъ соспоянiй и другихъ предразсудковъ?

Я. Безъ сомнѣнiя. Въ бесѣдѣ съ Гомеромъ, Платономъ, Ксенофонтомъ, Тацитомъ, Бакономъ, Фенеломомъ, я не думаю, къ какому государспву они принадлежали, какого соспоянiя были и въ какихъ храмахъ молились.

Онъ. Это правда.

Я. Знаю и то, что ихъ правила, мысли и чувспва соединяютъ меня со всѣми благородными душами въ свѣтѣ.

Онъ. Ты и самъ можешь говоришь съ ними, открывая имъ, посредспвомъ книгопечатанiя, сокровища ума своего.

Я. Если бы у меня было швое дарованiе! Еще прежде нашего личнаго знакомспва я бесѣдовалъ съ швоимъ духомъ, и не будучи членомъ вашего тайнаго братспва, зналъ себя по слову осязанiю и знаку. Дѣла Авторовъ, тебѣ подобныхъ, давно открыли мнѣ глаза и показали

красоту истины, добродѣтели, мудрости: дѣйствіе, котораго не могушь произвести таинственные обряды, по крайней мѣрѣ такъ скоро и надежно!

Онѣ. Ты говоришь о дѣлахъ?

Я. Да: о Поэзіи, Философіи, Исторіи — вотъ по моему мнѣнію *священный треугольникъ*! вотъ лучезарная свѣтила народовъ, сектъ и поколѣній! Поэзія волшебною живописью предметовъ заставляешь меня любить добро; Философія даетъ правила; Исторія утверждаетъ ихъ опытомъ.

Онѣ. Но довольно ли того для исправленія людей? не служишь ли обществу новымъ побужденіемъ къ добру?

Я. Одно побужденіе, усиленное чувствомъ и разумомъ, лучше *многихъ* слабыхъ. Число ихъ подобно числу колесъ въ машинѣ: чѣмъ болѣе колесъ, тѣмъ непрочнѣе.

Онѣ. Что же должно быть твоимъ единственнымъ побужденіемъ?

Я. *Человѣчество.* Изображайте только святость его; прогайте сердца; доказывайте, что оно есть первая должность человека — и тогда всѣ предрассудки, которые раздѣляютъ народы, сословія, вѣры . . .

Онѣ. Исчезнушь? Какъ ты ошибаешься!

Я. Не исчезнуть, а сдѣлаются безвредными: все, чего только можешь желать ваше славное братство! Не общество, но образъ мыслей составляетъ характеръ души; гдѣ согласны мысли, тамъ и союзъ. Два человѣка однихъ правилъ, сошедшись вмѣстѣ, узнаютъ другъ друга безъ таинственныхъ знаковъ. Всякой по своимъ обстоятельствамъ и возможности долженъ брать участіе въ великолѣпномъ зданіи человѣческаго блага, работать и веселиться работою другихъ: ибо это безконечное, необозримое зданіе можетъ быть совершено только *всѣми руками*. Тутъ не требуется личныхъ связей, клятвъ и символовъ; не требуется никакихъ именъ, кромѣ имени человѣка.

Онъ. Мы можемъ обняться съ тобою какъ братья одного Ордена. Такъ конечно: не лъзя сокрытъ свѣта истиннаго, и не въ темныхъ пещерахъ должно искать его.

Я. Всѣ такіе символы могли быть нѣкогда хороши и полезны; но они не для нашего времени. Теперь мы имѣемъ нужду въ методѣ совершенно имъ противной: теперь нужна чистая, ясная и явная истина.

(Съ Нѣмецкаго.)

Египетскіе вечера.

Какая теперь модная забава въ Парижѣ? говорятъ въ одномъ Французскомъ Журналѣ. Хотя балы, концерты и театры никогда не выдуть изъ обыкновенія, однакожь мы выдумали еще новое удовольствіе. Чтобы провести вечеръ по модѣ, надобно послѣ обѣда уйти съ лучшими госпями изъ великолѣпныхъ, раззолоченныхъ комнатъ въ самую темную горницу дома, посадить всѣхъ кругомъ и такъ спѣснить, чтобы осязаніе подобно электрической цѣпи передавало впечатлѣнія. Когда всѣ усядутся, тогда погасяшъ свѣчи и начнушъ рассказывать самыя трагическія исторіи, которыхъ ужасъ дѣйствуетъ на воображеніе еще сильнѣе отъ общаго безмолвія и темноты. Модныя женщины любятъ безъ памяти эту забаву; она называется *Египетскими вечерами*. Если читатели наши еще не знаютъ ее, то мы желаемъ дать имъ вѣжливую идею о семъ новомъ удовольствіи, и расскажемъ одну изъ повѣстей, слышанныхъ нами въ самомъ блестящемъ Парижскомъ обществѣ.

„Дорваль подружился еще въ школѣ съ сыномъ одного Тулузскаго судьи,

Господина Б*. Молодые друзья, одинакихъ склонностей и характеровъ, клялись жить и умереть брашьями. Вышедши изъ школы, они распались съ величайшею горестію, но утѣшались въ разлукѣ дружескою перепискою. Дорваль надлежало ѣхать въ Америку: онъ хотѣлъ еще разъ увидѣться съ другомъ и провести съ нимъ вмѣстѣ нѣсколько дней въ Тулузѣ. Союзъ ихъ утвердился новыми клятвами. Наконецъ Дорваль уѣхалъ — писалъ изъ Америки къ молодому Б* — не получалъ отвѣта — возвратился во Францію и лѣтѣлъ въ загородный домъ къ своему другу. Камердинеръ вводитъ его въ комнату къ почтенному старикѣ. Дорваль извиняется, узнавъ въ немъ отца Б*, и говоритъ, что онъ пришелъ къ сыну. — „Къ сыну?“ отвѣчаетъ старикъ: „можно ли? развѣ вы не знаете? онъ умеръ, государь мой, умеръ!“ Тушъ бѣдный опедъ упалъ на полъ, а за нимъ и молодой человекъ. Черезъ минуту, какъ водится, они встаютъ, нѣжно обнимаютъ другъ друга и вмѣстѣ плачутъ. Между тѣмъ смеркось. Старикъ удерживаетъ Дорваля ночевать. Послѣ ужина отводитъ ему комнату. Слуга говоритъ съ глубокимъ вздохомъ: „здѣсь жилъ покойной господинъ мой!“ и заплакавъ уходитъ. Всякой вообразить,

что долженъ былъ чувствованъ горестной Дорваль! Уединеніе и безмолвіе ночи умножили шокъ и даже страхъ его. Однакожь онъ легъ и заснулъ; но вдругъ проснулся отъ стука.... Смотришь и видишь мертвеца, который, въ бѣломъ саванѣ и держа въ рукѣ факель, идетъ прямо къ нему, ондергиваетъ занавѣсъ кровати и спитъ неподвижно. Дорваль узнаетъ въ немъ черны покойнаго друга своего... леденитъ отъ ужаса, и холодной потъ льется съ него градомъ. Но мертвецъ черезъ нѣсколько минушъ, задернувъ занавѣсъ, удаляется. Дорваль съ неперенѣнимъ ожиданіемъ умира и стѣшитъ рассказанъ хозяйну о чудесной привидѣніи. Старикъ сперва колеблется — молчитъ — наконецъ открываетъ, что молодой Б* отъ любви къ одной бѣдной дѣвушкѣ, на которой не дозволяли ему, женишься, сошелъ съ ума и надѣлалъ столько проказъ, что оведъ долженъ былъ запереть его въ башнѣ и вздумалъ объявить умершимъ. „Онъ конечно (примолвилъ старикъ) укрался ночью изъ своей шемницы и невиннымъ образомъ испугалъ васъ.“

Эта испорія — какова ни есть! — была еще самую любопытнѣйшею изъ всѣхъ рассказанныхъ въ сей Египетской вечерѣ!

VI.

Нѣсколько словъ о Лаконизмѣ.

Естьли бы мы сочиняли только полезныя книги и говорили въ нихъ одну истину, то въ библіотекахъ нашихъ оспалось бы не много томовъ, а въ томахъ не много страницъ.

Когда бы мы говорили и писали единственно для сообщенія хорошихъ и новыхъ мыслей, тогда бы число Журналовъ уменьшилось и шумныя общесства не рѣдко походили на Картезіанскій монастырь.

Древній мудрецъ сказалъ, что Природа, давъ человѣку два уха и только одинъ ротъ, хотѣла заставить насъ болѣе слушать и менѣе говорить.

Вообще можно пожелать, чтобы люди меньше говорили, меньше писали и лучше разумѣли другъ друга.

Языкъ му. ей свободныхъ долженъ быть простъ и ясенъ; они не обязаны скрывать истины, не принуждены украшать ее цвѣтами; слова ихъ сильны подобно ихъ чувствамъ.

Филиппъ требовалъ отъ Спартанцевъ, чтобы они дозволили ему провести войско черезъ ихъ владѣніе: Спартанцы отвѣчали ему однимъ слогомъ: *нѣтъ!* Всѣ народы

Азіятскіе , говоришь Плушархъ , раб-
спвуютъ единспвенно отъ того , что не
умѣютъ произнести слова *нѣтъ*. Эна
мысль заключаешъ въ себѣ великій смыслъ.
Человѣкъ швердаго характера говоришь и
пишетъ *въ обрѣзѣ* — ни слова лишняго!

Замолчу скорѣе — иначе скажутъ , что
я многорѣчьемъ проповѣдую краткосшь.
(*Изъ Фр. Жур.*)

VII.

Якутская пѣсня.

Мы упоминали въ *Вѣстникѣ* о путеше-
ствіи Капитана Биллингса по Ледовитому
морю , вокругъ береговъ Америки и проч.
Оно вышло шеперь на Англійскомъ и
Французскомъ языкѣ. Въ описантіи раз-
ныхъ Сибирскихъ народовъ издашеть , Г.
Сауэръ , сообщаетъ Якутскую пѣсню , въ
каторой проспо и живо изображается
привязанность сего добродушнаго народа
къ живошнымъ , достойнымъ въ самомъ
дѣлѣ благодарности человѣка. Вотъ пере-
водъ сего меланхолическаго романса : „Здѣсь
„лились слезы Чогонной , добродѣтельнаго
„спарца , искуснаго звѣролова и вѣрнаго
„защитника друзей своихъ. Здѣсь упо-

„ленный инварицъ и другъ его, послѣд-
 „ній конь, онъ слабости упалъ на землю.
 „Онъ сѣлъ подлѣ своего коня мертваго,
 „коня послѣдняго, и плакалъ, плакалъ
 „горько. Чегоной любилъ шѣхъ, которые
 „ему служили. Бѣдной! слезы его какъ
 „рѣка льются! тяжело видѣть горе доб-
 „рыхъ людей. — На третій день спирани-
 „чакъ увидѣлъ его и привезъ домой.“

VIII.

Иѣтухъ, котъ и мышенокъ.

Басня.

О дѣши, дѣши! какъ опасны ваши дѣшн!
 Мышенокъ, не видавшій свѣта,
 Попалъ было въ бѣду; и вошъ какъ онъ обѣ ней
 Рассказывалъ въ семьѣ своей:
 „Остава нашу нору
 И перебравшись чрезъ гору,
 Гдѣ кончится нашъ край, пустился я бѣжать,
 Какъ молодой мышенокъ,
 Который хочетъ показать,
 Что онъ ужъ не ребенокъ.
 Вдругъ съ розмаху на двухъ животныхъ
 набѣжалъ.
 Какіе звѣри, самъ не зналъ!

Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно
 выступалъ,
 Такъ милвиденъ былъ собою!
 Другой — нахаль, крикунъ; шеперь лишь,
 словно, съ бою;
 Весь въ перьяхъ; у него космашый крокомъ
 хвостъ;
 Надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ
 Какой-шо огненнаго цвѣта,
 И шакъ. . . какъ двѣ руки, служащи для
 полета;
 Онъ ими шакъ махаль,
 И шакъ ужасно горло дралъ,
 Что я шаки не шрусъ, а подавай Богъ ноги —
 Скорбе отъ него съ дороги!
 Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ
 Нашелъ наспавника и друга;
 Въ глазахъ его была написана услуга.
 Какъ шихо шевелилъ пушистымъ онъ хвос-
 томъ!
 Съ какимъ участіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
 Смиранны, крошкіе, но полные огня!
 Шерспъ гладкая на немъ, почти какъ у меня;
 Головка песпрая и вдоль спины узоры;
 А уши какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
 Что у него должна быть симпатія съ нами,
 Высокородными мышами.“ —
 „А я шебъ на шо скажу“ —
 Мышенка машъ осшановила, —

„Что эшотъ доброхотъ,
 Котораго тебѣ наружность такъ прельстила,
 Смиреникъ эшотъ — котъ!
 Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ,
 всѣмъ извѣстный;
 Другой же былъ пѣшухъ, напрошивъ, очень
 честный.
 Не только отъ него не видимъ мы вреда,
 Иль огорченья,
 Но самъ онъ пицей намъ бываетъ иногда.
 Впередъ же по виду не дѣлай заключенья!
 Д — вѣ.

 IX.

С М Ъ С Ъ.

Любопытнымъ показываютъ въ Парижѣ (въ бывшемъ Пале-Рояль) новый физическій опытъ, достойный общаго вниманія. Двѣ спатуи въ человѣческой ростъ, стоящія въ углахъ большой залы, слышатъ все, что говорятъ имъ, тихо или громко, и сами отвѣчаютъ на всѣ вопросы. Сей опытъ доказываетъ Физикамъ, что можно помогать органу слуха, такъ, какъ помогаютъ органу зрѣнія. Авторъ увѣряетъ, что можно дѣлать рѣчи, произносимыя тихо, передавать черезъ боль-

шое разспояніе; и никшо не узнаеть, ошкуда несеться голосъ. —

Гальванической Комитетъ Туринской Академіи дѣлалъ разные опышы надъ тѣломъ казеннаго человѣка, обливая минеральнымъ насвоемъ разныя части его и прикасаясь къ нимъ Гальваническимъ прушомъ. Всѣ мускулы приходять въ сильное движеніе, челюсть хлопаеть зубами, сердце бьеться, легкое вбираеть въ себя воздухъ и выпускаеть его съ пронзительнымъ свисшомъ, глаза мигають, и проч. —

Французской Комикъ Пикарь сочинилъ новую Комедію на славную Парижскую красавицу, Госпожу Рекамье, о которой упоминалось въ *Вѣстникѣ*, и которая была предметомъ споль многихъ газетныхъ аршикуловъ. Въ пѣсѣ спрашиваютъ у мужа, здорова ли его жена? *Не знаю, ошвѣчаеть онъ: я еще не читалъ газетъ!* —

Въ чрезвычайномъ засѣданіи Парижскаго Гальваническаго Общества Гражданинъ Альдини, племянникъ славнаго Гальвани, дѣлая опышы надъ животными съ горячею и холодною кровью (т. е. четвероногими и рыбами), доказывалъ, что въ *животной экономіи* или системѣ есть особенная сила, отличная отъ электриче-

ской какъ дѣйствіями, такъ и свойствами. Докторъ Ношъ, Президентъ Общества, благодарилъ Гражданина Альдини за его ревность къ успѣхамъ Гальванизма, которые могутъ быть весьма полезны для Медицины. —

Первоначальная матерія коровьей оспы совершенно истребилась въ Англіи; тамъ уже нѣтъ ни одной коровы въ сей болѣзни. Мы еще не знаемъ истиннаго происхожденія этой матеріи. Думали, что она сообщилась отъ лошадей, имѣвшихъ подсѣдины; люди (какъ утверждалъ одинъ Медикъ), которые перевязывали лошадиныя раны, доили послѣ коровъ и прикосновеніемъ рукъ своихъ сообщили имъ оспу. Но многіе Медики въ Англіи и во Франціи дѣлали сей опытъ безъ всякаго успѣха: матерія подсѣдинъ не приспала ни къ одной коровѣ.

ПОЛИТИКА.

I.

*Истинный смыслъ народнаго согласія
на вѣчное Консульство Наполеона
Бонапарте.*

(Сочиненіе Камилля Жордана, которое сдѣлало сильное впечатлѣніе во Франціи, и было запрещено Полиціею; но Авторъ объявилъ имя свое, и Бонапарте велѣлъ оставить его въ покоѣ.)

Ия, независимый человѣкъ, слѣдую толпѣ народной, и соглашаюсь, чшобы Наполеонъ Бонапарте оспался Консуломъ на всю жизнь свою. Но одно дѣйствіе имѣеть разныя причины. Безразсудность, боязнь, ласкъ могли бытъ побужденіемъ толпы народной: я мыслялъ, и долженъ объявить мысль свою, копорой не могъ вписать въ книгу.

Къ счастью, всѣ лучшіе граждане наши, всѣ люди, которые по уму и добродѣтелямъ своимъ могутъ управлять мнѣніемъ, думаютъ одно со мною. Я былъ въ ихъ почтенныхъ кругахъ; слышалъ ихъ свободныя мысли; буду единственно ихъ органомъ, и предложу испины народу

и Правительству; истины, которыя докажутъ мое увѣженіе къ Начальству и могутъ быть правилами для народа.

Ибо пришла наконецъ та минута, въ которую позволено, нужно и необходимо писать. Долговременнымъ молчаніемъ загладили мы за то, что употребляли во зло даръ слова; сіе безмолвіе было сномъ послѣ жестокихъ изступленій горячки, но сномъ не мертвымъ: съ выздоровленіемъ онъ долженъ прекратиться. Мы освободились наконецъ отъ рабскихъ обыкновеній стараго порядка вещей и безразсудныхъ извѣщностей новаго. Правительство, требуя нашего мнѣнія въ дѣлѣ важномъ, оказываетъ довѣренность къ нашему разсудку; а можетъ ли оно узнать свободное мнѣніе безъ искренняго сообщенія мыслей?

Что нужды Правительству до собранія обыкновенныхъ голосовъ, всегда послушныхъ власти, и не могущихъ умножить его истинныхъ правъ? Но важно ему собрать голоса независимые; важно узнать, что въ семъ случаѣ думаютъ истинные люди, которые имѣютъ душу, совѣсть, мнѣніе; важно узнать, на какихъ условіяхъ они подписываютъ имена свои. Оно было достойно спросить такихъ людей — и вотъ отвѣтъ ихъ:

Глубокое чувство благодарности къ тому, кто управляетъ нами, безъ сомнѣнiя имѣло влiянiе на сiе согласiе. Мы не хотимъ повторять обыкновенной хвалы, копорую онъ самъ презираетъ; скажемъ просто, но за то истинно: *такъ, сей гражданинъ оказалъ услуги отечеству!* получилъ власть во времена раздоровъ и заслужилъ великiй санъ свой; усмирилъ внутреннихъ, побѣдилъ внѣшнихъ непрiятелей; даровалъ миръ, воцарилъ справедливость, унѣшилъ нещастiе. Нѣкоторыя частныя заблужденiя могли оскорбить насъ, но трудныя обстоятельствова извиняли ихъ, и правленiе его вообще сохранило характеръ силы и благотѣпелности. Признательность достойна народа великодушнаго: онъ желаетъ продлить ту власть, копорая спасла его, и за великую услугу опредѣляетъ великую награду. Сверхъ того, послѣ всѣхъ разрушительныхъ переменъ, нужно утвердить власть въ государствѣ обширномъ и въ рукахъ Героя, доказавшаго блестящiе таланты свои, уважаемаго во Францiи и въ Европѣ, соединившаго свое особенное щастiе со щастiемъ народнымъ. Но спѣшимъ объявить предъ лицомъ отечества, что сiи причины, славимыя малодушными льстецами, не могли бы *однѣ* убѣ-

дишь насъ въ такомъ важномъ случаѣ; мы не повѣрили бы и самой благодарности, которая не рѣдко вводитъ народы въ заблужденіе; не повѣрили бы и нуждѣ утвердить власть (ибо сія швердосишь должна бышь болѣе въ законахъ, нежели въ людяхъ), естльи бы не имѣли надежды, что Бонапарте, сообразно съ новыми обстоятельствомъ, и слѣдуя вдохновенію души своей, исполняя желаніе добрыхъ гражданъ, самъ ограничитъ власть свою и воспользуется долговременнымъ Консульствомъ для основанія и совершенія шѣхъ государственныхъ учрежденій, которыя должны образовать въ отечествѣ истинно народную власть, опору его собственной и нужную для спокойнаго перехода ея въ другія руки. Вотъ истинное наше и всѣхъ добрыхъ гражданъ мнѣніе, оправдывающее въ глазахъ строгаго разсудка великой даръ народа!

Но какъ естль шайка гнусныхъ льстецовъ, которая ненавидишь сіи предѣлы власни, стараешся зашмитъ въ умахъ истины и хвалицца насшупающимъ торжествомъ своимъ, то мы, добрые граждане, должны для своей и Перваго Консула чесни изобразишь соединенныя выгоды народа и Правителя его, выгоды, засшавляющія насъ желашъ сихъ умѣрен-

ныхъ и коренныхъ полипическихъ законовъ.

Намъ безпрестанно твердятъ о спокойствіи и порядкѣ, для которыхъ должно всѣмъ жертвовать! Такъ конечно; спокойствіе, послѣ ужасныхъ смятеній и бѣдствій, было нашею первою потребностью. Мирная тишина, которою наслаждаемся, безъ сомнѣнія драгоценна. Воля, утвердившая сей порядокъ, благотѣпельна, и Бонапарте вселяетъ въ насъ ту увѣренность, которую великій характеръ можетъ вселять. Но должно ли напомнить здѣсь истины, споль обыкновенныя, споль извѣстныя? истины, что самый великій и справедливѣйшій человекъ все человекъ; что его прозорливость не можетъ обнять государства споль обширнаго; что онъ можетъ обмануться въ сообщеніи власти своей другимъ людямъ, и даже самъ ошибиться въ ея дѣйствіяхъ; что, будучи даже не подверженъ ошибкамъ, не можетъ сдѣлать безъ полипическихъ уставовъ того добра, которое они должны произвести; что ничѣмъ не лзя замѣнить того просвѣщенія, того духа, который сіи уставы распространяютъ; что единственно черезъ нихъ, какъ бы черезъ своихъ Министровъ, Правители утверждаютъ народное благоденствіе.

Исторія намъ доказываетъ, что мудрѣйшіе Государи всегда старались окружить себя сими, такъ сказать, надежными свидѣтелями ихъ челоуѣколюбія.

Сверхъ того не уже ли мы такъ безразсудны, какъ дикіе, не помнящіе дня минувшаго, не предвидящіе дня завтрашняго? не уже ли не захотимъ взглянуть за предѣлъ нѣсколькихъ лѣтъ и спросить себя, что будетъ съ нами, когда челоуѣкъ, которому сердца наши желали бы безсмертія, но которому немолимая Природа не даетъ его, оставитъ насъ, не имѣвъ времени утвердиться коренныхъ законовъ? Кто поручится, чтобы его преемникъ захотѣлъ бытъ его подражателемъ; чтобы наслѣдникъ власти наслѣдовалъ и его добродѣтель, и чтобы новый Коммодъ вторично не заступилъ мѣста Марка Аврелія? Даже кто поручится и за то, чтобы соблюденъ былъ утвержденный порядокъ для избранія преемниковъ; чтобы бурное стремленіе мятежныхъ силъ револуціи снова не разорвало оцѣповъ; чтобы властолюбивые Генералы, подобно какъ въ древнемъ Римѣ, не стали спорить о государствѣ, и чтобы народъ не сдѣлался ихъ орудіемъ? Какъ ужасно основывать щастіе цѣлаго народа на шаткой

ниши жизни одного человѣка! Какъ всѣ друзья порядка, всѣ враги адскихъ революцій, должны желать сихъ вѣчныхъ, непремѣнныхъ государственныхъ уставовъ, которые служатъ правиломъ для самаго добродѣтельнаго Государя, переживаютъ и замѣняютъ его; принуждаютъ наследника ишии его пушемъ и хранятъ для дѣшей то щасливое спокойствіе, которымъ опцы наслаждались!

Но кромѣ шишины и порядка нѣтъ ли еще другой потребности для народа Французскаго, равно священной и необходимой: потребности содѣйствовать утвержденію сего порядка, блюсти его, быть щасливымъ по своимъ, а не чужимъ мыслямъ; быть независимымъ, сколько обстоятельства и разсудокъ дозволяютъ — однимъ словомъ (дерзну сказать): потребности свободы? . . . Вижу дѣйствіе сего имени: одни ужасаются, другіе смѣются! „Какъ? вы еще занимаетесь эпою „опасною мечпою? Но самъ народъ, за „которой вступаешесь, проситъ васъ „быть покойными; онъ знаетъ бѣдствіе „свободы; знаетъ, что она не можетъ „принадлежать ему!“ Глубокомысленные Политики, истолковали общаго мнѣнія! дозвольте мнѣ изъясниться съ вами. Народъ конечно не хочетъ свободы,

основанной на правилахъ безумной Демократіи, которая, говоря о правахъ, забывала должности, прибѣгала къ злодѣйству, кланялась палачамъ, обращалась въ тиранство, разрушала Францію, ужасала Европу и представлялась воображенію среди орудій смерти. Но та свобода, мудро опредѣленная, ограниченная, которая скромнымъ образомъ требуетъ только, чтобы гражданамъ, привязаннымъ къ порядку собственнымъ благомъ ихъ, дозволили хранить его; которая удаляетъ необузданность и злоупотребленіе власти; ужасается всякой переменны, соединенной съ пролитіемъ хотя одной капли крови, хотя съ одною частною несправедливостію; та свобода, которой мы ожидали на зарѣ Революціи, и которою въ глазахъ нашихъ пользующая просвѣщеннѣйшіе народы земнаго шара; та, которая въ печеніе всѣхъ вѣковъ была любезна всѣмъ благороднымъ душамъ, была источникомъ славы и благоденствія народовъ — сія свобода не уже ли ненавистна Французамъ? Кто осмѣлился это сказать къ стыду опеченства? Знаю, кто — и наименую васъ, гнусныя души!

Нѣкоторые изъ старыхъ Якобинцевъ, которые нынѣ спрасно влюбались

въ самовласіе, а вчера не хотѣли слышать ни объ какихъ законахъ, и которые прежде неисповство хотятъ загладить теперешнею ихъ подлостію. Нѣкоторые гнусные льстецы, какихъ не бывало и при Дворѣ Версальскомъ — льстецы, которые происками надѣются захватить власть, чтобы удовлетворить своему алчному корысполубію, и которые бояшяся свободного голоса честныхъ людей. Нѣкоторые гордецы, окруженные почестями; они считаютъ себя глубокими Полипиками, ибо рады всѣмъ жертвовать своимъ личнымъ выгодамъ, и презирая тварей, называемыхъ людьми, не могутъ перпѣть никакого уместованія. Кто еще? Нѣкоторые сластолюбцы, эгоисты, которые не знаютъ никакихъ благородныхъ чувствъ сердца, судятъ о правленіи по спектаклямъ и баламъ, о мнѣніи народа по мнѣнію ихъ легкомысленнаго круга, о человѣчествѣ по ихъ собственному развращенному сердцу; которые смѣются надо всѣмъ, что велико и безсмертно въ душѣ, и которые въ самомъ дѣлѣ оправдали бы Деспотизмъ, естли бы Французы были есѣ такъ подлы, какъ они. Прибавимъ еще къ нимъ нѣсколько Эмигрантовъ и Духовныхъ, которыхъ пристрастіе извинительно.

Нѣтъ , нѣтъ ! общее мнѣніе не признаетъ такихъ людей своими органами. Народъ не даетъ имъ права толковать его мысли , и вопреки ихъ злословію любитъ законную , благоразумную свободу. Она живетъ въ сердцахъ ея первыхъ основателей , не запятнавшихъ себя никакими преступленіями — людей , которыхъ уважаетъ Бонапарте и вводитъ въ правленіе , но которые и въ состояніи простыхъ гражданъ остались бы предметомъ всеобщаго уваженія. Она живетъ въ сердцахъ мужей просвѣщенныхъ науками и славныхъ талантами , извѣстныхъ Европѣ безъ ихъ участія въ политическихъ раздорахъ. Она одушевляетъ молодыхъ людей , которые воспитаны въ народныхъ школахъ ; вступающъ въ свѣтъ безъ всякихъ рабскихъ навыковъ , взирающъ на жизнь безъ всякихъ предрасудковъ , невидимымъ образомъ утверждающъ свободу въ отечествѣ и любящъ славу , благородство , величіе. Она пылаетъ въ войскѣ , котораго выгоды нераздѣльны съ выгодами гражданъ ; которое сражалось подъ ея знаменами , и не забудетъ трудовъ , ранъ и побѣдъ своихъ въ угодноствѣ придворнымъ льстецамъ , не бывшимъ съ нимъ никогда на полѣ славы и только по ихъ роскоши извѣстнымъ ему въ сплю-

лицѣ. Она хранился въ нашихъ деревняхъ, между земледѣльцами, ремесленниками, купцами, сими безчисленными гражданами, копорыхъ считаютьъ глупцами, ибо они спокойны — считаютьъ камнями, ибо имъ наскучило волненіе. Сіи люди безъ сомнѣнія вышли изъ заблужденія; безъ сомнѣнія не хопяшъ уже мятежной Демокраціи; бояшъ, можетъ бышъ, и сомнительнаго имени свободы: но оспавимъ имя; будемъ только говорить о вещи — и тогда увидимъ, что они любяшъ благоразумную свободу. Спросите, хочетъ ли сей фабрикантъ, ремесленникъ, купецъ, чтобы законы мѣшали ихъ свободной промышленности и выгоду одного предпочитали общей? Спросите у земледѣльца, желаетъ ли онъ безконечныхъ и самовольныхъ налоговъ на его землю? Спросите отца, котораго сынъ убитъ въ арміи, согласится ли онъ, чтобы оспальные дѣти его были также убиты не для защиты опечесства и святыхъ законовъ его, а для славы какого нибудь Бонапартьева преемника? Спросите у сихъ гражданъ, спокойныхъ и тихихъ, хопяшъ ли они бышъ презрѣны, обижены, и не находятъ въ судахъ управы, вступааясь за честь своихъ женъ и дочерей? Такіе вопросы привели бы ихъ

въ ужасъ: вошъ истинное чувство свободы! Не есть ли она защита отъ сихъ безпорядковъ и точное наблюденіе законовъ, благопріятныхъ для успѣховъ промышленности, справедливо учреждающихъ налоги, опредѣляющихъ дѣйствіе воинской силы и хранящихъ слабаго отъ припѣсеній сильнаго — законовъ вѣчныхъ и непремѣнныхъ?

Вошъ желаніе народа Французскаго! и чѣмъ болѣе удаляемся отъ дней кровопролитія и мятежа, тѣмъ оно будетъ сильнѣе въ сердцахъ. Вспомнимъ испорію Англичанъ: наскучивъ волненіемъ, они желали спокойствія въ царствованіе Карла II и занимались по наружности одними весельями; но скоро призвали Вильгельма и навѣки утвердили свою Конспишуцію.

„Но умѣютъ ли Франдузы бытъ свободными?“ второе сомнѣніе или злословіе людей безсмысленныхъ! Свобода состоитъ не въ одной Демократіи; она согласна со всякимъ родомъ правленія, имѣетъ разныя степени и хочетъ единственно защиты отъ злоупотребленія власти. Какой народъ такъ жалокъ, такъ униженъ въ душѣ, чтобы не могъ ею пользоваться ни въ какой мѣрѣ? Кто осмѣлился утверждать, чтобы гдѣ нибудь

не лзя было образовашь мудраго равновѣсія власпи? Испорія вездѣ показываешь намѣ такія учрежденія: право гражданства въ Римѣ при Цесаряхъ, городскія привилегіи въ среднихъ вѣкахъ, Корты въ Гишпаніи, Чины во Франціи, народный Трибунъ въ Неаполѣ и разные уставы въ новѣйшихъ Монархіяхъ. Когда же Испорія и Философія не оспавляюшъ, кажешся, ни одного Европейскаго народа подѣ нареканіемъ совершенной неспособности къ гражданскому свободному бытію, шо не уже ли одна Франція въ 19 вѣкѣ и послѣ великой Революціи не умѣешъ пользоваться никакими государственными правилами? На чемѣ мудрые люди, которые хошашь насѣ увѣришъ въ шо мѣ, основываюшъ свои чудесныя открытія? Развѣ на какихъ нибудь новыхъ, глубокихъ, философическихъ изслѣдованіяхъ? Нѣшъ, они презираюшъ всякое умствованіе, утверждаясь единственно на старыхъ предлогахъ, тысячу разѣ опроверженныхъ. На примѣрѣ, говоряшъ о *физическомъ положеніи, обширности, многолюдствѣ Франціи*: для сего надобно шолько *соединитъ власть, и дать одному человеку шолько силы, чтобы онѣ могѣ исполняшъ законы, а не нарушашъ ихъ; за шо имѣемъ право надѣяшся, что дѣши*

споль великаго опечесства будушь гордисья своимъ именемъ; что просвѣщеніе свободнѣе въ немъ распроспранится, и что общее мнѣніе получишь болѣе важности. — Упрекають насъ *вътреностію*: но эта *вътреность* помѣшала ли намъ удивись свѣпшь великими, глубокомысленными отккрытіями въ наукахъ, пареніемъ Генія, храбростію, швердымъ великодушіемъ въ опасностяхъ и бѣдствіяхъ? — Говорять еще обь *испорченныхъ нравахъ*: вы, жестокіе судьи, умѣете ими пользоваться! Но по вашимъ ли блестящимъ кругамъ должно судить о народныхъ добродѣтеляхъ? Возьмите на себя трудъ заглянуть въ тихія семейства, въ деревни, въ города, гдѣ порокъ не имѣеть шѣхъ прелестей, которыми онъ окруженъ въ столицѣ — и тогда увидите, сколько гражданскихъ и семейственныхъ добродѣтелей во Франціи! Для чего же съ другой стороны не хотите отдать справедливостъ народному характеру Французовъ: ихъ душевному благородству и чувствительности? Для чего забываете наше просвѣщеніе, особливо дѣйствіе тринадцати - лѣтнихъ опытовъ, отврашившихъ насъ отъ Якобинства и необузданности? Возь права Французовъ на истинную свободу! И какой другъ чловѣчества

не содрогнется отъ мысли, что мы, проливъ столько крови, теряемъ всю довѣренность къ своему разуму, отказываемся отъ драгоценныхъ гражданскихъ правъ и хотимъ опасаться при однихъ ужасныхъ воспоминаніяхъ Революціи и злодѣйства, забывая то благо, которое было предметомъ сей Революціи?

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)

II.

Письмо изъ Лондона о Питтѣ.

Не смотря на слабое здоровье Господина Питта, здѣсь всѣ увѣрены, что онъ снова войдетъ въ дѣла. Для него мало бысть главою прошивниковъ Минисперства и расточать драгоценныя плоды опытовъ и рѣдкихъ дарованій своихъ въ однихъ Парламентскихъ спорахъ. Только я не думаю, чтобы онъ скоро взялъ на себя должность Министра. Правда, что Господинъ Аддингтонъ, всѣми уважаемый за его честность, умѣренность и знанія, не показалъ еще того обширнаго ума и твердаго характера, который нуженъ для Кабинета въ обстоятельствахъ затруднительныхъ или опасныхъ; и если бы

зашумѣла новая политическая буря, но онъ безъ сомнѣнія уступилъ бы руль правленія другому, искуснѣйшему кормщику и, по всей вѣроятности, Писшпу. Но теперь Англія, наслаждаясь спокойно первыми благодѣянїями мира, еще не чувствуетъ нужды въ его опытности и талантахъ. Личная холодность Короля къ Писшпу, всѣмъ извѣстная, можетъ также препятствовать его вступленію въ Министерство, пока не дѣлается ничего отмѣнно важнаго въ Европѣ или въ Англіи.

Можетъ быть и самъ Г. Писшпъ не захочетъ снова посвятить себя дѣламъ безъ общей и явной на то воли согражданъ своихъ; въ такомъ случаѣ могла бы сила его обновиться и возрасти еще болѣе. Всѣ знаютъ, что онъ честолюбивъ; но умѣетъ скрывать честолюбіе и ждать случая. Политическая дѣятельность шѣмъ нужнаѣе для Писшпа, что въ характерѣ и склонностяхъ его ничто не можетъ замѣнить ее; онъ ко всему другому холоденъ и нечувствителенъ. Вѣроятно, что и друзья, раздѣляющіе съ нимъ единеніе, крайне желаютъ вывести его на сцену. Честолюбцы нижняго разбора хотятъ только мѣсяцъ и жалованья; люди съ великими талантами хотятъ

славы — а шеперь Г. Питтѣ едва ли можетъ снова блеснуть ими въ Минисперсѣ для славы своей.

Въ деревнѣ одного Парламентскаго Члена, близъ Дувра, за большимъ обѣдомъ, пили здоровье Аддингтона безъ всякихъ опмѣнныхъ знаковъ усердія; но когда Г. Каннинъ предложилъ пить здоровье *Аддингтонова преемника*, то у хозяина едва достало вина: всякой думалъ о Питтѣ.

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Швейцарія.

Увѣряютъ, что Швейцары наконецъ во всемъ согласны; что не личные виды, а общая любовь къ опечеству вооружила нынѣ города и деревни, что Гельвеція, однимъ словомъ, хочетъ и можетъ дать себѣ мудрую, надежную, вѣчную Конспишущію, естли Бонапарте не будетъ защитникомъ Гельветическаго, изъ Берна выгнаннаго Правительства. Дай Богъ! Всякой другъ человечества желаетъ спокойствія государствъ. Мы издавна привыкли любить Швейцарію, гдѣ были

нравы, свобода, избытокъ, и гдѣ отъ вершины снѣжныхъ горъ до глубины живописныхъ долинъ славилось имя опечесства. Но можемъ ли еще не сомнѣваться въ общемъ панпріотизмѣ Гельветическихъ гражданъ, когда въ нѣсколько лѣтъ они не умѣли согласиться, были только игрушками партій, сочиняли, принимали Конституціи и разрушали ихъ? Какое вдохновеніе свыше могло вдругъ преобразить ихъ? Явленіе ли какого нибудь великаго человѣка соединило, воспламенило сердца? Именуютъ Рединга — называющъ его впорымъ Вильгельмомъ Телемъ: мы уже видѣли его на сценѣ; видѣли Авпоромъ эфемерной Конституціи, начальникомъ партіи и главнымъ чиновникомъ Республики — на нѣсколько недѣль. Для чего же тогда онъ не умѣлъ бытъ Геніемъ хранишелемъ опечесства, не утвердилъ Конституціи, не успокоилъ волненія, не ввелъ Республику въ пристань? Генерала Эрлаха, втораго актера сей новой Революціи, знаемъ мы только какъ Авпорадурной книги, изданной имъ лѣтъ за десять передъ симъ: не такіе люди рѣшаютъ судьбу государствъ; не такіе умы даютъ мудрые законы. Теперешнее, какъ говорятъ, *единодушіе* Швейцаровъ не происходитъ ли болѣе отъ ненависти къ Гель-

вещическому Правительству за его безчеловѣчную жестокость въ разсужденіи города Цириха, въ который оно велѣло стрѣлять калеными ядрами? Это чувство не весьма надежно, и не доказываетъ согласія въ правилахъ, на которыхъ должно основать систему Республики. Когда Дольдеръ и другіе начальники Гельветическаго Правленія будутъ оставлены Франціею и сойдутъ съ театра, не начнутся ли тогда новые раздоры? — Увидимъ.

Какъ въ Лозанѣ и во всей Французской Швейцаріи (Неи де - Во) Консульская прокламація обрадовала жителей, которые держатся стороны Гельветическаго Правительства, такъ въ Нѣмецкой Швейцаріи она поразила умы. Оружіе выпало изъ рукъ поржествующихъ Бернцовъ, которые взяли Фрибургъ и шли къ Лозанѣ. Обѣ стороны заключили перемиріе; но Швейцарскій Сеймъ, управляемый Редингомъ, написалъ слѣдующее письмо къ Бонапарте:

„Гражданинъ Первый Консулъ! Прокламація, которую вы благоволили написать на имя наше, доставлена намъ отъ Гражданина Рапа, вашего Генераль-Адъютанта. Желательно бы было, чтобы письмо, которое мы осмѣлились на-

„писать къ вамъ отъ 50 Сентября, до-
 „шло до васъ прежде. Оно содержитъ въ
 „себѣ истинное изображеніе нынѣшняго
 „состоянія Швейцаріи. Дозвольте, Гра-
 „жданинъ Первый Консуль, въпорично со-
 „общить вамъ оно, съ прозъбою, чѣобы
 „вы удостоили его вашего благосклоннаго
 „вниманія. Тогда увидите, чѣо движе-
 „нія, происшедшія въ Гельвеціи, не суть
 „дѣйствіе личныхъ спрасней; чѣо Швей-
 „цары хотять единственно воспользо-
 „ваться святымъ и драгоценнымъ пра-
 „вомъ, которе вы сами, Гражданинъ
 „Консуль, благоволили дать имъ Люне-
 „вильскимъ шракшомъ: правомъ из-
 „брать для себя лучшей образъ централь-
 „наго и Кантонаго правленія, основан-
 „наго на ихъ мѣстныхъ потребностяхъ.
 „Уже давно бы Швейцарія наслаждалась
 „шишиною, еспьли бы Члены Гельвети-
 „ческаго Правленія, сіи темные Мета-
 „физики, сообразились съ истиннымъ со-
 „стояніемъ вещей, не занимаясь упорно
 „мечтательными и вредными теоріями.
 „Насиліе, которымъ они хотѣли порабо-
 „тить системъ своей Демократическіе
 „Кантоны; междоусобная война, ими
 „воспаленная для исполненія ихъ намѣре-
 „ній, война съ малыми Кантонами, а
 „послѣ и со всею Швейцарією, и безпри-

„мѣрная жестокость, съ которою они
 „вели ее, произвели справедливое, всеоб-
 „щее неудовольствіе и твердую рѣши-
 „тельность свергнуть сіе несносное иго.
 „И такъ не духъ партіи, а святое право
 „человѣчества и воля цѣлаго народа дали
 „намъ власть и предписаніе — народа,
 „который вы сами, Гражданинъ Первый
 „Консулъ, хотѣли освободить, и который
 „противъ вашего намѣренія былъ тѣснимъ
 „и выведенъ изъ перпѣтїа. Но сей народъ
 „(за что ручаемся) не употребитъ во зло
 „требуемой свободы. Швейцарія желаетъ
 „единственно успокоенія подъ защитою
 „крошкато и мудраго Правленія, чтобы
 „каждый гражданинъ могъ наслаждаться
 „своимъ бытіемъ и собственностію. Мы
 „увѣрены, что достигнемъ сей суще-
 „ственной цѣли всякаго гражданского по-
 „рядка, какъ скоро не будемъ препятство-
 „вать волѣ и стараніямъ нашимъ. Вся
 „Европа, Гражданинъ Первый Консулъ,
 „удивляется въ васъ верховному Прави-
 „телю государства и хранителю власти,
 „которая, по самымъ вашимъ намѣрені-
 „ямъ, должна быть обращена ко благу
 „человѣчества. Великодушіе ваше увѣ-
 „ряетъ насъ, что вы не употребите ее
 „къ вреду народа, желающаго единственно
 „того, что вы сами ему обѣщаете и къ

„чему подали ему надежду. Съ чувствомъ
 „вѣчной благодарности народъ Швейцар-
 „скій постарается заслужить благоволеніе
 „Французскаго Правительсва, и готовъ
 „исполнить всѣ должности, возлагаемыя
 „на него желаніемъ сохранить пріязнь
 „добраго сосѣдства. — Съ оптимъннымъ по-
 „чтеніемъ остаемся, Гражданинъ Первый
 „Консулъ, *Делутаты Швейцарскаго Сейма.*
 „Швицъ, 8 Октября.“

Надобно отдать справедливость Ав-
 торамъ сего письма : оно достойно Теле-
 выхъ потомковъ ; не грубо, но убѣдительно
 и благородно. Сеймъ въ то же время
 обнаруговалъ, что слабая Швейцарія хопя
 и не въ силахъ воевать съ Франціею, од-
 накожь никогда не согласилса добровольно
 на возстановленіе ненависнаго Гельвети-
 ческаго Правительсва ; что насиліе
 можетъ ей давать законы, но что Делу-
 таты Кантоновъ призывающъ Небо и по-
 томство во свидѣтели ихъ справедливо-
 сти ; что они не хопятъ оружіемъ про-
 пивитса Французамъ, но уступая бу-
 дущъ еще говорить о своемъ правѣ. —
 Слѣдующее письмо увѣдомляетъ о пере-
 мѣнѣ обстоятельствъ: „Базель, 17 Октя-
 „бря. Сію минушу получили мы извѣ-
 „стіе изъ Берна, что Бонапарте не ве-
 „лѣлъ Французскимъ войскамъ вступать

„въ Швейцарію, убѣжденный представ-
 „леніями Россійскаго Посла; что Гель-
 „ветическое Правленіе уничтожается;
 „что Сеймъ долженъ имѣть свое пребы-
 „ваніе въ Бернѣ, и отправить Министра
 „къ Бонапарте; что всякой Кантонъ по-
 „шлетъ Депутовъ въ Парижъ, кото-
 „рые сочинятъ тамъ новую Констипуцію.
 „Мы славимъ теперь великодушіе Мо-
 „нарха Россійскаго, благоволившаго за насъ
 „вступиться. Сердца наши отдохнули.“

Парижъ октѣ 19 Октябрія.

14 Октябрія собралось болѣе двадцати
 тысячъ войска на Саблонской равнинѣ
 близъ Парижа. Самъ Бонапарте имѣ комман-
 довалъ. Оно въ присутствіи безчислен-
 ныхъ зрителей дѣлало манѣвры съ уди-
 вительнымъ искусствомъ. Консулъ вхо-
 дилъ во всѣ подробности, все замѣчалъ,
 указывалъ, и нѣсколько разъ терялся въ
 колоннахъ какъ простой солдатъ. Гра-
 надеры кричали: *да здравствуетъ Бона-*
парте!

„Фуше, бывший Министръ Полиціи“
 (пишутъ въ Англійскихъ вѣдомостяхъ)
 „и пожалованный за наказаніе въ Сенаторы,
 „не испугался сей немилости и съ весе-
 „лымъ лицомъ явился во Дверцѣ. Консулъ
 „удостоилъ его особеннаго вниманія, вы-

„велъ изъ круга представляемыхъ ему
 „людей и долго съ нимъ разговаривалъ.
 „Сей пріемъ, изъ котораго надлежало бы
 „заключить, что Экминистръ опять
 „входящій въ моду, есть дѣйствіе особен-
 „ной политики Наполеона, который,
 „желая увѣрить Европу въ твердоси-
 „Французскаго правленія, всячески скры-
 „ваетъ свое немилостивое расположеніе
 „къ бывшимъ любимцамъ, и опнимая
 „у нихъ мѣста, даетъ имъ въ замѣну
 „другія. Сверхъ того Фуше есть человекъ
 „важной! Онъ часто выдумывалъ загово-
 „ры, чтобы тѣмъ спасти истинныхъ
 „заговорщиковъ, которыхъ ему не хотѣлось
 „погубить. Сія люди умѣютъ быть бла-
 „годарны, и въ случаѣ нужды не отка-
 „жутся служить его орудіями. — — Вни-
 „мательные наблюдатели съ иѣкотораго
 „времени замѣчаютъ, что славный Сіесъ
 „выходитъ изъ своего долговременнаго
 „политическаго бездѣйствія. Поссорив-
 „шись съ Консуломъ, онъ хотѣлъ, чтобы
 „его забыли, и жилъ въ кругу совѣмъ
 „противномъ строгой угрюмости человѣ-
 „ка, который любилъ слыть первымъ
 „революціоннымъ героемъ и тайнымъ ви-
 „новникомъ всѣхъ главныхъ происшествій
 „во Франціи. Въ Конвентѣ и въ Пяти-
 „сотномъ Совѣтѣ онъ являлся всегда въ

„спаромъ кафтанъ, съ непричесанными
 „волосами, говорилъ мало, никогда не
 „улыбался и только опъ времени до вре-
 „мени произносилъ краткія метафизиче-
 „скія фразы, съ которыми ученики его
 „слѣшили на кафедре. Вдругъ онъ спалъ
 „наряжашься, звань госпей и жишь
 „Лукулломъ въ великолѣпномъ домѣ;
 „нынѣ большой обѣдъ, завтра прекрасной
 „концерпъ. Въмѣсто мрачныхъ, свирѣпыхъ
 „заговорщиковъ, окружали его художники,
 „комедіяншы, пѣвицы; въмѣсто разговоровъ
 „философическихъ, онъ слушалъ съ улыб-
 „кою льстивыя привѣтствія, осприя
 „слова и шутки. Всѣ удивлялись такому
 „превращенію и думали, чпо Сіесъ, доволь-
 „ный осьмидесятью тысячами франковъ
 „ежегоднаго доходу, полученнаго изъ опъ
 „Консульской щедрости, желаетъ намо-
 „нець пользоваться жизнію, и въ досугахъ
 „Гораціанскихъ забыть полипическія меч-
 „пы свои, копорыя прережили его умъ,
 „душу, Францію и Европу. Но люди,
 „увѣренныя въ тайныхъ видахъ Сіесога
 „неизлечимаго честолюбія, не были обма-
 „нушы сею перемѣною, личною внутрен-
 „няго неудовольствія. Они знали, чпо
 „сей мрачный Метафизикъ сброситъ съ
 „себя маску припворной безпечности,
 „какъ скоро обнаружатся нѣкопорые знаки

„волненія въ умахъ. Ихъ предсказаніе
 „исполнилось: уже при мѣсяца Сіесъ хму-
 „ришь брови, задумывается, молчитъ,
 „видится опять съ прежними своими
 „товарищами и спарается быть въ тѣхъ
 „домахъ, гдѣ можетъ встрѣшиться Генера-
 „ловъ, внавшихъ въ немилость. Чпо это
 „значитъ? и чего надобно ожидать? мы
 „не знаемъ.“ — „Генералъ Ланъ (бывшій
 „Французскимъ Министромъ въ Лисса-
 „бонѣ) явился къ Консулу Камбасересу,
 „принявшему его весьма дурно. Камбасе-
 „ресъ хотѣлъ угодить Первому Консулу;
 „но Бонапарте былъ тѣмъ очень не дово-
 „ленъ. Онъ желаетъ, чпобы его уважали
 „и въ тѣхъ людяхъ, которые хотя ли-
 „шились его благосклонности, но нѣкогда
 „были къ нему близки. — Увѣряютъ,
 „чпо Сенатъ въ чрезвычайномъ засѣданіи
 „своемъ въ Сен-Клу разсмапривалъ спи-
 „сокъ тѣхъ Эмигрантовъ, которые, въ
 „силу его опредѣленія, должны быть
 „осуждены на вѣчное изгнаніе. Камбасе-
 „ресъ, Ренье, Реньйо С. Жанъ д' Анжели
 „и Редереръ сочинили сію роспись въ осо-
 „бенномъ Комитетѣ подъ надзираніемъ
 „самого Бонапарте. — Эркинъ (славный
 „Англійскій Адвокатъ) видѣлся въ Па-
 „рижѣ съ Барреромъ, который сказалъ
 „одному пріятелю, желавшему знать

„содержаніе ихъ разговора: мы судили о
 „прошедшемъ, но худо разумѣли другъ
 „друга; о настоящемъ говорить не хотѣли,
 „для того, что намъ было бы еще труд-
 „нѣе изъяснять свои мысли.“ — Скажемъ
 нашимъ Чипапелямъ, что извѣстія Лон-
 донскихъ Журналистовъ крайне подозри-
 тельны, хотя очень любопытны и забавны.

Въ одномъ письмѣ изъ Парижа сказа-
 но: „Вамъ извѣстно, что Бонапарте
 „опредѣлилъ давать земли опсставнымъ,
 „заслуженнымъ Офицерамъ и солдатамъ
 „въ новыхъ Испаліанскихъ и Нѣмецкихъ
 „Провинціяхъ Республики: эта мысль
 „напоминаетъ Древность — такъ всегда
 „награждали Герои товарищей славы ихъ!
 „и переходъ отъ шума воинскаго къ ти-
 „шинѣ сельской представляешь душѣ нѣ-
 „что любезное. Бонапарте, кромѣ спра-
 „ведливой попечительности о *Ветеранахъ*,
 „имѣетъ въ виду и то, чтобы люди,
 „привязанные къ Республикѣ своими услу-
 „гами и ранами, поселившись въ сихъ
 „новыхъ пріобрѣщеніяхъ Фрэнціи, рас-
 „проспраняли и писали въ нихъ любовь
 „къ новому опечесиву. — Всякому сол-
 „дату, виѣстѣ съ землею, дана будетъ
 „нужная сумма денегъ для хозяйствен-
 „наго заведенія.“

По новѣйшимъ извѣстіямъ изъ С. Домингской Колоніи, болѣзни переспаютъ шамъ свирѣпствовать; но всѣ лучшіе Генералы, кромѣ главнаго, сдѣлались жертвою климата. Тѣни ихъ могутъ ушѣшиться: Деклеръ назвалъ именами сихъ умершихъ Генераловъ разныя крѣпости на островѣ!! — Генераль Лакросъ, выгнанный жителями изъ Гваделупы за его безразсудность, возвратился туда съ честію. Бонапарте не хотѣлъ показать, что онъ могъ ошибиться въ выборѣ начальника. Еще и того мало: Членовъ Комитета, заступившаго мѣсто Лакроса съ согласія жителей, везуть во Францію судить военнымъ судомъ, хотя они не думали никогда отложиться отъ Республики и приняли Французовъ съ радостію. Главный изъ нихъ, славный Мулажъ Пелажъ, по донесенію Генерала Ришпанса, сражался за Французовъ съ чудесною храбростію: не смотря на то, его можешь бышь расширѣляютъ въ Брестѣ! Полишика неумолима, и въ глазахъ ея ничѣмъ не лзя заслужить вины. Но мы, худые Полишики, жалѣемъ о бѣдномъ Пелажѣ, который въ несчастныя времена спасалъ Гваделупскихъ жителей отъ злобы Негровъ и сражался съ Англичанами какъ Герой.

Мониторъ торжественно объявилъ Франціи и Европѣ, что Госпожа Луи Бонапарте, патчерица и невѣстка Консула, щасливо разрѣшилась отъ бремени сыномъ, въ такой - то день и часъ. Вотъ новая потѣха для Англійскихъ Журналистовъ!

Россійскій и Французскій Министръ въ Регенсбургѣ, вручая Депутаціи дополненіе къ плану удовлетвореній, въ нопѣ своей замѣтили, что двумѣсячный срокъ, назначенный сими Державами для исполненія общей надежды, уже прошедшъ. Въ семъ дополненіи не назначается никакихъ новыхъ вознагражденій для бывшего Герцога Тосканскаго. — Достоинъ замѣчанія рескриптъ Короля Шведскаго, объявленный Министромъ его въ Регенсбургѣ Имперскому Совѣту. Король не доволенъ шѣмъ, что планъ удовлетвореній исполняется прежде, нежели онъ законнымъ порядкомъ утвержденъ Имперіею. Можно заключить, что Шведскій Дворъ образомъ мыслей своихъ близокъ къ Вѣнскому. Они оспаются при формахъ; а дѣло, кажется, не отъ нихъ зависить.

Въ Лондонѣ быюшя обѣ закладѣ, что скоро будетъ война. Министръ Французскій туда не ѣдетъ — въ Мальшу

посылающъ Англичане новое войско — изъ Порсмута съ величайшею скоростію отправлены два фрегата съ тайными повелѣніями, и два линейные корабля идутъ для подкрѣпленія Англійской эскадры въ Средиземномъ морѣ — въ гаваняхъ видна оптиміная дѣятельность, и на равнинѣ Соутамптонской назначено быть лагерю. Слухъ носился, что Алжирскій Дей опдалъ Французамъ двѣ присани: изъ сего заключающъ, что они имѣющъ виды на Египецъ, въ надеждѣ, можетъ быть, дружелюбно получить его отъ Султана. — Однакожь, не смотря на то, можно еще не вѣрить войнѣ.

Русское войско, бывшее въ Неаполѣ, теперь уже въ Корфу. Тамъ всѣ добрые жители приняли его съ радостными восклицаніями. Графъ Мочениго, нашъ Министръ, объявилъ народу благодарное намѣреніе АЛЕКСАНДРА спасти несчастную Республику Семи Острововъ отъ ужасовъ анархіи, возобновить порядокъ, утвердить мудрое правленіе и навѣки оставить въ ней память Своего безкорыстнаго великодушія. Сѣверные Герои обуздывали въ Неаполѣ Италіанскую злобу: судьба и воля Монарха для такого же благодарія привела ихъ въ новую Греческую Республику, гдѣ все хорошо,

кромѣ мстительнаго и жестокаго характера людей. Наши Рускіе съ горестію увидѣли прелесныя мѣста, вокругъ города Корфу, покрытыя пепломъ и развалинами сельскихъ домовъ — орошенные кровію несчастныхъ жителей. Злодѣи, предчувствуя конецъ ихъ адскаго царства, испостили всю лютость свою до прибытія нашего войска: не проходило дня безъ убійствъ и пожаровъ. Я не знаю, кто изъ насъ можетъ безъ умиленія думать о славномъ назначеніи сей горсти сѣверныхъ рыцарей, которые въ опдаленіи отъ своего опеченства ревностно и безкорыстно служатъ благу человечества, безъ сомнѣнія обращая къ намъ взоры свои!... не знаю, кто можетъ безъ гордости, благородной и патристической, мыслишь о нынѣшнемъ удивительномъ вліяніи Россіи: она рѣшишь судьбу Германіи, закрываетъ щикомъ своимъ Телевыхъ попомковъ, и за опдаленными морями успокоиваетъ Республику Греческую!... А мы именуемся еще новымъ народомъ въ Европѣ: славолубіе Рускихъ есть свѣжее, пылкое чувство; мы не утомились, но только развертываемъ силы свои. . . гдѣ предѣлы надеждамъ?

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ДЕКАБРЬ 1809.

№ 23.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Ревность.

Мнѣ рассказывали за истину дѣйствіе ревности, которое служитъ основаніемъ слѣдующей исторіи: я вѣрю ему, думая, что одно воображеніе никакъ бы не могло изобрестьи такого случая, удивительнаго и новаго.

Эдуардъ Либергъ путешествовалъ по разнымъ землямъ Германіи, въ надеждѣ разсѣять меланхолію, которая тѣмъ болѣе угнетала его, что онъ не зналъ ея причины. Родясь въ изобиліи богатства, Эдуардъ еще не желалъ ничего сильно, хотя имѣлъ пламенное воображеніе и сердце чувствительное. Искусства и науки занимали его нѣсколько времени, но слегка. При-

рода не хотѣла уступить фортунѣ въ особенной къ нему благосклонности: онъ былъ сиротенъ и могъ служить моделью для изображенія глубокой, но тихой горести. Не лъзя было видѣть его безъ какой-то неизвѣстной симпатіи; всякой желалъ ему щастія; но всмопрѣвшись въ него, имѣлъ шемное предчувствіе, что ему опредѣлено быть несчастнымъ. Извѣстно, какое впечатлѣніе производящъ въ женщинахъ сіи прекрасныя, меланхолическія лица: многія хотѣли плѣнить Эдуарда; одна улыбка его считалась знакомъ снмѣннаго и лестнаго вниманія; но въ двадцать-пять лѣтъ онъ еще не зналъ любви. Для такихъ характеровъ или вѣнъ страсти, или она рѣшилась навсегда судьбу ихъ.

Либертъ прѣхалъ въ Шлезвигъ, и будучи свойственникомъ Графа Мильгаузена, ссшановился у него въ домѣ. Мы не скажемъ ни слова о хозяинѣ: онъ былъ одинъ изъ нѣхъ людей, которые дають хорошіе обѣды и блестящіе балы, но которыхъ едва примѣчаютъ гости. За то все угождали Графинѣ, и многіе спарались ей нравиться. Она умѣла въ шринадцать лѣтъ еще плѣнять молодыхъ людей, но довольствовалась только славою побѣдъ своихъ. Впрочемъ ея лицо, весьма правиль-

ное, могло только нравиться съ первого взгляда; оно не имѣло той прелести, которую даетъ нѣжная чувствительность, и которая милѣе самой красоты, отвѣчая, такъ сказать, за характеръ и никогда не обманывая. Физиономія Графини изобразила бы ясно жемчужину ея сердца, если бы она не принуждала себя улыбаться и съ великимъ искусствомъ не скрывала въ умныхъ глазахъ своихъ чего-то непріятнаго. Въ обществѣ находили ее любезною, а между четырьмя глазами скромною и нѣжною. Но если бы встрѣчалась ей неожиданная досада; если бы другая женщина раздѣляла съ нею общее вниманіе, то улыбка ея вдругъ исчезала и глаза могли испугать внимательнаго наблюдателя. Шлезвигскіе прелестники не замѣчали того: во всѣхъ земляхъ обожатели кокетокъ не бываютъ опасны своею прозорливостію; они хощутъ только вниманія, а кокетки отличія: это мѣна самолюбія и выгодъ его. Чувствительные люди требуютъ болѣе, и для того холодныя женщины шутятъ надъ ними, когда не могутъ плѣнить ихъ; *онѣ разятъ своихъ непріятелей.*

Графъ Мильгаузенъ возбудилъ въ женѣ своей великое любопытство узнать молодого Либерга, описавъ его человекомъ

любезнымъ, но совсѣмъ нечувствительнымъ къ женскимъ прелестямъ. Она приготовилась къ свиданію съ нимъ, но естъ испостила всѣ хитрости туалета, и желая показаться ему во всей славѣ и пышности, пригласила обѣдать къ себѣ лучшихъ людей въ городѣ.

Эдуардъ съ перваго взгляда ни мало не полюбилъ Графини, и въ обхожденіи съ нею изъявилъ единственно ту обыкновенную учтивость, которая не показываетъ ни малѣйшаго желанія нравиться. Графиня не обманулась, и чувствуя въ первый разъ, что не столько тщеславіе, сколько ея сердце требуетъ сей новой побѣды, она обнаружила болѣе чувствительности, нежели искусства въ немногихъ словахъ, сказанныхъ ею Либериу; мало по малу приманила его къ себѣ, и въ разговорахъ съ нимъ забыла всѣхъ другихъ гостей. Такое предпочтеніе было лестно для молодаго человѣка, такъ, что онъ начиналъ уже открывать въ ней любезность; особливо нравилась ему искренность ея. Графиня жаловалась на скучныхъ и нескромныхъ искашелей; говорила о любви своей къ уединенію; увѣряла, что истинное счастье можетъ состоять только въ союзѣ двухъ нѣжныхъ сердецъ. Новая ли склонность къ Эдуарду застав-

ляла ее говорить такимъ языкомъ , или она считала его лучшимъ способомъ плѣнить сердце такого человѣка? Можетъ быть сердце и расчетъ вмѣстѣ дѣйствовали въ эту минушу: ибо переходъ отъ кокетства къ любви никогда не бываетъ такъ скоръ , чтобы женщина при первомъ движеніи сердца могла оставить хитрости. Если бы Эдуардъ сдѣлался плѣнникомъ Графини, то гордость скоро побѣдила бы въ ней склонность къ нему; но она любила его до безумія отъ того, что онъ первый не хотѣлъ покориться ей и далъ чувствовать ужасную муку ревности.

Между тѣмъ, какъ они разсуждали о щастіи, слуга объявилъ о прѣздѣ Барона, Баронессы и дѣвицы Розенъ. Графиня должна была встать съ мѣста, и хотя скоро возвратилась къ Эдуарду, но не могла никакимъ образомъ занять его: онъ взглянулъ — и не спускалъ уже глазъ съ Баронессы. Осмнадцать лѣтъ, рѣдкая стройность, милое лицо, прогашельная блѣдность, и наконецъ улыбка, которая, вмѣсто внутренняго удовольствія, изображала горестію растерзанное сердце, дѣлали Баронессу столь привлекательною для Либерга, что онъ, едва зная имя ея, готовъ уже былъ всѣмъ пожертвовать для ея щастія.

Графиня видѣла причину его разсѣянія. „Кажется, что Баронесса Розенъ васъ очень занимаетъ?“ — спросила она: „находите ли ее красавицею?“ — Она уже не въ шѣхъ лѣтахъ, въ которыя можно лѣннись красотою, отвѣчалъ Эдуардъ: но признаюсь, что дочь ея кажется мнѣ очень милою, шѣмъ болѣе, что она есиль совершенной портретъ меланхоліи. — „Дочь ея, говорите вы? у нее нѣтъ дѣтей; она только шесть мѣсяцевъ за мужемъ.“ — За мужемъ? повп.орилъ Либергъ съ сильнымъ внушренимъ движеніемъ: какъ! эта молодая женщина? . . . „Да, она жена эпова старика.“ — Можно ли? кого же принялъ я за мать ея? — „Сестру Барона, дѣвушку въ 45 лѣтъ, которая еще не потеряла надежды сыскать себѣ мужа.“

Эдуардъ задумался — черезъ нѣсколь-ко минутъ вспалъ, обошелъ комнату, сѣлъ пропивъ Баронессы и не хотѣлъ смигнуть съ нее. Дѣвица Розенъ, сидѣвшая подлѣ невѣстки, сочла себя предметомъ его лестнаго вниманія, воспользо-валась первымъ случаемъ вступить съ нимъ въ разговоръ, и дѣлала ему вопросъ за вопросомъ. Баронесса молчала, но когда поднимала глаза, то встрѣчала Эдуардовы, безпреспанно на нее устремлен-

ные. Самые опивѣшы его могли иногда къ ней относиться. На примѣръ, дѣвица Розень хотѣла знать, женатъ ли онъ? а послѣ спросила, для чего не женится? Эдуардъ опивѣчалъ дрожащимъ голосомъ, что не всякому дано быть щасливымъ; что не всегда можно вспрѣшнись шу, которая соединяетъ въ себѣ любезность и добродѣтель съ прелестями. „Можно также (примолвилъ онъ), вспрѣшнивъ ее, къ сердечной горести узнать, что она уже принадлежитъ другому!“... Баронесса пошупила глаза; вѣжнѣйшій румянецъ выступилъ на ея щекахъ; она испугалась его, еще болѣе покраснѣлась, встала и подошла къ столу, гдѣ мужъ ея игралъ въ карты. Она боялась показать, что разумѣетъ смыслъ Эдуардовыхъ словъ; а, можетъ быть, еще болѣе страшилась обмануться въ своей догадкѣ. Дѣвица Розень, думая единственно о себѣ, начала доказывать Либерту, что не надобно никогда опчаяваться тому, кто имѣетъ вѣжное сердце. Она безъ сомнѣнiя говорила очень убѣдительно и складно, но молодой человѣкъ не слышалъ ни слова, слѣдуя глазами за Баронессою. Между тѣмъ хозяйка, нещербливо желая отвести его отъ старой кокетки, предложила ему играть въ карты. Онъ согласился; проигрывалъ

деньги и не чувствовалъ ничего, кромѣ сожалѣнiя о томъ, что Баронесса уѣхала.

Кто могъ бы читать въ мысляхъ каждаго изъ нашихъ дѣйствующихъ лицъ, томъ, видя начало разныхъ страстей, увѣрился бы, что сей вечеръ пригото-вилъ великiя происшествiя. Графъ Мильгаузенъ, не заботясь ни объ чемъ, что дѣлалось у него въ домѣ, заснулъ, какъ скоро оспался одинъ; но жена его отъ сердечнаго волненiя не могла сожкнуть глазъ. Эдуардъ казался нечувствительнымъ къ ея прелестямъ и влюбленнымъ въ Баронессу Розенъ! Она признавалась себѣ, что наконецъ чувствуетъ сама шу ужасную страсть, которую прежде только въ другихъ вселяла. Любовь и ревность вошли вдругъ въ сію гордую душу и произвели въ ней страшную бурю. Эдуардъ былъ споль же безпокоенъ, какъ Графиня Мильгаузенъ, и всего болѣе сожалѣлъ о Баронессѣ. Воображая, что могло заставить ее выпши въ такой цвѣтущей молодости за старика, онъ сочинялъ въ головѣ цѣлые романы; не разбиралъ собственныхъ чувствъ своихъ; не зналъ, чего бояться, и на что надѣяться; зналъ единственно то, что Баронесса несчастлива, и вздыхалъ о судьбѣ ея. — А ты, прекрасная Эльмина (имя

Баронессы), невольнымъ образомъ думала о томъ молодомъ человѣкѣ, который привелъ тебя въ краску. Онъ не говорилъ ни слова о любви; но его взоры и голосъ осипались въ твоей памяти. Невинное сердце твое слѣдуетъ какому-то милому влеченію но что ожидаешь тебя въ будущемъ?

На другой день Эдуардъ пришелъ къ Графинѣ пить кофе. Разговоръ ихъ казался принужденнымъ съ обѣихъ сторонъ. Хозяйка упоминала о всѣхъ женщинахъ, которыя были у нее наканунѣ, но не сказала ни слова объ Эльминѣ. Либергъ, замѣтивъ сіе исключеніе, не хотѣлъ и самъ говорить объ ней. Ревность умѣетъ все изъяснять по-своему: Графиня изъ его молчанія заключила, что онъ имѣетъ особенную причину не упоминаеть о Баронессѣ — и терзалась въ душѣ своей. Наконецъ пришелъ мужъ ея, и Либергъ нечувствительнымъ образомъ заспавилъ его говорить объ Эльминѣ. „Бѣдная (сказалъ Графъ) достойна сожалѣнія всѣхъ добрыхъ сердецъ; она вышла за-мужъ за ревниваго спарика въ угожденіе отцу своему.“ — Надлежало какой нибудь важной причинѣ рѣшить ее на такую жертву, отвѣчалъ Эдуардъ. — Я не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла, продолжалъ Графъ:

а слышалъ , что Баронъ Розенъ выигралъ у Эльмина ошца не только наследственное его помѣстье (не далеко отсюда , на Фленсбургской дорогѣ) , но еще и большую сумму денегъ на честное слово , которое онъ выкупилъ рукою своей дочери . — Это правда , отвѣчала Графиня : но злые языки прибавляютъ , что отецъ узналъ связь Эльмины съ однимъ молодымъ человекомъ , который училъ ее музыкѣ . — Я никогда не слышалъ объ этой исторіи , сказалъ Графъ съ глупымъ удивленіемъ . — Все темное скрывается , продолжала Графиня : впрочемъ какое намъ дѣло до семейственной тайны ? Я не люблю злословія . Правда , что Баронесса печальна ; но въ ея соспѣяніи можно грустить и безъ тѣхъ горестей , которыя бывають слѣдствиемъ несчастной любви Эдуардъ молчалъ , пораженный словами Графини . Ему казалось непонятнымъ , чтобы печальная Эльмина могла унизиться такою страстію . Онъ не зналъ , вѣрить ли ему или не вѣрить , и наконецъ остался въ сомнѣніи . Хозяинъ , желая возобновить разговоръ , спросилъ у него , долго ли пробудетъ онъ въ Шлезвигъ ? Не долго , отвѣчалъ Эдуардъ , и заставилъ Графиню раскаяться въ выдуманной ею клеветѣ на сестру

Эльмины. „Жаль, сказалъ Графъ: а если бы вы насъ полкбили и вздумали оштаться въ Шлезвигъ, то могли бы съ большою выгодною купить помѣстье Лиліенвизъ, о которомъ я говорилъ: Баронъ Розенъ продаетъ его.“ — Какое помѣстье? спросилъ Эдуардъ въ разсѣяніи. — Эльминина опца, опвѣчалъ Графъ: говорящъ, что оно прекрасно, и Баронесса тѣмъ болѣе жалѣетъ объ немъ, что она тамъ выросла. — Ахъ конечно! сказалъ Эдуардъ: оно должно быть прекрасно.

Одна Графиня замѣтила странность сего опвѣна и старалась перервать разговоръ. Либергъ ушелъ въ свою комнату, желая быть одинъ, для того, чтобы мыслить объ Эльминѣ. Думавъ долго, онъ рѣшился избѣгать свиданія съ нею и немедленно ѣхать изъ Шлезвига; однакожь старался быть во всѣхъ лучшихъ домахъ, тайно желая встрѣпипь Эльмину или по крайней мѣрѣ слышать ея имя опъ другихъ, а не опъ Графини Мильгаузенъ, копорая сдѣлалась ему противна: она сказала, что сердце Эльмины было занято! Онъ нигдѣ не встрѣчалъ Баронессы, но слышалъ ото всѣхъ великую ей похвалу. Сердце его нѣкопорымъ образомъ упѣшилось — и черезъ нѣсколько дней Либергъ захотѣлъ видѣть

помѣстѣе Лиліенвизь. Онѣ нашелъ тамъ стараго слугу, который нѣкогда носилъ Эльмину на рукахъ и не могъ безъ слезъ говорить съ ней. Эдуардъ слушалъ его съ величайшимъ удовольствіемъ; ночевалъ въ замкѣ, и выѣхалъ изъ него уже на другой день ввечеру. Что онѣ тамъ дѣлалъ? вездѣ былъ, все осматривалъ съ добродушнымъ слугою: домъ, садъ, роши; и гдѣ вожапой его начиналъ разговоръ словами: *здѣсь наша любезная Эльмина*, Эдуардъ оспанавливался. Разспрашивая старика о воспитаніи молодой госпожи его, онѣ узналъ съ живѣйшею радостію, что она училась музыкѣ только у одного Фленсбургскаго музыканта, человѣка лѣтъ въ пятьдесятъ.

Щастливый Либергъ на другой день поѣхалъ къ Барону Розену и въ гостинной комнатѣ нашелъ сестру его, которая такъ ласково говорила съ нимъ въ домѣ у Графини Мильгаузенъ. Она чрезмѣрно ему обрадовалась, и слыша, что онѣ желаетъ купить сельской замокъ брата ея, побѣжала въ другую комнату, крича: *Эльмина! Эльмина!* Баронесса пришла — и запрепетала, увидѣвъ Эдуарда. Онѣ также насилу могъ поклониться ей; но дѣвица Розенъ, едва не прыгая отъ радости, сказала невѣсткѣ:

„вообрази, что Господинъ Либергъ хочетъ у насъ поселиться; хочетъ купить у брата замокъ!“ и побѣжала увѣдомить о томъ Барона.

И такъ Эльмина и Либергъ оспались одни, не смѣя взглянуть другъ на друга. Они молчали. Эдуардъ спыдился своего безмолвія, и чувствовалъ, что ему уже не лзя начать разговоръ какимъ нибудь обыкновеннымъ привѣтствіемъ. Эльмина, боясь Эдуардова заключенія о женщинѣ, которая въ собственномъ домѣ своемъ не умѣетъ ничего сказать поспороннему человѣку, прѣхавшему за дѣломъ къ мужу ея, думала и не находила словъ. Наконецъ Либергъ сказалъ: „Лилленвизъ есть прекрасное мѣсто!“ а Эльмина отвѣчала ему: „тамъ 16 лѣтъ я жила щасливо!“ — *Ахъ знаю!* . . . и въ ту же минушу Эдуардъ разсказалъ Эльминѣ испорію дѣписыва ея. Сперва она удивилась; но скоро, предавшись милымъ воспоминаніямъ, начала сама говорить о памятныхъ для нее случаяхъ. Всякой, видя и слыша ихъ, вообразилъ бы, что два друга, вмѣстѣ воспитанные, послѣ долговременной разлуки съ живымъ удовольствіемъ приводятъ себѣ на мысль время ихъ младенчества. Въ нѣсколько минушъ отъ глубокаго молча-

нїя перешли они къ такой дружеской искренности, что, услышавъ стукъ идущихъ людей, по невольному движенію оподвинулись далѣе другъ отъ друга. Нужно ли было имъ словами объявлять взаимную любовь свою?

Баронъ извинился передъ Либергомъ, что онъ заставилъ его дожидаться. Совершенно напрасное извиненіе! Эдуардъ не чувствовалъ времени, и даже не примѣтилъ, что дѣвица Розенъ успѣла между тѣмъ нарядиться: для того единственно она и вышла изъ комнаты. Согласились все вмѣстѣ ѣхать на другой день въ замокъ. Баронъ, не столько ревнивый, сколько жадный къ деньгамъ, надеялся, что Эльмина, любя хвалишь мѣсто своего рожденія, возвыситъ его цѣну въ глазахъ Эдуарда.

Щастіе располагаетъ къ снисхожденію, а Либергъ блаженствовалъ въ душѣ своей. Дней пять онъ всячески убѣгалъ Графини Мильгаузенъ, чувствуя, что она приводитъ его въ замѣшательство: быстрые глаза ея безпрестанно на него уснарялись; казалось, что она хотѣла читать въ сердцѣ, и не говорила, а допрашивала. Но шумъ Эдуардъ перемѣнилъ свои мысли съ ней, не желая никого судить строго; или, лучше сказать,

онъ все забылъ, думая единственно объ Эльминѣ, съ которою говорилъ такъ искренно, ласково, мило, и съ которою надѣялся провести слѣдующій день. Кому сказать радость свою? Возвратясь домой, онъ спѣшитъ къ Графинѣ, рассказываетъ ей о замышляемой имъ покупкѣ, не именуетъ Эльмины и считаетъ себя опмѣнно скромнымъ; но всякимъ словомъ открываетъ Графинѣ душу свою и перзаетъ ея сердце. Она всячески спарается закрыть ревность свою — безъ всякой нужды: Эдуардъ ничего не видитъ, не примѣчаетъ. Ему хотѣлось только говорить о щасліи завтрашняго дня; онъ говоритъ объ немъ: чего болѣе?

Какъ время казалось ему долго! Наконецъ пришелъ часъ: Либергъ у Барона. Не скоро заложили карету; но Эдуарду уже нечего ждать: онъ видитъ Эльмину и радуется. Эльмина также очень весела, и могла бы удивиться своей необыкновенной веселости, если бы могла размышлять въ эту минуту. Но сѣвъ въ карету, Эльмина и Либергъ задумались; едва смѣютъ взглядывать другъ на друга; и взоры ихъ вспрѣчаются опъ времени до времени, кажется, единственно для того, чтобы сказать: *будемъ осторожны!* Если бы спросили у нихъ:

отъ него вы задумались? отъ него въ такомъ принужденіи? они не умѣли бы отвѣчать. Замокъ открылся, и вдругъ сердца ихъ сдѣлались веселы — также не зная, отъ чего. Можетъ быть, они думали, что будутъ тамъ вольнѣе! . . . Нѣшъ, любовники не думаютъ, а только чувствуютъ.

Пошли всѣ вмѣстѣ осматривать домъ; но скоро дѣвица Розенъ, желая наилучшимъ образомъ угостить Эдуарда и занимаясь приготовленіемъ обѣда, скрылась отъ нихъ. Баронъ, слыша стукъ вѣзжающей на дворъ кареты, съ удивленіемъ пошелъ узнать, кто пріѣхалъ. Баронесса сѣла, а Либергъ подлѣ нее. Имъ не трудно было начать разговоръ: наканунѣ они съ такимъ удовольствіемъ говорили о Лилѣнвизѣ! Но, можетъ быть, видѣ предметовъ слишкомъ прогаль душу; можетъ быть, и что нибудь другое дѣйствовало на сердце (кто знаетъ, что происходитъ во глубинѣ его?): только Эльмина и Либергъ не могли сказать ни одного слова безъ умиленія, и скоро замолчали; взглядывали другъ на друга — пошупляли глаза въ землю, чтобы сокрыть слезы — и шѣмъ самымъ обнаруживали свою чувствительность. Баронъ возвратился — съ Графинею и съ Графомъ Мильтаузенъ! Эльмина и Либергъ поблѣднѣли...

Графиня перзалась ревностію, но хотѣла показываться веселою, смѣялась и говорила, что ей вдругъ пришло на мысль удивить ихъ своимъ явленіемъ въ Лиліенвизѣ; что Графъ обрадовался этой забавной мысли; но что она впрочемъ боится такой нескромности, и проситъ Баронессу быть искреннею. Эльмина, слѣдуя обыкновенію, увѣряла, что она сердечно рада ей — и смотрѣла на Эдуарда, заставляя его сказать то же. Слѣдственно и ему должно было говорить о своемъ удовольствіи. Но бѣдная дѣвица Розенъ не скрывала досады; она не боялась такого ребенка, какъ Эльмина; но Графиня казалась ей опасною! Ея братъ и Графъ были одни искренно веселы: первой отъ того, что Эдуардъ покупалъ замокъ его хорошею цѣною, а другой вѣрилъ женѣ, которая пошуру сказала ему, что имъ будетъ очень весело въ Лиліенвизѣ! Всѣ прочіе не думали забавляться, и, къ довершенію неудовольствія, Графиня приступала къ Эдуарду, чтобы онъ возвратился въ городъ вмѣстѣ съ нею. Дѣвица Розенъ внутренно кляла ее: Эльмина только огорчалась, и гораздо болѣе спрадала въ душѣ.

Любопытный спроситъ, чего хотѣлъ Эдуардъ, предаваясь страсти къ замуж-

ней женщиной, которая не могла сдѣлать его щасливымъ безъ нарушенія святой должности? Вошь письмо Эдуарда къ другу его, который предложилъ ему сей вопросъ:

„Я всегда говорилъ, что людей разсудительныхъ можно называть тиранами чувствительныхъ сердець: возьми это, еслили хочешь, на свой счетъ, любезной другъ; только позволь мнѣ не отвѣчать на всѣ вопросы твои. Ты говоришь о надеждѣ: бѣдной человѣкъ! какая мнѣ въ ней нужда? Еслили бы Эльмина имѣла достойнаго супруга, то я (клянусь Небомъ!) хотѣлъ бы одного удовольствія говорить иногда объ ея щастіи. Сохрани меня Богъ отъ мысли прельстить ее! Не хочу даже и слышать отъ Эльмины, что она имѣетъ ко мнѣ склонность. На что? я знаю, что мы любимъ другъ друга навѣки и безъ всякаго раздѣла въ чувствахъ. Довольно для меня щасція безпрестанно думать объ ней, иногда видѣть ее, жить въ томъ домѣ, гдѣ она родилась и выросла!

„За нѣсколько дней передъ симъ въ Шлезвигѣ былъ маскарадъ. Я зналъ, что Эльмина тамъ будетъ; могъ бы узнать, и въ какомъ платьѣ. Дѣвица Розенъ готова мнѣ все рассказывать, и черезъ нее съѣдалъ я подробности Эльминой жизни,

отчасти горестныя, но для меня безцѣныя. По крайней мѣрѣ всякой разѣ знаю состояніе души ея, и стараюсь избѣгать въ разговорѣ всего, что могло бы имѣть къ нему отношеніе. Въ свѣтѣ такъ часто бываемъ мы жестокими отъ незнанія! Эта мысль всегда дѣлала меня молчаливымъ съ шѣми людьми, которыхъ лица ясно изображаютъ горестную, нѣжную душу. Веселье пугаетъ ихъ, а сожалѣніе можетъ показаться имъ оскорбительнымъ; всего гордѣе печаль, которая скрывается. — Обращаюсь къ маскараду. Дѣвица Розенъ безъ сомнѣнія не пошла бы отъ меня, какъ будетъ одѣта ея невѣстка; но мнѣ хотѣлось самому узнать ее. Я ходилъ въ доминѣ равнодушно изъ залы въ залу, не смотря на заманчивыя ласки одной Калипсы (вѣроятно, Графиня Мильгаузенъ), и вдругъ увидѣлъ двухъ женщинъ: одну въ образѣ Діаны, а другую въ простой одеждѣ Голштинскихъ крестьянокъ. Могло ли ошибиться мое сердце? Для кого Эльмина такъ одѣлась? Развѣ я не знаю, что отецъ любилъ видѣть ее въ этомъ нарядѣ, не скрывающемъ ея живописнаго сана, который хвалили даже и Графиня Мильгаузенъ, хотя она безъ Эльмины могла бы назваться самою спройною женщиною въ свѣтѣ? Діанюю

была конечно дѣвица Розенъ. Въ шѣсношѣ онѣ попереяли другъ друга: я шелъ за Эльминою и началъ говорить съ нею. Сперва она хотѣла удалиться, но узнавъ меня по голосу, остановилась и взяла мою руку, показывая, будто меня не знаетъ. Слѣдственно и я могъ говорить съ нею какъ съ Голштинскою крестьянкою; говорить по, чего никогда не осмѣлился бы сказать Эльминѣ, и чего даже въ шутку ни за что бы не сказалъ другой женщинѣ. Одна Эльмина могла разумѣть слова мои, и сперва отвѣчала на нихъ притворнымъ, а послѣ обыкновеннымъ своимъ голосомъ. Казалось, что мы согласились обманывать не другъ друга, а самихъ себя. Маска есть удивительная вещь! Баронесса увидѣла дѣвицу Розенъ и распалась со мною. Я терялъ ее изъ виду, находилъ и снова терялъ. Вдругъ Эльмина выбѣжала изъ другой залы, бросилась прямо ко мнѣ, и схвативъ съ себя маску, закричала: *Господи! Либергъ! защитите меня!* Боже мой! какъ она была прелестна!... Два человека въ доминахъ шли за нею, и видя ее безъ маски, изумились. „Извините, милоспивая государыня!“ сказали они: „насъ обманули. Мы никогда не осмѣлились бы оскорбить Баронессу Розенъ.“ Я иррепеталъ отъ досады: Эль-

мина просила ихъ удалиться. Маски исчезли. Она пошла со мною искать невольски и не ведала мнѣ говорить Барону объ этой испорціи. Я далъ слово, думая единственно о томъ, что Эльмина безъ сомнѣнія узнала меня, когда бросилась ко мнѣ въ объятія съ крикомъ: *Господиъ Либбергъ! защитите меня!* Никогда, никогда не забуду ея голоса!.. И теперь занимаюсь портретомъ Эльмины во весь ростъ. Совершенно искусство есть то, чтобы изобразить милую сердцу. Можешь быть десять разъ смараю написанное, но конечно успѣю въ своей работѣ, безпрестанно видя передъ собою образъ ея, лицо, глаза, выраженіе страха и довѣренности. Портретъ долженъ стоятъ въ горницѣ, въ которой некогда жила Эльмина: тамъ буду я наслаждаться счастьемъ, неизвѣстнымъ цѣлому міру. — Прости. Думая обо мнѣ, можешь себѣ сказать: что ни ожидаетъ Эдуарда въ будущемъ, но онъ жилъ и блаженствовалъ въ свѣтѣ!“

Между тѣмъ, какъ Эльмина и Либбергъ невиннымъ образомъ предавались взаимной склонности, ужасная ревность готовила для нихъ бурю. Графиня Мильгаузенъ клялась погубить совмѣстницу; умѣла быть хитрою и вдали собирала облака: гроза приближалась, а несчастные

любовники не думали беспокоиться! Сперва разнесся слухъ, что Г. Либергъ спрассно влюбленъ въ Баронессу Розенъ, и купилъ замокъ Лилленвизъ единственно для того, чтобы жить тамъ среди нѣжныхъ воспоминаній. Это была правда, но одна Графиня Мильгаузенъ могла угадать ее. Скоро заговорили о томъ во всѣхъ домахъ, кромѣ дома Графини, которая не позволяла (по ея словамъ) клеветать на любезную Эльмину, и вступаясь за нее съ притворнымъ жаромъ, требовала болѣе снисхожденія, нежели справедливости: вѣчная уловка коварства!.. Графиня была причиною маскарадной исторіи, увѣривъ нѣкошорыхъ молодыхъ людей, что подъ маскою Голштинской крестьянки скрывалась женщина распутная. Когда же они рассказали ея происшествіе, она изумилась, извинялась въ своей ошибкѣ и не велѣла имъ говорить о томъ; но черезъ два дни во всемъ городѣ рассказывали, что Баронесса Розенъ, ослѣпленная спрассію, среди публичнаго маскарада бросилась въ объятія къ Эдуарду. Въ самомъ маскарадѣ Графиня, въ плащѣ Калипсо, шутила надъ Барономъ и говорила, что только онъ одинъ не знаетъ, съ кѣмъ ходилъ жена его; и Либергъ, пришедши съ нею къ мужу, могъ бы примѣшншь

его холодность, есѣли бы онѣ не такѣ занялѣ былѣ своими мыслями. Кто не знаетѣ страшныхъ дѣйсвѣй злословѣя? Недѣли черезѣ двѣ Эльмина замѣшила къ своему изумленѣю, что мужѣ при всякомѣ случаѣ изѣявляетѣ къ ней презрѣнѣе; что въ общесѣнвахѣ ласкающѣе ее менѣе прежняго, и что молодые люди начали обходиться сѣ нею гораздо вольнѣе. Не смотря на свою невинность, она огорчилась. Когда порокѣ можетѣ опуститѣсь добродѣтели, тогда варварство его бываетѣ ужасно: бѣдная Эльмина узнала по опытомѣ.

Либергѣ, которому Баронѣ Розенѣ опіказалѣ онѣ дому, знаѣл спрѣданѣе нещастной Эльмины и безпрестанно мучился въ душѣ своей. Что дѣлать? что говорить въ свѣтѣ? Молчанѣе утверждало слухи; хладнокровное опроверженѣе ихѣ казалось ему невозможностию; а всякое слово, сказанное имѣ сѣ жаромѣ и чувствомѣ, могло обнаружитѣе его сердце. Онѣ рѣшился всѣмѣмъ щастѣемѣ своимѣ жертованѣе спокойствию Эльмины — и ѣхалѣ изѣ Шлезвига; но ему хотѣлось уверѣенѣя въ горести; хотѣлось, чтобы сама Эльмина велѣла ему удалиться. Эдуардѣ написалѣ къ ней: „Есѣли воз-“, вратитѣе мнѣ кольцо, завернутое въ эпой

„бумагѣ, то я заключу, что мы нико-
гда не разумѣли другъ друга; а еспьли
пришлете мнѣ на обмѣнъ другое, то
скажете: удались, Эдуардъ! сердца наши
одно тувствуютъ.“

Баронесса не могла перенести своихъ горестей, и помилась, не будучи больною. Въ свѣпѣ не вѣрятъ душевнымъ болѣзнямъ: кто ихъ видящъ? кто угадываетъ? Злословіе, котораго она была жерпвою, открыло ей тайну любви ея. Эльмина сперва ужаснулась; но злоба людей не оставила ей никакого утѣшенія, кромѣ сей самой любви. Осужденная спрадашь, она хотѣла лучше спрадашь за Эдуарда, чпобы имѣть болѣе силъ и терпѣнія. Бѣдная невинность! опчаяніе есть самое опасное искушеніе добродѣтели; и кто можетъ строго судить тебя, потъ не зналъ въ жизни бѣдспвій. . . . Эльмина, получивъ Эдуардово письмо, не колебалась ни минушы: сняла съ руки кольцо мащери своей, которое было для нее всего милѣе, и послала его, не въ залогъ любви, а въ знакъ дружбы, хопящей при дверяхъ гроба утѣшить предметъ свой любезнымъ памятникомъ нѣжности! Эдуардъ, взявъ его, содрогнулся: казалось, что будущее въ сію минушу открылось душѣ любовника.

Не имѣя силъ шайтъ своей горести, онъ прѣхалъ къ Графинѣ Мильгаузенъ, ко-
торой злоба была ему неизвѣсна. Ослав-
ля Шлезвигъ, Эдуардъ хотѣлъ про-
спиться съ нею; хотѣлъ, чтобы она пи-
сала къ нему, и надѣялся имѣть черезъ
нее свѣдѣнiе объ Эльминѣ. Сiя жестокая
женщина веселится опчаянiемъ, дѣй-
ствiемъ ея коварства; подъ видомъ дружбы
углубляетъ кинжалъ въ сердце челоука,
копорый пребоавъ отъ нее утѣшенiя;
жалѣетъ объ немъ для того, чтобы болѣе
перзатъ его, и входитъ во все подро-
ности, чтобы долѣе наслаждаться местию.
Нещасный Либертъ не могъ спастись
отъ ея сѣтей; самъ наслаждался сво-
ими мученiями, копорыя она умно-
жала, и разстался съ нею, думая, что
онъ оправдалъ Баронессу, и никакъ не
восбражая, что ввѣрилъ шайну ея совѣ-
спницѣ: шайну Эльминина портрета и
кольца. Онъ уѣхалъ въ ту же ночь изъ
Шлезвига въ Альшону.

Такiя жертвы укропятъ ли рев-
ность? остановятъ ли злословiе, которое
всегда быспро разливается и медленно
отспушаетъ назадъ? Нѣтъ, самый Еду-
ардовъ отѣздъ назвали вѣрнымъ доказа-
тельстввомъ Эльминина преспуленiя, и
мужъ ея, пылая гнѣвомъ, объявилъ ей,

чпо Либергъ , по общему мнѣнiю , оставилъ ее тогда , когда удовлетворилъ страсти своей. Эльмина , растерзанная въ душѣ и наконецъ уже явно больная , желала удалиться отъ свѣта. Баронъ уѣхалъ съ нею въ деревню миль за 10 отъ Шлезвига , гдѣ несчастная черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умерла , свидѣтельствуясь однимъ Небомъ и Эдуардомъ въ своей невинности !

Графиня Мильгаузенъ , будучи съ нѣкошораго времени покойнѣе , присвоила себѣ черезъ письма удивительную власть надъ Либергомъ , и надежда , быть когда нибудь любимою , воскресла въ ея душѣ. Она увѣдомила его объ Эльмининомъ отъѣздѣ , и пакъ живо описала свое прискорбiе , что Эдуардъ былъ пронутъ ея мнимою чувствительностiю. Онъ отвѣчалъ ей съ тою нѣжностiю , которую несчастная любовь обыкновенно изъявляетъ упѣшающей дружбѣ , и всякое ласковое выраженiе приводило въ восторгъ Графиню. Узнавъ объ Эльмининой смерти , она уговорила мужа своего ѣхать въ Альпону , чтобы приготовить несчастнаго Либерга къ сему ужасному извѣстiю. Увидѣвъ ее , онъ запрепетахъ . . . смотрѣлъ и не могъ спросить. Графиня , пораженная его блѣдностiю и видомъ изнеможенiя , залилась

слезами и хотѣла мало по малу опкрышь ему печальную истину; но Эдуардъ вдругъ собралъ силы, не далъ ей говорить и сказалъ: „одно слово: жива ли еще Эльмина?“ *Нѣтъ*, опвѣчала Графиня слабымъ голосомъ. Эдуардъ погрузился въ мрачную задумчивость, не слушалъ никакихъ упѣшеній, и съ швердостью, которая была послѣднимъ усиленіемъ отчаянія, велѣлъ людямъ своимъ готовиться къ отпѣзду. „Дружба все извиняетъ,“ сказалъ онъ Графинѣ: „дайте мнѣ быть швердымъ! Ваше присуствие умножаетъ горестъ мою: одно слово можетъ опнять у меня всѣ силы. Только въ Лиліенвизѣ могу сносить жизнь; а естли умру, то хочу по крайней мѣрѣ смкнуть глаза среди милыхъ воспоминаній.“ Онъ бросился въ карету и закрылъ себѣ голову, чшобы не слыхашъ ничего и не видашъ пропивнаго ему свѣта.... Графиня опѣпенѣла. Какой стыдъ! какая награда за ея дружескую ревность? Она забывала, что дѣйствовала единшвенно для себя, и что Либергъ, узнавъ истину, могъ бы въ одно время опмстить за Эльмину и кончить жизнь свою, которая шягошила его. Онъ прѣхалъ въ Лиліенвизѣ съ ужаснымъ волненіемъ въ душѣ; увидѣлъ шамъ слезы, проливаемые обѣ Эльминѣ,

и самъ облегчилъ ими сердце свое. Пламенное его воображеніе составило наконецъ призракъ, котораго описать не возможно. Смѣшная жизнь съ вѣчностію, воспоминанія съ надеждами, онъ занимался только прошедшимъ и будущимъ; и въ томъ и въ другомъ воображалъ Эльмину съ собою, не думая о преградѣ между живыми и мертвыми.

Какъ скоро въ Шлезвигѣ узнали о смерти Баронессы Розенъ, такъ скоро всѣ начали хвалить ее! Вспомнили ея нѣжную привязанность къ родителямъ, покорность къ волѣ грубаго мужа, благодарность и кротость; видѣли въ ней одну мученицу несправедливости, и самые жестокіе судьи признавались, что любовь, которой жертвуютъ спокойствіемъ, жизнию и всѣмъ, кромѣ добродѣтели, достойна болѣе сожалѣнія, нежели укоризны. Однимъ словомъ, всякой желалъ ѣхать къ Эдуарду, чтобы изъяснить ему знаки уваженія и самаго искренняго участія. Но онъ никого не хотѣлъ видѣть, презирая легкомысленную публику, которая убиваетъ человека и послѣ оплакиваетъ жертву свою; не вѣрилъ утѣшеніямъ, не искалъ и не желалъ ихъ. Горесть соединяла его съ Эльминою: ему казалось страшно потерять ее.

Графиня Мильгаузенъ, волнуемая любовью, злобою, надеждою и опчаянїемъ, жила уединенно, и примѣтно худѣла. Когда желанїе сохранить красоту приводило ее къ зеркалу, она плакала съ досады, видя на лицѣ своемъ напечатлѣнные знаки горести и тайныхъ угрызений совѣсти. Только однажды, употребивъ все способы искусства, Графиня могла еще съ улыбкою взглянуть на себя: она ѣхала въ Лилленвизъ, въ надеждѣ, что Эдуардъ приметъ ее; но ей отказали. Она возвратилась съ опчаянїемъ въ душѣ и съ мыслию умножить свои злодѣянїя новыми, которыя всякому другому показались бы напрасными. Можно ли было вредить совмѣстницѣ во гробѣ? можно ли истребить воспоминаїя любви, которая переживаетъ надежду?

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ подали Эдуарду письмо, надписанное неизвѣстною рукою. Онъ принудилъ себя распечатать его, и нашелъ въ немъ слѣдующее: „По слѣдствію смерти, кою которой никто не былъ свидѣтелемъ, мужъ ея не возвращался въ Шлезвигъ. Говорятъ, что онъ путешествуетъ: правда ли это? Честь оскорбленнаго супруга могла найти необыкновенный способъ мести. Подумайте!“ — Чтобы изъяснить дѣйствіе, произведенное въ Эдуардѣ сею запи-

скою, надлежало бы описать всё мысли, копорыя представлялись душѣ его со времени Эльминой кончины: кпо же можеть исполковать мечпы пламеннаго воображенія, копорое въ одномъ смѣшеніи, въ одномъ хаосѣ идей находило средство избавляясь отъ ужаснаго опчаянія? Эльмина, мертвая для свѣта, жила въ Эдуардѣ: онѣ былѣ въ какдмѣ - то меланхолическомѣ спокойствіи. Письмо привело его въ спрашное волненіе. Онѣ думалѣ объ немѣ, мучился и всякую минуту ждалѣ — а чего? не зналѣ самѣ. — Черезѣ недѣлю Эдуардѣ получилѣ другое письмо той же руки: „Знайше, что объ васѣ безпрестанно думаютѣ; спрашиваютѣ, развѣдываютѣ. Слухѣ о путешествіи Барона Розена несправедливѣ. Все откроетѣся. Будьте мужесшвенны, и вѣрыше тайному другу. Не выѣзжайше изѣ Лиліенвиза, и ради Бога ничего не предпринимайте!“ Этошѣ совѣтѣ былѣ нуженѣ: Либергѣ справлялся о мѣстѣ, гдѣ, какѣ говорили, умерла Эльмина: онѣ уже сомнѣвался въ ея дѣйствительной кончинѣ, и хотѣлѣ ишши шуда въ крестьянскомѣ платьѣ, закупить приворотника, войши въ замокъ, узнать всё горестныя подробности. Самый гробѣ Эльмины не устращилѣ бы его: онѣ дерзнулѣ бы нарушишь спокой-

ствіе мертвыхъ и въ могилахъ искать увѣренія, не столь мучительнаго, какъ неизвѣстность. Состояніе его въ самомъ дѣлѣ было несносно въ сравненіи съ прежнею горестію и съ ея милыми привычками. Онъ день и ночь ходилъ по лѣсу вокругъ замка; не могъ вздохнуть свободно; кричалъ и самъ ужасался своего крика; изнуренный усалостію, падалъ на землю, и сжимая голову сбѣими руками, напрасно хопѣлъ собрать идеи свои. Эдуардъ чувствовалъ, что могъ навѣки лишиться разума. Усердіе слугъ казалось ему тягостнымъ: онъ спрашивалъ у нихъ только, нѣтъ ли писемъ? и черезъ недѣлю прислали ему изъ города слѣдующую записку: „Пріѣзжайте завтра въ Шлезвигъ; не показывайтесь никому; надѣньте то же платье, въ которомъ вы были въ маскарадѣ, вѣчно для васъ незабвенномъ; войдите съ приложеннымъ билетомъ; замѣчайте; будьте скромны, и ни о чемъ болѣе не думайте!“ Пусть рѣшится судьба моя! воскликнулъ Эдуардъ, и хладнокровно зарядилъ писмо, чтобы взять его съ собою. Ожидалъ нетерпѣливо слѣдующаго дня, однакожъ былъ довольно спокоенъ, и ночью заперся въ шой комнатѣ, гдѣ спялъ Эльмининъ портретъ. Онъ разсматривалъ его съ вос-

торгомъ: никогда еще Ангельское лицо
 ея не дѣлало въ немъ никакого живаго
 впечатлѣнiя. Плащъ, надѣтое един-
 ственно для того, чтобы ему нравиться;
 маска, снятая при восклицанiи: *будьте
 моимъ защитникомъ!* кольцо, бывшее
 на рукѣ его, сей драгоценный залогъ,
 данный ему въ утѣшенiе; темная наде-
 жда, которой онъ предавался, и которую
 въ то же время хотѣлъ удалить отъ себя —
 все питало его воображенiе. Ему казалось,
 что Эльмина смотритъ на него съ улыб-
 кою — и наконецъ благодѣтельный сонъ за-
 крылъ глаза Эдуардовы. Спи, несчастный!

На другой день Либергъ прѣхалъ въ
 городъ къ самому началу маскарада; на-
 дѣлъ домину, маску и вошелъ въ залу...
 Эта сцена воспоминаетъ ему день щастiя,
 и слезы текутъ изъ глазъ его. Вообра-
 женiе взяло надъ нимъ такую власть,
 что онъ едва уже помнилъ, для чего
 прѣхалъ въ маскарадъ; оперся на колон-
 ну и перялся въ сладкихъ мечтахъ. Вдругъ
 является женщина... Эльмина роспу,
 такая же стройная, и въ томъ же плащѣ,
 которое не выходило изъ его мыслей.
 Эдуардъ зашепталъ... хочетъ итти
 и не можетъ; слѣдуетъ за нею глазами;
 перяетъ ее изъ виду — вздыхаетъ, и
 стоитъ неподвижно. Женщина опять

является... Эдуардъ снова устремляетъ на нее глаза, и переспааетъ сомнѣваться. Она смотритъ во все стороны, кого ищетъ, ожидаетъ, желаетъ. Онъ подходитъ къ ней... Маска видитъ его, ошанавливается... Оба смотрятъ другъ на друга, и Либергъ, слѣдуя невольному движенію, подаетъ ей дрожащую руку, которую беретъ также съ сильнымъ шрепешомъ. Ихъ толкаютъ, шѣсняютъ: они не чувствуютъ — и говорятъ одними вздохами. Наконецъ Либергъ произноситъ милое имя Эльмины, и незнакомка жметъ его руку. Эдуардъ влечетъ ее въ пустую залу, и бросается на канапе; они опять смотрятъ другъ на друга. Либергъ рыдаетъ; холодный потъ льется съ его лица; маска взмокла на немъ отъ слезъ; воскъ ея паялъ. Онъ говоритъ, и мѣшается въ словахъ; проситъ, закликаетъ ту, которая его слушаетъ, сказала ему хотя одно, одно слово. Она снимаетъ перчатку, кладетъ руку себѣ на ротъ и показываетъ, что не можетъ говорить. Эдуардъ едва понимаетъ сей знакъ: онъ видитъ кольцо свое, отосланное имъ Эльминѣ, и не можетъ владѣть собою; ломаетъ себѣ пальцы, смѣется, и радость его ужасна. Незнакомка вскакиваетъ, и движеніемъ руки велитъ ему слѣдовать за собою. Она

бѣжитъ, и нестерпѣливый Эдуардъ хотѣлъ бы еще лешѣть съ нею. Они входятъ въ коридоръ, слабо освѣщенный, гдѣ никого не было. Либертъ бросается на колѣни; говоритъ все, что можешь вдохнуешь спрасъ, и восклицаетъ: „ради Бога! прекратише мое спраданіе! дайше мнѣ видѣть черты ваши! одно лицо Эльвины можешь удержатъ разумъ мой, которой готовъ навсегда меня оспавитъ!“ Ему показываютъ, что желаніе его исполнился. Незнакомка дрожащею рукою берѣтся за маску — оспавнавливается, медлитъ... Эдуардъ снова умоляетъ ее... Маска падаетъ на землю: онъ видитъ... на прекрасномъ шѣлѣ... на бѣлой шеѣ... мертвую голову!.. Съ ужасомъ опспупаетъ назадъ, кричитъ... Мертвецъ зажимаетъ ему ротъ... Онъ рвется изъ рукъ его... схватываетъ пистолетъ, взятый имъ съ собою... взводитъ курокъ, приспавляетъ себѣ ко лбу... Мертвецъ хочетъ вырватъ его... выстрѣлъ раздается.... Эдуардъ слышитъ звукъ, и безъ памяти падаетъ на землю.

На крикъ его и выстрѣлъ сбѣжалось множество людей... Какое зрѣлище! человекъ лежитъ на полу безъ всякаго движенія. Снимаютъ маску; узнаютъ Г. Либерга. Подлѣ него плаваютъ въ крови

своей женщиною, которой страшная голова приводишь всѣхъ въ ужасъ; никто не смѣетъ подойти ближе. Она спенаетъ, бьется объ землю, хватается руками за мертвый черепъ свой, и наконецъ срываетъ его . . . Сей черепъ былъ ничто иное, какъ двойная маска, подъ которою увидѣли Графиню Мильгаузенъ въ конвульсіяхъ смерти. Писюлопный выстрѣлъ пришелъ ей въ самую грудь. Мужъ ея былъ между зрителями: онъ взялъ и повезъ ее домой; а всѣ другіе спарались привести въ память Либерга. Онъ опомнился; но разумъ его помрачился навѣки.

Графиня Мильгаузенъ передъ смертію открыла свои злодѣянія въ разсужденіи несчастной Баронессы Розенъ. Зная, что Эдуардъ беспреданно смотритъ на Эльмининъ портретъ, она рѣшилась разорвать сіе милое для него очарованіе, отъ ревности къ мертвой, отъ зависти къ слезамъ, которыя лились въ память ея. Графиня именемъ Либерга требовала отъ Барона Розена, чтобы онъ возвратилъ кольцо, данное имъ Эльмининъ. Она же писала къ Эдуарду и нѣ безыменные письма, которыя заставили его прѣбывать въ маскарадъ, гдѣ надлежало ему испытать весь ужасъ адской мести. Въ нѣ минуны, когда, при видѣ гроба, всѣ мечны скрываются

отъ челоуѣка, Графиня не дерзала надѣ-
яться на милосердіе Неба, гнушаясь сама
собою.

Фьве.

II.

Къ Добродѣтели.

О пы, которая была
Въ глазахъ моихъ всегда прелестна,
Душѣ моей всегда мила
И сердцу съ юности извѣстна!
Вхожу въ святилище Твое;
Объемлю, чувствомъ вдохновенный,
Твой жертвенникъ уединенный!
Одно усердіе мое
Даетъ мнѣ право не чуждаться
Твоихъ священныхъ олшарей,
И въ пламенной душѣ моей
Твоимъ блаженствомъ наслаждаться!

Нѣтъ дѣлъ моихъ передъ Тобой!
Не сыпалъ злата я на блѣдныхъ:
Мнѣ злата не дано судьбой;
Но глазъ заплаканныхъ, лицъ блѣдныхъ
Не могъ безъ грусти замѣчать;
Дружился въ сердцѣ съ угнетеннымъ,
И жалобамъ его священнымъ
Любилъ съ прискорбиемъ внимаць;

Любилъ суды правдивы Рока,
 Невинныхъ, добрыхъ торжество.
 „Есть гробъ, безсмертье, Божество!“
 Я мыслилъ, видя тронъ порока.

Нѣтъ, нѣтъ (*)! я не былъ ослабленъ
 Симъ блескомъ, сколь онъ ни прекрасенъ!
 Драконъ на время усыпленъ,
 Но самый сонъ его ужасенъ.
 Злодѣй на Эпнѣ строилъ домъ,
 И пепель подъ его ногами;
 Тамъ лава устлана цвѣтами,
 И въ тишинѣ слышся громъ.
 Пусть онъ не знаетъ угрызенья!
 Онъ не достоинъ знать его.
 Безчувственность есть адъ того,
 Кто зло творилъ безъ сожалѣнья.

Нѣтъ, въ мысляхъ я не унижалъ
 Твоихъ спрадальцевъ, Добродѣтель:
 Жалѣть объ нихъ я не дерзалъ!
 Въ оковахъ рабъ, въ вѣнцѣ Владѣтель,
 Равно здѣсь щасливъ Тобой.
 Твоею силой укрѣпленный,
 На мѣсто казни возведенный,
 Достоинъ зависти Герой:

(*) Эпнэ строфа была напечатана въ *Рыцарѣ нашего времени*.

У ногъ его лежишь вселенна!
 Онъ намъ оставишь плѣнный прахъ,
 Но духъ его на небесахъ —
 Душа сама собой блаженна.

Когда миръ цѣлый пререпешалъ (*),
 Волнуемый спраснями злыми,
 Мой взоръ знаменъ Твоихъ искалъ:
 Я сердцемъ слѣдовалъ за ними!
 Творилъ обѣты . . . слезы лилъ
 Отъ радости и скорби пайной. . . .
 Кипю въ вѣкѣ чудесной, чрезвычайной
 Призракомъ не обмануть былъ?
 Когдажъ людей невинныхъ кровью
 Земля дымишься начала,
 Мнѣ свѣтъ казался адомъ зла. . . .
 Свободу я считалъ любовью! . . .

Я былъ игралищемъ спрасней,
 Родясь съ чувствительной душою:
 Ихъ огонь пылалъ въ груди моей;
 Но сердце съ милою мечтою
 Всегда сливало образъ Твой:
 Просни! . . . Ахъ! лѣта заблуждений
 Текутъ стезею огорчений;
 Намъ спрашенъ въ младости покой
 И терниемъ любезны розы! . . .
 Я жершвой, не пираномъ былъ,

(*) Во время Революцій.

И въ нѣжныхъ горестяхъ любилъ
Свои, а не чужія слёзы!

Не совѣстью, одной тоской
Я въ жизни болѣе терзался;
Виновный только предъ собой,
Сквозь слезы часто улыбался!
Когда же, сердцемъ увлеченъ,
Не помнилъ я, въ восторгахъ спрасши,
Твоей, о Добродѣтель! власти,
И, блескомъ счастья ослѣпленъ,
Спѣшилъ за нимъ на путь неправый:
Я былъ загадкой для себя:
Какъ можно столь любить Тебя
И нарушать Твои ушавы!

Преплывъ обширный океанъ,
Чрезъ многія пучины, мѣли;
Собравъ богатства дальнихъ странъ,
Пловецъ спремится къ вѣрной цѣли,
Къ своимъ опеческимъ брегамъ,
И взоръ его неперпѣливый
Уже открылъ сей край щастливый;
Онъ мыслишь радостно: „я шамъ!“...
Вдругъ буря въ ужасъ все приводитъ —
Корабль скрывается въ волнахъ!
Пловецъ не гибнетъ — но въ слезахъ
Онъ нищимъ на беретъ выходитъ!

Вотъ жребій мой!... Ахъ! я мечшалъ
О тихой пристани, покоѣ;

Но буря и свирѣпый валъ
 Сокрыли щастіе златое!
 Пристанища въ семъ мірѣ нѣтъ,
 И насъ съ послѣднею волною,
 Въ землѣ подъ гробовой доскою,
 Къ себѣ червь кровоглавый ждешь!..
 Блаженъ, кто не былъ здѣсь свидѣтель
 Погибели своихъ друзей,
 Или въ несчастьяхъ жизни сей
 Тобой утѣшенъ, Добродѣтель!...

Смотрю на небо: тамъ цвѣты
 Въ прелестныхъ радугахъ играють;
 Златыя, яркія черты
 Одна другую пресѣкають,
 И вдругъ, въ проспрансвахъ высоты,
 Сливаются съ ночнымъ мерцаньемъ...
 Не можно ль съ *сѣвернымъ сіяньемъ*
 Сравнять сей жизни красоты?..
 Оно угасло -- но блистаетъ
 Еще полярная звѣзда:
 Такъ Добродѣтель никогда
 Во мракѣ насъ не оставляетъ!..

Остатокъ радостей земныхъ,
 Дочь милую, кропя слезами,
 Въ восторгѣ нѣжныхъ чувствъ моихъ
 Къ Тебѣ дрожащими руками
 Подъземлю, и молю: будь ей
 И горемъ здѣсь и утѣшеньемъ,

Безъ счастья вѣрнымъ наслажденьемъ!
 Въ послѣдній часъ судьбы моей
 Ее ко груди прижимая,
 Да обниму я въ ней Тебя!
 Да гагну, васъ равно любя,
 И милой милую вручая!

а. о.

III.

Безсмертіе.

(Подражаніе Гну. Деллию.)

Къ Его Сіятельству, Графу Александру Сергѣевичу Спрогонову.

Вь непопрясаемомъ чертогѣ,
 На швердыхъ вѣчности столпахъ,
Безсмертіе, покоясь въ Богѣ,
 Опрада добрыхъ, злыхъ спрахъ,
 Зришь время въ дерзосномъ полетѣ
 Неправды сѣюще на свѣтѣ,
 И прекращаетъ бѣдство то:
 Невиннаго подъ кровъ приемлетъ,
 А у порочнаго опъемлетъ
 Его надежду на *ништо*.

*

О вы, что громъ, какъ будто бога,
 Поправъ законовъ вѣчныхъ власть,
 Въ насъ мещете, и, въ казняхъ спраги,
 Жизнь превращаете въ напасть!

Губители земли злосердны!
 Воспрепещите: вы *безсмертны!*
 И ты, о жертва злой мечты!
 Страны чужой минувный жилище,[!]
 Надъ коимъ бдишь міровъ Зиждище,[!]
 Возрадуйся: *безсмертенъ* ты!

*

И ты, что времени любимецъ,
 Питомецъ счастья самаго,
 Богатъ, почтенъ, любимъ, щасливецъ
 Отъ дня рожденья своего;
 Въ комъ разумъ быстръ, въ комъ чувство живо;
 Кому Художества не лживо
 Свси открыли красоты;
 Къ кому смиренныя Науки
 Любезно простираютъ руки: —
Безсмертенъ, Строгоновъ, и ты!

*

Блаженъ, кто здѣсь обрѣлъ возможность
 Быть въ мирѣ съ сердцемъ и умомъ,
 Кто видя зла всего ничтожность
 И засѣваешь жизнь добромъ!
 Онъ тамъ пожнетъ, что здѣсь посеетъ.
 — Блаженъ тѣмъ паче, кто умѣетъ
 Творить щасливыхъ миллионъ!
 Онъ счастья тѣмъ себѣ прибавитъ.
 Таковъ нашъ Царь, что нами правитъ:
Безсмертенъ, Строгоновъ, и Онъ!

А. Лабзинъ.

IV.

Царь и два пастуха.

Переводъ изъ Флоріана.

Какой - то Государь , прогуливаясь въ полѣ ,
Раздумался объ Царской долѣ .

„Нѣтъ хуже нашего, онѣ мыслилъ, ремесла!

Желалъ бы дѣлать то , а дѣлаешь другое :

Я всей душой хочу , чтобъ у меня цѣла
Торговля; чтобъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ —

А принужденъ вести войну ,

Чтобъ защищать мою страну.

Я подданныхъ люблю (свидѣтели въ томъ
боги !),

А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги ;

Хочу знать правду : всѣ мнѣ лгуютъ !

Бояре лишь чины берутъ ,

Народъ мой стонетъ , я спрадаю ,

Совѣтуюсь , спужусь — никакъ не успѣваю !

Полсвѣта властелинъ , не веселюсь ничѣмъ ! “ —

Чувствительный Монархъ подходитъ между
тѣмъ

Къ пасущейся скотинѣ :

И что же видишь онъ ? разсыпанныхъ въ
долинѣ

Барановъ , топчихъ до костей ,

Овечекъ безъ ягнятъ , ягнятъ безъ матерей ;

А псамъ и нужды нѣтъ : они подъ тѣнь ло-
жацца ;

Лишь бѣдный мечется паспухъ :
 То за бараномъ въ лѣсѣ во весь онъ мчишься
 духъ ;
 То бросишься къ овцѣ, которая опспала ;
 То за любимымъ онъ ягненкомъ побѣжитъ —
 А между шѣмъ ужь волкъ барана въ лѣсѣ
 тащитъ ;
 Онъ къ нимъ, а здѣсь овца волчихи жер-
 пвой спала.
 Опчаянный паспухъ рветъ волосы, реветъ,
 Бьетъ въ грудь себя и смерть зоветъ.
 „Вошъ почный образъ мой!“; сказалъ Само-
 власпитель :
 „И такъ и смиренныхъ животиныхъ охра-
 нитель
 Такимижъ, какъ и мы, напасъми окруженъ ;
 И онъ, какъ Царь, порабощенъ !
 Я чувствую теперь такую - то опраду.“
 Такъ думая, впередъ онъ путь свой про-
 должалъ —
 Куда? и самъ не зналъ ;
 И наконецъ пришелъ къ прекрасѣйшему
 стаду.
 Какую розницу Монархъ увидѣлъ тушь !
 Баранамъ счесу нѣтъ: опъ жира чуть идушь ;
 Шерсть на овцахъ какъ шелкъ, и тяжестью
 ихъ клонитъ ;
 Ягнятки — кто кого скорѣ перегонитъ —
 Ко мапкинымъ бѣгушь пишательнымъ со-
 сцамъ ;

А пастушокъ въ свирѣль подѣ линою играетъ,
И милую свою пастушку восцѣзаетъ.

„Не одобровать, овечки, вамъ!“

Царь мыслитъ: „волкъ любви не чувствуетъ
закона,

И пастуху свирѣль худая оборона.“

А волкъ и подлинно, откуда ни возмись,

Во всю несется рысь;

Но псы, которые по снадо спорожили,

Вскочили, бросились, и волка задавили;

Потомъ одинъ изъ нихъ ягненочка догналъ,

Который далеко отъ страха забѣжалъ,

И пошчасъ въ кучку всѣхъ по прежнему
загналъ.

Пастухъ же все поетъ, не шевелясь ни мало.

Тогда уже въ Царѣ шерпѣнія не спало:

„Возможноль?“ онъ вскричалъ: „лѣса пол-
ны волковъ,

А ты одинъ . . . умѣлъ сберечь большое
снадо!“ —

„Царь!“ отвѣчалъ пастухъ: „шутъ хитро-
сти не надо:

Я выбралъ добрыхъ псовъ!“

* * *

Всегдашній маскарадъ.

Письмо изъ Оффенбаха.

Охотно желалъ бы я удовольствоваться ваше справедливое любопытство въ разсужденіи чуднаго, таинственнаго маскарада, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ *открытаго* въ Оффенбахѣ покойнымъ Барономъ Франкомъ, и нынѣ еще продолжаемаго дочерью его, дѣвицею Франкъ; но мы сами не много знаемъ. Я живу здѣсь не давно, однакожь имѣю связи и знакомъ съ лучшими людьми въ городѣ; только никакъ не могъ свѣдать, что такое Баронъ Франкъ и вся его свита? что значитъ странная жизнь, которую нѣсколько лѣтъ ведутъ сіи иностранцы въ Германіи? и какой будетъ этому конецъ? — Не смотря на всѣ мои развѣдыванія, загадка осталась для меня загадкою.

„Однакожь Принцъ и Полиція города (скажете вы мнѣ) безъ сомнѣнія знаютъ, кто сіи люди, живущіе въ Оффенбахѣ съ дозволенія Правительства, и что значитъ ихъ необыкновенной, удивительной и странной нарядъ?“ Никто и ничего не знаетъ, любезной другъ; по крайней мѣрѣ такъ увѣряюль меня надежные

люди, и я вѣрю. — Между тѣмъ сообщу вамъ, что мнѣ рассказывали о томъ здѣшніе жители, и что я самъ могъ замѣтить.

Въ 1788 году прїѣхалъ въ Оффенбахъ Баронъ Франкъ въ блестящемъ экипажѣ, въ пяти или въ шеспи каретахъ, и хотѣлъ пополько, по словамъ его, здѣсь отдохнуть. Никто не зналъ, откуда и кто онъ. Черезъ два дни Баронъ поѣхалъ къ Принцу въ каретѣ дугомъ, съ шестью лакеями въ алой ливреѣ съ золотымъ галуномъ, и просилъ (говоря худымъ Французскимъ языкомъ) дозволенія остаться въ Оффенбахѣ, для того, что сей городъ ему опмѣнно полюбился. Принцъ безъ всякаго затрудненія согласился на то. Дочь его съ такою же пышною свитною была съ визитами у здѣшнихъ дамъ; къ одной изъ нихъ (мнѣ весьма знакомой) прѣзжала она въ платьѣ обыкновеннаго моднаго покроя, сшитомъ изъ золотача флѣра съ цвѣтами. Два лакея несли хвостъ ея до передней. Она хороша собою, умна, говоритъ разными языками и поетъ очень прїятно.

Скоро послѣ того Баронъ Франкъ снова требовалъ дозволенія призываъ къ себѣ *людей своихъ* (но откуда, не сказывалъ), и въ короткое время собралъ во-

кругъ себя около 1000 человекъ, копорне
 всѣ жили между собою въ братствѣ, въ
 шининѣ, въ великомъ согласіи, и до сего
 времени не были обличены ни въ какихъ
 дурныхъ поступкахъ. Баронъ Франкъ со-
 держалъ и кормилъ ихъ. Черезъ нѣскольکو
 мѣсяцевъ онъ сдѣлалъ 40 человекъ своими
 шѣлохранишелями, надѣлъ на нихъ Вен-
 терское плашье, зеленое и красное съ зо-
 лотыми широкими галунами, и грана-
 дерскія шапки. Тутъ начался при дворѣ
 Барона Франка (такъ долженъ я назвать
 его странную домашнюю жизнь) самый
 пестрый и смѣшный маскарадъ, который
 и нынѣ продолжается, и въ которомъ
 видите Китайцевъ, Турковъ, полу-Тур-
 ковъ, Грековъ, Поляковъ, Венгерцовъ и
 разныя другія одежды. Посылаю вамъ
 раскрашенный эстампъ, здѣсь давно на-
 печатанный и представляющій, какъ
 Баронъ Франкъ съ свиною своею ѣзжалъ
 гуляшь за городъ. Два шѣлохранишеля
 ведутъ его (окруженнаго множествомъ
 странно одѣтыхъ людей) подъ руки изъ
 дому въ карету. Онъ изображенъ въ Ту-
 рецкомъ плашѣ, въ красныхъ шараварахъ,
 въ желтомъ полукафтанѣ съ бѣлымъ
 кушакомъ, сверху шуба съ горностаевсю
 опушкою, а на головѣ высокая Польская
 шапка. Такъ по большой части ходилъ

Боронъ, а иногда въ Польской одеждѣ, съ усами и съ бритвою головою. Маленькіе Турки въ красныхъ и бѣлыхъ чалмахъ, въ желтыхъ Турецкихъ шараварахъ, въ Венгерскихъ узкихъ полукафшаньяхъ такого же цвѣща, съ зелеными шарфами и Венгерскими саблями (чудная смѣсь!) были его Пажами. Передъ карешою, на лошакахъ, обвѣшанномъ колокольчиками, ѣзжалъ человекъ въ Турецкомъ или въ Кипайскомъ плащѣ, съ большимъ кожанымъ мѣхомъ и съ шрубочками для поливанія улицы, чѣобы не было пыли. Когда Франкъ ходилъ пѣшкомъ, тогда одинъ Кипаецъ закрывалъ его зоншикомъ, а другой носилъ за нимъ связку павлиныхъ перьевъ. Сей маскарадъ во время жизни Барона составляли одни мужчины; а женщины ходили въ обыкновенномъ Нѣмецкомъ плащѣ. Всѣ они по наружности исповѣдывали Каптолическую Вѣру съ нѣкоторыми особенными обрядами; на примѣръ, всякой день въ нѣкоторые часы собирались слушать молишву въ домѣ Барона и всякой день ходили въ баню. Самъ онъ молился лѣпшомъ въ роцѣ, куда провожали его всѣ шѣлохранители и спановились кругомъ во 100 шагахъ отъ него. Когда Баронъ умеръ, его положили въ гробъ въ бѣлой атласной одеждѣ,

въ Архїерейской шапкѣ; и всѣ Бароновы люди были на погребеніи въ бѣломъ плащѣ, даже въ бѣлыхъ башмакахъ.

Пока былъ живъ Франкъ, казна его не истощалась; онъ за все плашилъ червонцами. Къ нему присылали не вексели, а наличныя деньги, всегда въ коляскѣ съ двумя верховыми. Откуда? никто не зналъ. По смерти его сіи присылки сдѣлались гораздо рѣже. Однакожь дѣвица Франкъ все еще ведетъ такую же странную жизнь, и маскарадъ нынѣ еще неспрѣе. Я видѣлъ собственными глазами пѣлохраниителей ея въ богашой, парчевой одеждѣ; шестилѣшняго мальчика, прекраснаго лицомъ, въ бѣломъ атласномъ плащѣ, съ лукомъ и стрѣлами провожающаго ее въ церковь; человека, богато одѣпаго, съ золопою бычачьею головою на шапкѣ; другова съ оленьими рогами, а третьяго съ большимъ полумѣсяцомъ, съ колчаномъ, стрѣлою и лукомъ за спиною; Амазонокъ съ изображеніемъ солнца на груди; Кипайцевъ, и проч. Вотъ свита дѣвицы Франкъ, когда она по Воскресеньямъ ѣздитъ къ обѣднѣ, въ каретѣ, четвернею, мимо Принцова дома! и между шѣмъ, какъ молился, пѣлохраниители ея стоятъ вокругъ кареты съ обнаженными саблями и съ ружь-

ями за спиною. Всѣ Франковы люди изъ-
являютъ къ ней ошибное почтеніе, и
въ той числѣ два человекъ, которые
называются ея братьями. Они имѣютъ
теперь недоспашокъ въ деньгахъ, и нѣко-
торые изъ нихъ работали на здѣшнихъ
фабрикахъ; но она запретила имъ нани-
маться, и сіи люди, исполнивъ въ тѣ-
чности приказаніе, охотно терпятъ нужду.
Надобно, чтобы это была секта: ибо они
стараются нынѣ обращать Жидовъ въ
свою вѣру.

Не удивительно, что такой образъ
жизни и неприсылка денегъ довели сіе
общество и дѣвицу Франкъ до крайности.
Она, какъ говорятъ, должна здѣсь 800,000
флориновъ. Нѣкоторые Оффенбахскіе куп-
цы отъ нее разорились, и за то дѣвица
Франкъ приглашаетъ ихъ къ своему сло-
лу. Займодавцы не теряютъ надежды;
ихъ увѣряютъ, что они скоро будутъ
удовольствованы. — Я чрезмѣрно любопы-
тенъ знать развязку сей чудной Комедіи.

(Переведено изъ одного Нѣмецкаго Журнала.)

VI.

*Катуловъ сельской домъ на полуостровѣ
Серміоне.*

Письмо Французскаго Офицера Энея.

Сіи развалины находящіяся на берегу полуострова Серміоне въ *Лаго ди Гарда*, и должны быть остатками великолѣпнаго дому. Онъ принадлежалъ славной фамиліи Катула, Римскаго Паприція. Въ Исторіи Веронскихъ древностей упоминается о Консульской медали одного изъ его родственниковъ, Луція Валерія Катула. Другой, Квинтъ Катулъ, имѣлъ надзираніе надъ Капитоліемъ; а Валерій Катулъ, отецъ Поэта, человекъ богатой, жилъ на полуостровѣ Серміоне. Свепоній рассказываетъ, что онъ шамъ угощалъ Юлія Цесаря, своего друга. Сынъ, Каюсъ Валерій, славный стихами своими, предпочиталъ удовольствіе тихой жизни блеску щасія; много путешествовалъ, занимался науками, не хотѣлъ льститься великому Цесарю, и даже писалъ ѣдкія сатиры на его развратность. Однакожь и самъ Катулъ велъ не весьма строгую жизнь. Сіи колкія эпиграммы счисляются не лучшими изъ его твореній. Дикпашоръ великодушно простилъ ему такую дерзость и пригласилъ его къ себѣ на ужинъ

въ ночь самой день, какъ стихотворецъ передъ нимъ извинился.

Вѣроятно, что Капуль родился на полуостровѣ Сермионе; ибо, говоря о своемъ домѣ въ стихахъ своихъ, онъ употребляетъ выраженіе: *Larem ad nostrum*. Извѣстно, что древніе именемъ *Lares* означали Геніевъ своей фамиліи и дому, въ которомъ они родились. Капуль наследовалъ богатство отца своего и прекрасное жилище Сермионское, воспитанное имъ въ *Одѣ ad Sirmionem peninsulam*.

Хотя время почти совсѣмъ истребило сей древній домъ, уничтоживъ и слѣды архитектуры его, однакожь по стѣннымъ опломкамъ, ниаспрамъ, частямъ свода и подземельнымъ ходамъ можно, съ помощію воображенія, представить се зданіе такъ, какъ оно существовало. Изъ обдѣланныхъ камней не осталось уже ни одного. Вѣроятно, что всѣ годные матеріалы были разобраны жителями для строенія домовъ ихъ на берегу Гардскаго озера.

И теперь еще находятъ въ сихъ развалинахъ медали Римскихъ Императоровъ. Жители рассказываютъ, что тамъ, въ могилѣ, нашли когда-то нѣсколько глиняныхъ сосудовъ, наполненныхъ золотыми и серебряными монетами. Любопытство могло бы еще открыть многое въ остаткахъ сего огромнаго зданія, съ трудомъ

разрушеннаго почти двадцатью вѣками. Оно занимало въ длину 110, а въ ширину 50 сажень. Мѣсто не вездѣ ровно, и кажется, что скалы западной стороны принудилъ сдѣлать шупъ своды и террасы гораздо выше. Воспочная сторона дому примыкала къ крутому берегу и скаламъ, омываемымъ волнами озера. Подъ развалинами, во глубинѣ земли, есть коридоры и даже огромная зала, въ которой своды цѣлы.

Время не дозволило мнѣ хорошенько осмотрѣть сего мѣста, любопытнаго для всѣхъ друзей Капуловой Музы. Я помню, что одинъ Французской переводчикъ его стиховъ называетъ Сермїонское жилище Поэта хижиню: онъ не сдѣлалъ бы такой грубой ошибки, если бы имѣлъ идею о сихъ огромныхъ развалинахъ.

Ла-Комбъ С. Мишель, Французской Генералъ и Поэтъ, взявъ Пескьеру, былъ на полуостровѣ Сермїоне, велѣлъ опрыть фундаментъ зданія и начертить его планъ своему Адъютанту. Въ самой потъ день, какъ Австрійцы вышли изъ Пескьерской крѣпости, онъ, въ честь Капулу, далъ праздникъ, на которомъ Поэзія, музыка и любезная веселость шоржествовали, и на который приглашены были всѣ Французскіе и Польскіе Офицеры вмѣстѣ съ Сермїонскими жителями. Между послѣдними

находился и стихотворецъ Анелли съ семействомъ своимъ, землякъ Капуловъ и совѣспникъ Метаспазьевъ. Онъ и Генералъ Ла-Комбъ сочинили на сей случай стихи, Италіянскіе и Французскіе, пѣшые за обѣдомъ.

Дѣло великодушія увѣнчало веселой праздникъ, и память Капулова черезъ 2000 лѣтъ была полезна для земляковъ его. Во время самаго пиршества явились Депутаты Серміонскіе съ представленіемъ Французскому Генералу, что они, бывъ жертвою войны и претерпѣвъ отъ нее великой убытокъ, не могутъ безденежно кормить Французскихъ солдатъ. Генералъ принялъ ихъ съ величайшимъ дружелюбіемъ, и въ ту же минушу велѣлъ вывести войско изъ Серміоне, обѣщавъ сверхъ того наградить жишелей за все претерпѣнное ими во время осады.

VII.

О Магнетизмѣ.

Письмо изъ Кадене, Французскаго городка.

Новые Месмеровы ученики явились въ нашемъ городѣ и прославились своимъ цѣлительнымъ искусствомъ: молодой человекъ, именемъ Троншонъ, и молодая двадцатилѣтняя дѣвушка, именемъ Виргинія. Первый, между прочими удиви-

пелными исцѣленіями, освободилъ отъ водяной болѣзни моего пріятеля, Г. Ру, отъ котораго всѣ Медики отказались. Онъ вылечилъ многихъ, старыхъ и молодыхъ, отъ нервическихъ болѣзней, лихорадокъ, глицповъ, и проч. Такіе Медики обыкновенно счисляются шарлатанами; но мудрено вообразить, чѣмъ молодой крестьянинъ, не знающій ни людей, ни свѣта, умѣлъ столь искусно обманывать городскихъ жителей. Употребляемые имъ способы довольно любопытны и представляющъ феноменъ, который, можетъ быть, изъяснитъ намъ со временемъ успѣхи Гальванизма. Онъ садится на стулъ, велитъ брату своему магнетизировать себя и засыпаетъ глубокимъ сномъ. Къ нему приводятъ больныхъ, и сонный Докторъ нашъ съ великою подробностію описываетъ ихъ болѣзни и разные припадки; а послѣ сказываетъ, какъ ихъ лечить, то есть, какими правами — гдѣ онъ расшутъ — и, не читавъ Линнея, такъ хорошо означаетъ всякое растѣніе, что его можно узнать съ перваго взгляда. Оповсюду сходясь къ намъ больные: изъ Эса, Марсели, Авиньона, и мудрый Троншюиъ окруженъ цѣлымъ легиономъ энпузіастовъ. — Молодая Виргинія лечитъ такъ же, и съ такимъ же успѣхомъ. Хотѣли,

чтобы Троншонъ на ней женился; но они оба не согласны на то. — О Иппократъ! ты просиживалъ ночи надъ больными: приходило ли тебѣ на мысль, что современемъ Медики будутъ лечить во снѣ?

VIII.

Къ Читателямъ Вѣстника.

Вѣстникъ будетъ продолжаться и на слѣдующій годъ и, сообразно съ его титуломъ, содержать въ себѣ главныя Европейскія новости въ Литтературѣ и въ Полицикѣ: все, что покажется намъ любопытнымъ, хорошо написаннымъ, и что выходитъ во Франціи, Англіи, Германіи, и проч.; небольшія пѣсы можемъ помѣщать *цѣлыя*, а изъ *важнѣйшихъ* книгъ дѣлать извлеченіе. Такимъ образомъ лучшіе Авторы Европы должны быть въ нѣкоторомъ смыслѣ нашими *сотрудниками* для удовольствія Руской Публики; а намъ остается изображать ихъ мысли, какъ умѣемъ. Не многіе получаютъ иностранныя Журналы, а многіе хотятъ знать, что и какъ пишутъ въ Европѣ: *Вѣстникъ* можетъ удовлетворять сему любопытству, и при томъ съ нѣкоторою пользою для языка и вкуса. Намъ пріятно думать, что въ Грузіи или въ Сибири читающъ

самыя шѣ піесы, копорыя (двумя или тремя мѣсяцами прежде) занимали Парижскую и Лондонскую публику. Сверхъ того въ *Вѣстникѣ* будутъ и Рускія сочиненія въ стихахъ и прозѣ; но Издатель желаетъ, чѣобы они могли безъ стыда для нашей Литтературы мѣшаться съ произведеніями иностранныхъ Авторовъ. Всякой истинной талантъ, рожденный дѣйствовать на умы въ своемъ отечествѣ, украшать Словесность и языкъ, имѣетъ право требовать себѣ мѣста въ Журналѣ, удостоенномъ вниманія Публики: обѣщаемъ ему нашу искреннюю благодарность. Мы не *Аристократы* въ Литтературѣ: смотримъ не на имена, а на произведенія, и сердечно рады способствовать извѣстности молодыхъ Авторовъ. Желаемъ и просимъ также, чѣобы намъ сообщали всякія любопытныя извѣстія изъ разныхъ мѣстъ Россіи, анекдоты, патристическія мысли и замѣчанія. — Что принадлежитъ до Критики новыхъ Рускихъ книгъ, то мы не считаемъ ее истинною потребностію нашей Литтературы (не говоря уже о непріятности имѣть дѣло съ беспокойнымъ самолюбіемъ людей). Въ Авторствѣ полезнѣе быть судимымъ, нежели судить. Хорошая Критика есть роскошь Литтературы: она рождается

отъ великаго богатства; а мы еще не Крезы. Лучше прибавить чтонибудь къ общему *имѣнію*, нежели заняться его оцѣнкою. Впрочемъ не закаиваемся говорить иногда о *старыхъ* и *новыхъ* Рускихъ книгахъ; только не входимъ въ рѣшительное обязательство быть Кришиками. — Въ политическомъ оцѣвленіи будутъ какъ извѣстія, такъ и разсужденія; постараемся, чтобы Читатели Рускихъ вѣдомостей не находили его излишнимъ. Не пресупая границъ благоразумной ссипорожности, можемъ брать изъ Англійскихъ газетъ любопытные и забавные анекдоты, и проч. и проч. — Наконецъ скажемъ, что мы издаемъ Журналъ для *всей* Руской Публики; и хотимъ не учить, а единственно занимать ее пріятнымъ образомъ, не оскорбляя вкуса ни грубымъ невѣжесствомъ, ни варварскимъ слогомъ. Чеснолюбіе наше не простирается далѣе.

Подписка остается на прежнемъ основаніи. Цѣна въ Москвѣ 12 рублей, а съ пересылкою 15. Здѣсь подписывающіяся въ Конпорѣ Университетской Типографіи на Тверской, а изъ другихъ городовъ надобно адресоваться или въ Газетную Экспедицію Московскаго Почт-Амша или прямо въ упомянутую Конпору.

П О Л И Т И К А.

I.

Истинный смысл народного согласія на вѣчное Консульство Наполеона Бонапартѣ. Сочиненіе Камилля Жордана.

(Окончаніе.)

Доказать, что польза народа требуетъ границъ для верховной власти, есть быть увѣреннымъ, что Бонапартѣ, великодушный Правитель, всего болѣе думающій о народномъ благѣ, долженъ, непременно долженъ ограничить сію власть. Но всѣ благоразумные сверхъ того согласяясь, что особенная польза его соединена въ семъ случаѣ съ общею. Не только употребленіе власти Консульской будетъ лучше, но и самая власть черезъ то утвердится, обращаясь въ новый, спасительный щипъ для его особы. Я не говорю, чтобы Консулъ могъ бояться народа, который ни въ какое время не забудетъ его благодѣяній и революціонныхъ ужасовъ: сверхъ того Правителямъ государствъ весьма легко благоразумною швердосію отвращать народныя бури; но не

имѣя причины боясь явнаго нападенія, можешь ли Консуль защититься отъ тайныхъ злоумышленій? Кто отвратитъ невидимые удары дерзкихъ заговорщиковъ? Вотъ гдѣ опасность! Теперь спрашиваю: не служилъ ли Консульская *неограничен-ная* власть новымъ предлогомъ для ихъ свирѣпства, новою прелестію для ихъ тайнаго властолюбія? Когда она *вся* въ однѣхъ рукахъ; когда они между сею верховною властію и собою видятъ только одного человѣка; когда имѣютъ причину думать, что Франція можетъ быть добычею щасливаго заговора: не воспламеняются ли ихъ желанія? не скорѣе ли совершится злодѣйство? . . . Гдѣ же можно найти защиту? единственно въ учрежденіяхъ государственныхъ. Надобно смертнаго человѣка оградить безсмертными успавами; надобно показать всѣмъ, что въ государствѣ есть *жизненное начало* (*principe de vie*), независимое отъ жизни одного человѣка. Вотъ вѣчная истина всемірной Исторіи! Въ деспотическомъ Римѣ, въ Турціи, въ разныхъ Азіяпскихъ государствахъ, гдѣ въ одномъ человѣкѣ все заключалось, сей человѣкъ былъ всегда въ опасности и цѣлю заговоровъ; но въ нашихъ Европейскихъ умѣренныхъ Монар-

хіяхъ царствованія спокойны, щастливы и долговременны. Границы Консульской власти обратятся въ спасительныя для него ограды; дѣля ее съ другими-Правительствами, Бонапарте найдетъ въ нихъ опоры; ограничивъ, одѣлаетъ оную надежнѣе и долговременнѣе. Ежели въ самыя обыкновенныя времена, въ самыхъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ нужна такая защита, то она еще нужнѣе, когда Властитель не есть наследственный, когда онъ еще новъ въ своемъ мѣстѣ, и долженъ управлять государствомъ послѣ спрашнаго волненія; когда народъ вообще хотя и спокоенъ, но многіе люди еще питаютъ въ душѣ своей революціонныя навьки и склонности; когда *чувство права* въ однихъ неумѣрено, а *чувство должности* въ другихъ испребилось; когда есть умы воспламененныя фанатизмомъ, есть сердца развращенныя порокомъ; когда власть въ самыхъ опорахъ своихъ можетъ найти завистниковъ и совмѣстниковъ! — И такъ не должны ли всѣ истинные друзья сего Правителя, которыхъ мысль съ его опасности приводитъ въ ужасъ, — не должны ли они говорить ему, чтобы онъ не надѣялся на благопріятство, всегда перемѣнчивое — не надѣялся на силу воин-

скую, которая не рѣдко измѣняетъ — но закрылъ себя великимъ щитомъ государственныхъ успавовъ, объ который припустились бы стрѣлы его безсильныхъ враговъ?

Но что мы говоримъ о безопасности и власпи, когда сей человекъ всего болѣе думаетъ о чести и славѣ? — Гдѣ же будетъ честь, естли онъ нарушитъ священный обѣтъ свой, о которомъ ему все напоминаетъ: образъ мыслей его въ началѣ Революціи, безчисленные побѣды республиканскихъ армій, предлогъ данной ему власпи, характеръ почти всѣхъ людей, которыми онъ окружилъ себя. — слова, неволью имъ повпоряемыя — знаки его самато величія, и наконецъ то уваженіе, которое онъ всегда изъвлялъ къ друзьямъ благоразумной свободы, именитымъ въ древніе и новые вѣки? — Гдѣ будетъ слава, безпрестанно возрастающая слава, которую обожаетъ сердце его? Онъ въ самой цвѣтущей молодости пожалъ всѣ лавры воинскіе, видѣлъ знаки земнаго величія у ногъ своихъ, испощилъ всю хвалу, которою осыпають побѣдителей и сильныхъ: что останешся для сей души пламенной, волнуемой спрасяію великихъ дѣлъ, естли Бонапарте не воспользуется обстоятельствами

безпримѣрными въ лѣтописяхъ міра ,
 не утвердитъ судьбы рода человѣческаго,
 самъ не опредѣлитъ границъ власти
 своей , не удовлетворитъ справедливости
 и безъ всякаго страха не поведетъ наро-
 да отеческою рукою законовъ по славному
 пути , освѣщенному благотворною му-
 драстію вѣка? Сего - то ожидаетъ Европа
 отъ Бонапарте ; сіе - то будетъ истин-
 ною мѣрою его талантовъ ; и когда уви-
 димъ въ немъ чудесное соединеніе силы
 съ мудросію , духа завоеваній съ духомъ
 творческимъ , тогда умолкнетъ дерзкое
 злословіе и громъ рукоплесканій удвоит-
 ся ; тогда онъ утвердитъ мѣсто свое
 въ храмѣ славы , сохранитъ истинную
 жизнь свою въ потомствѣ , оставитъ
 по себѣ не только великія воспоминанія ,
 но и великія благопворенія ; начертаетъ
 имя свое не только на однихъ профеяхъ ,
 подобно обыкновенному завоевателю , но
 самую душу свою впечатлѣетъ въ сла-
 сительные государственныя уставы , кошо-
 рые послѣ него будутъ душою великаго
 народа ; воспроизведетъ въ печеніе вѣ-
 ковъ надъ плѣнностію всего человѣческа-
 го и спасетъ отъ забвенія , елики чело-
 вѣку только можно быть незабвеннымъ
 въ мірѣ !

„Но чего мы требуемъ? развѣ нѣтъ предѣловъ для власти, нѣтъ государственныхъ учреждений и Конституціи?“ Здѣсь открывается обширное поле; но время, обстоятельство требуютъ отъ насъ скорости. Довольно означить главные предметы; написать не такъ важно, какъ заставить думать.

И такъ, не выходя сначала изъ предѣловъ Конституціи, упомянемъ о государственныхъ услугахъ, которые заключаются въ ея словахъ или въ духѣ, но которыхъ еще не видимъ. Положимъ, что до сего времени имѣли справедливую причину оплачивать ихъ; но теперь общее мнѣніе требуетъ сихъ вѣчныхъ законовъ. На примѣръ: Конституція не велитъ брать самовольно гражданъ подъ стражу... Знаемъ, что въ началѣ новаго правленія, во время раздоровъ внутреннихъ и внешней войны, могло быть опасно слѣдовать въ точности сему предписанію; но теперь, когда заключенъ миръ, когда утвержденъ порядокъ, должно ли заключать людей безъ всякаго изслѣдованія въ темницы? Не время ли отдать виновныхъ въ руки закона? не время ли возстановить спасительныя для личной безопасности правила и заключенныхъ представить въ судъ? Не уже ли умрутъ они въ новыхъ

№ 25. 9

Басшилляхъ , въ сихъ темныхъ пещерахъ забвенія ? Нѣтъ , нѣтъ ! мы хопимъ наконецъ пользоваться истинною *гражданскою свободою* , копорая естъ первое благо гражданскаго общесшва и нужнѣе всѣхъ другихъ государственныхъ учрежденій для народа. Безъ нее можетъ ли бытъ и *свобода политическая* ? Осмѣлится ли гражданинъ пропивиться злоупотребленію власти и говорить о своихъ правахъ , когда дверь темницы для него всегда отворена ? И какъ долженъ унизиться народъ тамъ , гдѣ законъ въ разсужденіи сего не представляеть ему никакой защиты ?

Въ Конституціи сказано , что всѣ Агенты Правленія и власпи должны отвѣтствовать за нарушеніе уставовъ : великая и прекрасная мысль , доспойная просвѣщеннаго вѣка ! Но гдѣ теперь найдемъ управу на чиновниковъ ? Притѣсенный можетъ только жаловаться Консульскому Совѣту , но не знаетъ ни формъ , ни порядка , ни слѣдствій. Нуженъ для того общій органической законъ ; справедливость требуетъ его для обузданія своевольства чиновниковъ и нижнихъ Агентовъ , для безопасности гражданъ и моральной твердости самаго Правленія .

Конституція утверждаетъ независимость судебной власпи ; но естли

(какъ слышно) дадутъ Сенату право уничтожать рѣшеніе судовъ, естли онъ по волѣ своей будетъ опрѣшашъ *Присяжныхъ* (Jury) (*), по не исчезнетъ ли сія независимосшь? Люди, которые полагають имѣніемъ и жизнью гражданъ, должны бытъ нами избираемы по ихъ достоинству, надежному состоянію и просвѣщенію; когда же они выбраны, по вышняя государственная Власть сама обязана уважать ихъ.

Наша и всякая разумная Конституція говоритъ, что все не запрещаемое уставомъ дозволяется. И такъ челоуѣку дозволено невиннымъ образомъ пользоваться двумя его драгоценными способностями: *говорить и писать*. Мы требуемъ свободнаго книгопечатанія, не того, котораго хотѣли Софисты, но любезнаго всѣмъ мудрымъ; не того, которое въ необузданности своей можетъ быть орудіемъ вреда, но благоразумнаго — такъ, чтобы оно просвѣщало верховную власть и законодателя, не ослабляя ихъ дѣйствій, и не клеветало на людей, но обличало ихъ несправедливость. Желаетъ, чтобы ясной законъ опредѣлилъ недозволенное въ словахъ и въ книгахъ, и чтобы мы въ однихъ судахъ опвѣчали за то,

(*) Сіи права нынѣ даны ему.

какъ за всякія другія преступленія. Пусть учредятъ Цензуру, но только основанную на правилахъ общаго блага, и единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чпобы она предупреждала вину, разрѣшала сомнѣніе Авторовъ и служила щитомъ для книгъ, въ копорыхъ она не нашла ничего незаконнаго. И какому Правительству въ мірѣ приличнѣе нашего войши чрезъ свободное книгопечатаніе въ дружественный союзъ съ умами и мнѣніемъ просвѣщенныхъ людей, съ сею *новою моральною властію*, уважаемою нынѣ во всѣхъ государствахъ Европы? Сдѣлавъ шакъ много добра и гоня новыя благодѣянія, можетъ ли оно бояться нашей искренности? Какъ оскорбляющъ сіе Правительство тѣ люди, которые считаютъ его въ войнѣ съ общественнымъ мнѣніемъ! Но они думаютъ только о собственной пользѣ, и для себя единственно желаютъ вѣчнаго, непроницаемаго мрака; боятся не злоупотребленій разума, а самаго разума, и хотѣли бы виѣстѣ съ возмущительными книгами сжечь всѣ книги. Пользуясь ошибками ложной Философіи, противной разсудку и благосравію, они клянутъ и ту благодѣтельную Философію, которая есть вѣрная подруга Морали; истинной Религіи и защитница спасительныхъ идей

гражданскаго порядка; называютъ ихъ Якобинцами, которые вѣряшъ благородству души и надѣются, что вѣки просвѣщаютъ разумъ. Но, къ щастію рода человѣческаго, сія утѣшительная надежда не зависитъ отъ холодныхъ эгоистовъ, и просвѣщеніе, вопреки ихъ усилію, торжествуетъ въ мірѣ. Европейскія государства навѣки удалились отъ варварства, и всѣ здравомыслящіе видятъ, что разумъ спасается отъ заблужденій своихъ дальнѣйшими успѣхами разума; что надобно думать и заключать справедливо, а не опіказываться отъ способности мыслить. Умъ, наученный опытомъ, возвращается на путь истинный, обновляется въ силахъ своихъ, и между тѣмъ, какъ безумцы хотяшъ остановить его, спремится впередъ спокойно и величественно, подобно солнцу на горизонтѣ; онъ гнушается ими, предаетъ ихъ въ посмѣшище народамъ, и тьму, которою хотѣли бы они покрыть всю землю, оставляетъ единственно на ихъ имени и дѣлахъ, не доспойныхъ свѣта.

Вотъ чего мы пребуемъ сообразно съ Конституціею; но она еще не все предвѣла, не все опредѣлила. Народу, хотящему наслаждаться законною свободою, всего нужнѣе знать, въ чемъ состоитъ

право гражданства — а Конституція ваша не говоритъ о томъ ни слова! Тѣ единственно должны имѣть участіе въ народной власти, которыхъ выгоды соединены съ порядкомъ, и которые могутъ ясно видѣть ихъ; а какъ собственность рождаетъ любовь къ родинѣ, къ справедливому, законному употребленію власти, и почти всегда предполагаетъ уже по воспитанію, которое даетъ человѣку нужныя свѣдѣнія, то надобно основать право гражданства хотя на умѣренной, но вѣрной собственности. Вотъ мудрый, опытный и разсудкомъ утвержденный способъ избавиться отъ бурь Демократіи и феодальнаго рабства! Сія оптимъна не унижаетъ человѣчества, а есть необходимое слѣдствіе общества и награда за труды, спасительныя для государства: всякой можетъ заслужить ее — и все, что полезно человѣку съ имѣніемъ, полезно и тому, кто не имѣетъ собственности. — Утвердивъ такимъ образомъ право гражданства, опредѣлите, какъ гражданамъ содѣйствовать образованію благоудѣльнаго для нихъ порядка, соглашались или не соглашались на войну и налоги. Если система *представленія* (*représentation*) справедливо называется щасливѣйшею мыслію новыхъ временъ, то велите же народу

избрать истинныхъ повѣренныхъ или Депутатовъ: ибо вашъ Трибуналъ и Законодательный Корпусъ составленъ безъ всякаго народнаго участія, и есть ничто иное, какъ мершвое орудіе въ рукахъ главнаго властителя. Не спрашиваетесь выборовъ, но только умѣйте предписать мудрые для нихъ законы; и тогда, еслили хотите, можете къ сему Нижнему Парламенту Франціи присоединить Верхній, составленный изъ людей богатѣйшихъ, заслуженныхъ и на всю жизнь избираемыхъ, чпобы они утверждали законы и служили связію между властями.

Но что пользы въ мудрѣйшей системѣ, что пользы въ самыхъ лучшихъ выборахъ, какое равновѣсіе можетъ быть между властями, какое право твердо и надежно, еслили Конспишудія не опредѣлитъ, не ограничитъ дѣйствій *воинской силы*? Мы охотно ввѣрили бы судьбу государства и свободы тѣмъ Героямъ, которыми нынѣ гордится Франція: пламенная любовь ихъ къ отечеству намъ извѣстна; но здѣсь говоримъ не о томъ, что есть, а что быть можетъ: о духѣ арміи, а не воиновъ. Когда же первоначальный составъ ея измѣнится, тогда не будетъ ли она опасна для свободы неограниченнымъ своимъ могуществомъ;

которому всё другія власни уступа-
 ютъ — громомъ славы, заглушающимъ
 всякую другую славу — явнымъ преимуще-
 ствомъ, которое опдають нынѣ воин-
 скимъ чинамъ предъ гражданскими — и
 наконецъ слѣпымъ повиновеніемъ безъ вся-
 кой ясной идеи о государственномъ благѣ?
 Не легко ли будетъ первому чиновнику
 обратишь ея силу противъ главныхъ вла-
 стей, или другимъ искуснымъ заговор-
 щикамъ противъ сего самаго чиновника?
 Такъ Римъ поработили тѣ легіоны, кото-
 рыми онъ завоевалъ мѣръ; шакъ Англія,
 благоразумная Англія всего болѣе спра-
 шилась собственной арміи, которая была
 всегдашнимъ предметомъ ея законодатель-
 ной попечительности. Вотъ примѣръ для
 Франціи! Еслили нынѣшнее состояніе
 Европы заставляетъ васъ содержать вой-
 ско въ мирное время; еслили общая поль-
 за требуетъ, чтобы ввѣрить его Испол-
 нительной Власти, то возьмите по край-
 ней мѣръ осторожность, чтобы сія Власть
 не могла располагать арміею по волѣ своей,
 и только бы сообразно съ цѣлію народ-
 наго блага дѣйствовала ея. Наконецъ
 образуйте духъ сихъ армій. Воины ко-
 нечно имѣють право на общую призна-
 тельность, и могутъ по справедливости,
 въ награду за ихъ услуги, получать

мѣста гражданскія; но доказывайте имъ всѣми учрежденіями и знаками необходимое превосходство той гражданской власти, которая образовала ихъ, содержитъ, управляетъ ими и лучше ихъ знаетъ истинную пользу государства. При всякомъ торжественномъ случаѣ давайте первое мѣсто судѣ, законодателю, а не воинскому чиновнику. Запретите солдатамъ мѣшаться въ дѣла государственныя — и мечъ ихъ внутри отечества да обнажается только по гласу закона! Кто уже не отправляетъ воинской должности, тотъ да называется только гражданиномъ, не Офицеромъ, не Генераломъ! Учредите, подобно какъ нынѣ въ Англіи и какъ прежде было въ Швейцаріи — учредите гражданскую милицію, которая бы состояла только изъ людей, имѣющихъ собственность, облегчала армию въ нѣкоторыхъ ея должностяхъ, умѣрляла воинскій духъ гражданскими навыками, и была новою защитою свободы. Будьте увѣрены, что всѣ истинные сыны отечества между воинами одобрятъ такіе уставы, всѣ, кромѣ весьма немногихъ людей, которые, можетъ быть, счищаютъ Францію воинскою добычею. . . .

Вопъ мысли наши, съ которыми записывали мы голоса свои, избывая Бона-

наше на всю жизнь въ Консулы! Народъ, ввѣряя ему власть, ожидаетъ, что Консулъ оправдаетъ такую довѣренность. А вы, модные враги всѣхъ благородныхъ чувствъ и вѣчныхъ истинъ! что можете отвѣтствовать на общее желаніе? Назовете ли его пустымъ мудрованіемъ суетной Философіи, когда говоримъ именемъ опыта и вѣковъ? Скажете ли, что хотимъ опять Революціи, когда требуемъ надежныхъ успавовъ, опоры для власти? Вздумаете ли, что унижаемъ Бонапарте, когда требуемъ отъ него великаго и безсмертнаго? Мы хвалимъ его какъ главнаго Чиновника свободнаго народа: вы, льстецы придворные, хвалите его какъ человѣка, отъ котораго ожидаете своихъ выгодъ. Мы хвалимъ Бонапарте, надѣясь, что сердце его пылаетъ ревностію довершивъ дѣла славы; а вы, говоря ему безпрестанно объ умноженіи власти, хотите унижить его въ глазахъ Европы, и каждый совѣтъ вашъ есть для него новое оскорбленіе. Но самъ онъ будетъ судьей между нами! Языкъ благородной души конечно не противенъ великому человѣку.

II.

Извѣстія и замѣчанія.

Регенсбургъ.

Дѣло идетъ къ концу. Не только Имперская Депутація по большинству голосовъ утвердила планъ вознагражденій, но и Вѣнскій Дворъ, которому обѣщали въ Сен-Клу прибавить нѣчто къ долгу бывшего Тосканскаго Герцога, почти объявилъ свое согласіе. Нѣмецкіе Патриоты чувствуютъ необходимость посредства Россіи и Франціи: она есть слѣдствіе внутреннихъ несогласій и частнаго корыстолобія Нѣмецкихъ Державъ, изъ коихъ всякая думаетъ только о своихъ выгодахъ. Вѣнскій Дворъ съ жаромъ изъяслялъ свое неудовольствіе подъ вѣвскою патриотизма, говорилъ о независимости Имперіи, но требовалъ единственно того, чтобы умножили доходы Герцога Тосканскаго. По крайней мѣрѣ опадимъ справедливость его умеренности: онъ убавилъ свои требованія, чтобы прекратить раздоры. Мы, профаны, можемъ удивляться нынѣшней Политикѣ; но свѣдущіе люди увѣряютъ, что она по существу своему должна быть корыстолобива. Для безопасности Державъ нужна сила, а деньги входятъ въ составъ ея. Франція, взявъ все, что

могла, безпрестанно швердитъ намъ о своемъ великодушїи ; Англія думаетъ только о сохраненїи своего первенства на моряхъ, и даже не беретъ на себя труда доказывать, что употребляемыя ею средства справедливы ; Пруссїя на все согласна, что согласно съ ея выгодами ; о другихъ и говорить не чего — одна Россїя, не имѣя нужды умножать силы, умножаетъ славу свою, соединяя благоразумную Полипику съ челоуѣколюбіемъ и безкорыстїемъ. Всѣ хопяшъ союза ея : она хочетъ общаго блага. — Шведскїй Министръ въ Регенсбургѣ подалъ вторую ноту, которая еще сильнѣе первой изображаетъ неудовольствїе Двора его въ разсужденїи порядка Нѣмецкихъ дѣлъ. Сей шагъ въ нынѣшнихъ обстоятельстввахъ можно названъ — еспьли не смѣлымъ, шо по крайней мѣрѣ бесполезнымъ.

Швейцарїя.

Гельветическое Правительство возвратилось съ честью изъ Лозаны въ Бернъ, а друзья Редингвы, или Конфедераты, съ опчаянїемъ въ сердцѣ, удалились оптуда въ Малые Кантоны. Консульская прокламація исполняется, и Французскїя войска со всѣхъ сторонъ входятъ въ Швейцарїю. Бонапарте хочетъ поставитъ на

своемъ ; но увѣряють , что онъ перемѣнилъ мысли о дѣлахъ Швейцаріи , и для того опозвалъ Французскаго Министра Вернинака , будучи недоволенъ его ложными донесеніями о расположеніи умовъ. Генераль Ней заступилъ Вернинаково мѣсто. Швицскій Сеймъ , управляемый Редингомъ , долженъ былъ покориться. Онъ хотѣлъ воскресить древній духъ Швейцаровъ ; собирався не въ домѣ , а на лугу , подъ открытымъ небомъ , среди вооруженныхъ людей , и при звукахъ воинской музыки. Тамъ Орашоры говорили рѣчи свои. Когда Бонапарте велѣлъ объявить Сейму , что онъ уничижается , то Редингъ отвѣчалъ : „Мы не будемъ противиться Французамъ ; но у насъ есть оружіе , которое самъ Бонапарте уважаетъ : *справедливость и лютость* !“ Отвѣтъ прогашельной и прекрасной , естли истинная любовь къ отечеству говорила устами сего гражданина ! Но когда Французское войско приблизилось къ Швицу , Президентъ Сейма распустилъ Депушатовъ. Между тѣмъ во всей Швейцаріи видно неудовольствіе ; даже и самые малочисленные друзья Гельветическаго Правительствва не радуются минушному торжеству своему. Теперь избирають Депушатовъ для Парижской Консульши , но вездѣ неохотно ;

она должна собраться къ 15 Ноября. Бонапарте напередъ объявилъ, что онъ не хочетъ быть первымъ Ландманомъ Гельведіи (какъ нѣкоторые распускали слухъ), а желаетъ единственно своимъ посредствомъ утвердить тицину и согласіе въ сей землѣ. Однакожь вѣрно то, что новая Конституція будетъ сочинена подъ его вліяніемъ, и что онъ не дозволитъ возстановленія прежней Бернской Олигархіи, которая возвратила бы власъ древнимъ благороднымъ фамиліямъ, ненавидящимъ Францію и преданнымъ Англїи. Достойно замѣчанія, что многіе Англійскіе Офицеры желали служить въ войскѣ Конфедератовъ и содѣйствовать успѣху новой революціи; но Редингъ и другіе начальники по осторожному благоразумію не приняли ихъ. — Вообще Гельведія находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Всѣ Швейцары недовольны, но по разнымъ причинамъ; согласія такъ же мало, какъ и прежде, и многіе не знаютъ, на чьей сторонѣ истинный Патриотизмъ, добродѣтель и благо отечества. Ешьяли и для насъ, постороннихъ зрителей, такая невѣдомость прискорбна, но сколь же оторочительна она для добрыхъ Швейцаровъ!

Парижъ отъ 5 Ноября.

Мониторъ бросилъ опять новую бомбу въ Лондонскихъ Журналистовъ! „Всякая спрока ихъ, говоритъ онъ, написана кровью. Они требуютъ междуусобной войны въ нѣдрахъ *западнаго народа*, „щасливо примиреннаго.“ Читатели наши вспомнятъ, что Бонапарте, говоря съ Фоксомъ, раздѣлилъ все народы на два: *восточный* и *западный*. *Мониторъ* въ семъ смыслѣ называетъ Европейскую войну *междуусобною*; и браня Журналистовъ Англійскихъ, прогааетъ и Полипику Англіи, утверждая, что союзъ ея всегда былъ гибеленъ для Европейскихъ Державъ: на примѣръ, въ наше время, для Королей Неаполитанскаго и Сардинскаго, для Швабгальтера, Бернской и Генуэзской Олигархіи, и проч. Онъ напоминаетъ при семъ случаѣ слово Кауница, сказавшаго Прусскому Министру: *Король вашъ узняетъ со еременъ мѣ, какъ тягостна дружба Англіи!* Все это доказываетъ, что Консулъ въ душѣ своей не помирился съ Англичанами: Римъ и Карфагенъ опустили руку съ мечемъ, но грозно смотрятъ другъ на друга, и огонь влорой Пунической войны скрывается подъ пепломъ. — Кажется, что Англійское Министерство сдѣлало какое нибудь предсавленіе Кон-

сулу въ разсужденіи Швейцарскихъ дѣлъ: не даромъ Монпёръ въ сей же статьѣ доказываетъ, что Англія не имѣетъ права въ нихъ мѣшаться, *не хотѣвъ* признать Швейцарской Республики, ни Италіанской, ни Лигурійской, ни Короля Тосканскаго. Впрочемъ пріѣздъ Французскаго Министра Андреосси въ Лондонъ заставляетъ надѣяться, что новыя несогласія между Англіею и Франціею кончатся на сей разъ мирно. Можетъ быть, Лондонское Министерство удовольствовалось обѣщаніемъ Консула не принимать Ландманскаго достоинства въ Швейцаріи. — Между тѣмъ Мальпа все еще занята Англичанами, хотя Король Неаполитанскій, по Амьенскому трактату, и давно уже отправилъ туда свое войско.

Консулъ съ Госпожею Бонапарте поѣхалъ на десять дней въ Руанъ и въ Гавръ; осматривать тамошнія мануфактуры и другія общепользныя заведенія. Парижскія вѣдомости теперь наполнены извѣстіями о его путешествіи и знакахъ народной къ нему любви. Вездѣ встрѣчаютъ Консула съ радостными восклицаніями, и городскіе чиновники до небесъ превозносятъ его въ рѣчахъ своихъ, не забывая и Госпожи Бонапарте, которой

говорятъ теперь все то, что за 15 лѣтъ передъ симъ говорили во Франціи Королевѣ. Въ сихъ похвальныхъ рѣчахъ замѣненъ провинціальной вкусъ: Префекты и Меры испощаютъ Мифологію, и сравниваютъ Консула съ Марсомъ, а Госпожу Бонапарте съ Граціями, прося ее заплашить ему долгъ Франціи, и нѣжностію своею сдѣлать его какъ можно щаспливѣе. Одинъ мирной судья въ рѣчи своей назвалъ Консула *главнымъ мирнымъ судьей Европы*. Бонапарте, желая конечно соображаться съ симъ вкусомъ, отвѣчалъ Руанскому Меру, который явился къ нему съ городскими ключами: „Вы достойны быть ихъ хра-
 „нипелемъ; но что касается до *ключей*
 „*къ сердцу* Руанскихъ жителей, то не хочу
 „никому отдать ихъ.“ Консулъ вездѣ съ судьями говоритъ о законахъ, съ купцами о торговлѣ, съ фабрикантами о фабрикахъ, съ Духовными о миролюбіи и духѣ кротости Христіанской Религіи. Симъ послѣднимъ онъ сказалъ въ Руанѣ: „Я
 „много прощаль, слѣдуя единственно
 „внушенію Религіи.“ — Бонапарте дорогою осматривалъ Иврійскую равнину, гдѣ Генрихъ IV одержалъ славную побѣду. Онъ велѣлъ снова поставить тамъ монументъ, разрушенный Революціею.

„Бонапарте (пишутъ въ Англій-
 „скихъ вѣдомостяхъ), удаливъ отъ себя
 „Фуше и Редерера, доказаль ошибку
 „шѣхъ людей, которые считали ихъ не-
 „обходимыми для его правленія. Многіе
 „также несправедливо думали, что Тале-
 „ранъ имѣеть великое вліяніе на Консу-
 „ла; но теперь уже извѣстно, что Бона-
 „парте совѣшуетъ съ нимъ только о
 „формахъ дипломатическихъ, и что Та-
 „леранъ не всегда можетъ по волѣ своей
 „опредѣлять людей даже и въ Секретари
 „Посольства. Въ разсужденіи ума и талан-
 „товъ не прудно многимъ равняться съ
 „симъ Министромъ; но онъ отличаетъ
 „отъ другихъ пріятною ловкостью въ
 „обхожденіи и тонкою свѣтскою учтиво-
 „стью, которую Французы забыли въ
 „школахъ Революціи. Талеранъ, будучи
 „знашнаго рода, сохранилъ въ себѣ наруж-
 „ность Версальскаго придворнаго, и для
 „того единственно Консуль оставляетъ
 „его Министромъ иностранныхъ дѣлъ.
 „Изъ ближайшихъ людей къ Бонапарте
 „именуютъ нынѣ Ренье, главнаго судью,
 „Мюрера, Бито и Поршалиса, Государ-
 „ственныхъ Совѣтниковъ. Они люди скром-
 „ные, не хвастаются своимъ вліяніемъ,
 „и скрываютъ его отъ самаго Консула;
 „привязаны къ нему искренно и служатъ

„усердно. Но Фуше и Редереръ' были
 „гораздо сильнѣе ихъ. Первый всего бо-
 „лѣе поддерживалъ себя вымышляемыми
 „имъ заговорами и благосклонностию Го-
 „спожи Бонапарте, копорая, будучи
 „тогда не любима братьями и сестрами
 „Консула, желала имѣть на своей споро-
 „нѣ человека, къ нему весьма близкаго.
 „Извѣстно, что братья хотѣли развести
 „его съ нею. Но когда она, выдавъ дочь
 „свою за Лудвига Бонапарте, примири-
 „лась со всею фамиліею, тогда Министръ
 „Фуше былъ ославленъ ею, и непріятель-
 „ли его воспользовались симъ случаемъ,
 „чтобы повредить ему въ умѣ Консула.
 „Что принадлежитъ до Редерера, то Го-
 „спожа Бонапарте не могла терпѣть
 „его, зная, что онъ вмѣстѣ съ другими
 „совѣщивалъ ему развестись съ нею. Одна-
 „жды при многихъ людяхъ она сказала
 „ему: Господиъ Редереръ! я не люблю
 „тѣхъ, которые склоняютъ мужа моего къ
 „разводу и къ самовластію. Сей спранный
 „Метафизикъ ввелъ много чудесностей
 „въ правленіе. Ему приписываютъ учре-
 „жденіе Почетнаго Легіона и проч.“

16 Ноября долженъ собраться новый
 Англійскій Парламентъ: Министръ Ад-
 дингшонъ извѣстилъ о томъ всѣхъ Чле-

новъ. — Лордъ Витфортъ наконецъ отпра-
 вился въ Парижъ. — Изъ другихъ Лондон-
 скихъ извѣстій достойно замѣчанія только
 слѣдующее: „Журналы наши говорятъ,
 „что молодая Валлисская Принцесса,
 „воспитываемая нѣжною и благоразумною
 „матерью, оказываетъ удивительныя
 „способности, и что Великобританія со
 „временемъ увидитъ въ ней на пронтъ впо-
 „рную Елисавету.“ — Одинъ Машемашикъ
 сдѣлалъ слѣдующее любопытное исчисле-
 ние въ разсужденіи государственныхъ дол-
 говъ Англїи: „Если обратишь ихъ въ зо-
 „лото, и еслили человекъ будетъ спать въ
 „сунки только 6 часовъ, употребляя все
 „оспальное время на счищаніе денегъ,
 „то, перебирая въ каждую минуту 100
 „гиней, а въ день 108,000, онъ сочтетъ
 „всю сумму въ 11 лѣтъ и во 160 дней;
 „если же обратишь ее въ серебряныя
 „шалеры, то ему надобно употребить на
 „то 46 лѣтъ и 275 дней. Когда же эту
 „сумму раскладъ гинейми въ одну ли-
 „нїю, то она составитъ 1305 географиче-
 „скихъ миль; а еслили шалерами, то
 „сей поясъ могъ бы обхватить весь земной
 „шаръ и еще далеко свѣситься съ нашей
 „Планеты. Сундукъ, въ которой можно
 „спрягать всю сумму въ гинейхъ, дол-
 „женъ содержать въ себѣ 277,538½ куби-

„ческихъ фушовъ ; чѣсбы везши ее золо-
 „шомъ , по (полагаая на каждую лошадь
 „10 центнеровъ) надобно 7047 лошадей ;
 „а естли обратишь гинеи въ серебро ,
 „по нужно употребить по крайней мѣрѣ
 „106,117 лошадей.“

Письма изъ Гишпаніи говорятъ толь-
 ко о великолѣпнн Барселлонскихъ праздни-
 ковъ. Король и Королева вѣхали въ
 городъ на златой торжественной коле-
 сницѣ ; знатнѣйшіе дворяне везли ее на
 себѣ до самаго дворца. Жители изъявля-
 ютъ величайшее усердіе къ Королевской
 Фамиліи и къ знаменитымъ гостямъ ея.
 Всякой день во дворцѣ бываетъ споль
 для 4000 человекъ. Прѣзжихъ въ Бар-
 целлонѣ считается до 100,000. Думаютъ,
 что одно путешествіе стоило Двору нѣ-
 сколько милліоновъ пѣаспровъ. Къ ща-
 спію , изъ Америки все еще приходятъ
 въ Гишпанію корабли съ серебромъ и
 золотомъ.

Сей Гишпанской пышности совсѣмъ
 не отвѣтствуютъ нынѣшніа обыкновенія
 другихъ Европейскихъ Дворовъ. Слѣдую-
 щее письмо изъ Берлина служитъ тому
 доказательствомъ : „Желая изобразить
 „любезную кротость и простоту во
 „нравахъ Берлинскаго Двора, скажу вамъ,

„что вчерашній день Королева послѣ
 „спектакля около часа сидѣла въ ло-
 „жѣ, терпѣливо ожидая своего экипажа.
 „Гофмейстерина, Госпожа Фосъ, прѣхав-
 „шая за нею, не вышла изъ кареты, а
 „только велѣла сказать Королевѣ, что
 „она дожидается ее.
 „ —
 „Король прогуливается всегда съ однимъ
 „Адъютантомъ, и ходитъ рядомъ съ нимъ;
 „а когда ѣздитъ верхомъ, то его вдали
 „провожаютъ лакей, чпобы принять ло-
 „шадь, когда онъ захочетъ сойти съ
 „нее. Сей любезной Монархъ одѣвается
 „всегда въ 10 минутъ, и носитъ обыкно-
 „венно простой Офицерской мундиръ. —
 „Въ другихъ земляхъ могутъ удивляться
 „той вольности, съ которою здѣсь гово-
 „рятъ и пишутъ. За двѣ недѣли передъ
 „симъ одинъ Магистеръ доказывалъ на
 „каедрѣ, что Республиканское правленіе
 „есть самое лучшее!! Нынѣшній Король
 „слѣдуетъ системѣ Фридриха Великаго,
 „который зналъ, что важны не слова, а
 „дѣла, и что Нѣмецкое воображеніе ни-
 „когда не запалаетъ отъ софисмовъ.“

Письмо одного Француза изъ Алжира.

Вы желаете имѣть свѣдѣнїе о нынѣшнемъ состоянїи сей земли: постараюсь удовлетворить вашему любопытству.

Въ Алжирѣ считаютъ 14,000 Турковъ (составляющихъ здѣшнее войско), 60,000 Мавровъ и 16,000 Жидовъ. Число всѣхъ жилищей простирается до 1,500,000. Турки управляютъ землею. Дея ежегодно посылаетъ корабли за новыми рекрутскими вѣнцами въ Турецкую, откуда, кромѣ охотниковъ, присылаютъ всякаго рода негодяевъ и преступниковъ, сидящихъ въ пещерахъ, но не заслуживающихъ смертной казни. Надобно знать, что дѣти Турковъ, раждаемыя въ Алжирѣ, хотя и бываютъ солдатами, но никто изъ нихъ, и вообще никто изъ природныхъ Алжирцевъ, не можетъ занимать мѣстъ въ правительствѣ. Дея, Министры и начальники какъ воинскіе, такъ и гражданскіе, должны быть избираемы изъ Турковъ, ежегодно (какъ я сказалъ) привозимыхъ, и по большей части изъ пещеръ Константинопольскихъ. И такъ мѣсто Дея не есть наследственное; а всего чуднѣе то, что онъ и не выбирается. Хотя не рѣдко знаютъ напередъ, который Министръ или чиновникъ, любимый Турецкими солдатами, можетъ быть Деевымъ

преемникомъ ; однакожь мѣсто его заступаетъ обыкновенно пошъ изъ кандидатовъ , который прежде другихъ успѣваетъ сѣсть на кресла , называемыя прономъ . Во время болѣзни Дея , умершаго въ 1791 году , было двое кандидатовъ : Министръ казначейства и Ага , или начальникъ войска . Всякой изъ нихъ имѣлъ при Деѣ надежнаго человѣка , чшобы узнать объ его смерти въ ту же минуту . Какъ скоро онъ закрылъ глаза , кандидаты прибѣжали во дворецъ ; но Министръ успѣлъ прежде занять пронъ , и велѣлъ удавить Агу вмѣстѣ со всѣми его друзьями ; а черезъ два часа все пришло въ обыкновенной порядокъ , и общее спокойствіе не было ничѣмъ нарушено . Кромѣ сихъ 14,000 Турковъ , составляющихъ регулярное войско , Правительство въ случаѣ нужды могло бы еще набрать около 50,000 солдатъ изъ Мавровъ , живущихъ въ городѣ и въ разныхъ селеніяхъ .

Морскія силы Алжирскія состоятъ теперь изъ 15 кораблей онѣ 12 до 44 пушекъ , изъ 60 шлюпокъ , которыя выходятъ только въ хорошую погоду , и еще изъ 150 судовъ , на которыхъ бываетъ всегда не болѣе 14 человѣкъ . — Въ Оранѣ и въ другихъ гаваняхъ западнаго Алжира нагружаются всякой годѣ

110 кораблей пшеницею, ячменемъ, шерстью, кожами, и пятьдесятъ небольшихъ судовъ быками, овцами и птицами, для отправленія въ Гибралтаръ и на Гишпанскіе острова въ Средиземномъ морѣ. Изъ Боны, Аспоріи и другихъ гаваней восточнаго Алжира отправляющъ также всякой годъ около 60 кораблей, нагружаемыхъ пшеницею, ячменемъ, масломъ, шерстью и кожами. Если грузъ всякаго корабля оцѣнить въ 15,000 пѣастровъ, то изъ Алжира вывозится товаровъ ежегодно на 2,250,000 пѣастровъ или на 12 милліоновъ ливровъ. Сей вывозъ находится въ рукахъ двухъ Жидовъ, Бакри и Буснаха, которые за свою привилегію должны всякой годъ платить Дею, Министрамъ его и Деямъ Константинскому и Оранскому 5 милліона ливровъ. Цѣна товаровъ, ввозимыхъ въ Алжиръ изъ Генуи, Ливорны, Трѣста, Марсели, Гибралтара, съ Гишпанскихъ и Португальскихъ береговъ, простирается въ обыкновенный годъ до четырехъ милліоновъ ливровъ. И такъ Алжирская торговля весьма выгодна для жителей, если превосходное количество вывозимыхъ товаровъ доказываетъ ея цвѣтущее состояніе. Подати, собираемыя съ народа, составляютъ не болѣе 500,000 пѣастровъ; но откупъ внѣшней коммерціи и налоги

на Европейскіе народы достапачны для всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ, и могутъ сверхъ того пріумножать казну государственную. Въ сей казнѣ хранятся еще цехины Карла V, и знающіе люди увѣряютъ, что въ ней будетъ на 340 милліоновъ ливровъ золота и серебра, въ монетахъ и слиткахъ. Конечно ни въ какихъ Европейскихъ банкахъ, ни въ какихъ государственныхъ казначействахъ не найдется столько богатства!

Въ Алжирѣ мало богачей; но у кого есть деньги, у того ихъ много. Собственность знатныхъ людей и богатѣйшихъ Жидовъ, управляющихъ торговлею, цѣнятся въ 15 милліоновъ пиастровъ. Правительство состоитъ изъ Дея, Министра казначейства (занимающаго первое мѣсто по Деѣ), Аги, т. е. воинскаго начальника, Министра морскихъ силъ и собирателя податей. Не рѣдко бываетъ, что Алжирскіе Министры не умѣютъ ни читать, ни писать.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

Д Е К А Б Р Ъ 1802.

№ 24.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Колодезь Истины.

Не вымышленная повѣсть, переведенная съ Нѣмецкаго.

Ушопія есть и нынѣ прекрасная земля, достойная вниманія всѣхъ путешественниковъ; но прежде — по ли дѣло!

Прежде тамъ весна была не только въ Календарѣ, но и въ самой Природѣ — и какая весна! Лѣто и осень шакія же; а зимою никто не примѣчалъ зимы.

Хозяйство служило одною забавою, а не способомъ доставать деньги, о копейныхъ никто не думалъ. Во всякое время года цвѣли деревья, зрѣли плоды и колосы; а люди не пахали и не сѣяли. Такою

выгодою не всѣ земли пользующіяся. За то Ушопіяне были честные люди и заслуживали сію опмѣнную милость Природы.

Они были просты нравами и не грубы умомъ; послѣдній Ушопійскій крестьянинъ своею вѣжливостію, пріятностію мыслей и разговора не уступалъ нашимъ Камергерамъ. Всякой послѣ того можетъ вообразить себѣ славу и блескъ тамошняго Двора!

Жены любили однихъ мужей своихъ и добродѣтель; сидѣли дома и нянчили дѣтей; говорили и не злословили; пѣли какъ малиновки и не знали, что есть на свѣтѣ Италіянскіе Каспраты; читали моральныя книги, а не романы Госпожи Радклифъ; писали не любовныя письма, а — домашніе расходы — и проч. и проч.

Самые бѣднѣйшіе люди въ Утопії были — судьи и стряпчіе: судише по сему о ненависти ихъ къ тяжбамъ! Всякой зналъ законы наизусть, и единственно для того, чтобы имъ слѣдовать; а слово *обѣщаю* уважалось болѣе контрактовъ.

Какъ весело править такимъ народомъ! И мудрено ли, что Ушопійскіе Государи спарались жить какъ можно долѣе, желая какъ можно долѣе наслаждаться счастьемъ своихъ подданныхъ!

И какіе Государи! самые правосудные, мудрые, любезные; все Типы, Авреліи и Соломоны; а никпо не смѣлъ хвалишь ихъ ни стихами, ни прозой: ибо лесть считалась у нихъ наравнѣ съ измѣною. Они не имѣли любимцевъ, ибо любили сердечно всѣхъ подданныхъ.

Я уже сказалъ, что Цари жили долго въ Утопїи. Одинъ изъ сихъ Неспоровъ умеръ на пятисопомъ году жизни своей, въ одинъ день съ супругою, и оставилъ двухъ дочерей. Считаемо за нужное сказать нѣсколько словъ о каждой изъ нихъ въ особенноти.

Старшая имѣла гордый видъ и гордую душу, какъ утверждала молва; она была высокаго росту, и называлась Арсеною.

Меньшая . . . но Исторїя молчитъ объ ея наружности, говоря только, что ее всѣ любили, и называли *милою* Элизою.

Слѣдственно двѣ Принцессы имѣли право на корону, а корона была одна. Однакожь законъ говорилъ ясно, что въ такомъ случаѣ надлежало выбрать достойнѣйшую по большинству голосовъ, и что Царица должна была, слѣдуя движению сердца, назначить себѣ супруга, который вѣстѣ съ ея рукою и сердцемъ получалъ имя Царя.

Арсена хотѣла власти для власти, а Элиза желала короны для щастія подданныхъ, и безъ сомнѣнія былабъ выбрана, естли бы Патриоты имѣли большинство голосовъ. Но дѣло казалось сомнительнымъ — и вошъ, по чему :

Многіе иностранцы, узнавъ, что въ Ушопіи хорошо жить, переселились туда : люди, о которыхъ опечесиво не могло жалѣть, и которыми Ушопія не могла радоваться. Къ несчастію они были хитры и нашли способъ овладѣнь умами многихъ вельможъ ; а вельможи, какъ извѣстно, сильные люди : чего захопятъ, то и сдѣлаютъ ; говорятъ . . . всякую всячину, но другіе не смѣютъ прошиворѣчинь. Такъ было по крайней мѣрѣ и въ самой Ушопіи.

Сіи опасные иностранцы думали справедливо, что гордая Арсена будетъ для нихъ лучшею Царицею, нежели скромная Элиза, копорая ненавидѣла льстецовъ. Они склонили на свою сторону и вельможъ и часть народа. Друзьями Элизы оставались одни вѣрные друзья *Истинны*.

Прежде всего надобно уведомить любопытныхъ, кто была сія Госпожа *Истинна*, добрая, искренняя пріятельница Ушопійскихъ гражданъ. Прссимъ чипать со вниманіемъ — особливо васъ, красавицы :

ибо вы слышите *Истину* — развѣ отъ однихъ любовниковъ въ первые семь дней страсти ихъ!

Она имѣла большіе, свѣтлые глаза; все видѣла, и все говорила, что мыслила; не могла терпѣшь кляпвы и пѣхъ людей, которые именовъ ея клянущся; была прекрасна, и женщина, но не думала о красотѣ своей и знала, что многіе не любятъ ее; никогда не мѣняла своихъ мыслей, однакожь ненавидѣла упрямство; пряналась отъ пѣхъ, которые ревностно искали ее, и вдругъ являлась какому нибудь негодяю, чпобы испугать его. Многіе утверждали, что она сердилась на Поэтовъ за частое лганье ихъ, а еще болѣе на Историковъ, которые называются душеврикащиками *Истины*, а часто лгутъ безстыдиѣ Поэтовъ. Она, вошедши въ свѣтъ, раздражила многихъ людей — и сама виновата. На что говоритъ иному Министру, что онъ думаетъ о своемъ карманѣ болѣе, нежели о пользѣ отечества — иному судѣ, что онъ хуже разбойника — иному умнику, что онъ дурачится — иному другу, что онъ злодѣйствуетъ — иному набожному, что онъ не вѣритъ Богу, и проч. и проч.? Сии почтенные господа ударили тревогу, закричали: *къ ружью!* и едва было не

умертвили *Истины*, такъ, что она безъ памяти бѣгала отъ нихъ изъ земли въ землю и насилу могла укрыться въ царствѣ Упоиіи; но и шамъ не захотѣла жить съ людьми, а поселилась въ глубокомъ колодезѣ, ископанномъ въ хрустальной горѣ, и прозванномъ съ того времени *колодеземъ Истины*. Къ нему прислаивали сѣдаго Друида, который жилъ подлѣ, въ хрустальной горѣ, свѣпломъ и прозрачномъ, такъ, что все дѣла его были видны. Онъ не боялся того, ибо не хотѣлъ ни въ чемъ скрываться отъ людей.

Всего страннѣе было то, что вода сего колодезя всегда начинала дымиться, естли ктонибудь говорилъ Друиду неправду; а естли человекъ говорилъ истину, то вода могла служить зеркаломъ для лица его. Друидъ, смотря въ нее, видѣлъ все, что дѣлалось въ свѣтѣ и въ сердцахъ людей. Онъ не любилъ многословія ни въ какомъ случаѣ, и на вопросы суеминаго любопытства не отвѣчалъ ни слова.

Все это очень хорошо; но дурно то, что въ Упоиію виѣстѣ съ иностраницами прѣхалъ другой сѣдой Друидъ, котораго добрые Упоиіяне — къ несчастью, они уже были не все таковы — называли *ложнымъ Друидомъ*, и который дѣлалъ

спрашное зло въ государствѣ. Истинный показывалъ только настоящее, а ложный хотѣлъ предсказывать и будущее. Одинъ давалъ, что имѣлъ; а другой обѣщалъ, чего у него совсѣмъ не было, и бралъ чужое, желая разбогатѣть на счетъ легковѣрныхъ Упопійанъ, и послѣ въ отечесствѣ своемъ смѣялся надъ ними.

Сверхъ того онъ назывался еще Магомъ, волшебникомъ, Алхимистомъ и Богъ знаетъ, чѣмъ! Искусство его соспало въ нѣкопорохъ тайнствахъ; занявшихъ имъ отъ служанки одного черно-книжника, и чудесныхъ для простыхъ людей. Не умѣя превращать другихъ (хотя и хвалился симъ волшебствомъ), онъ самъ превращался, во что хотѣлъ, и подобно Хамелеону являлся въ тысячи видахъ, смотря по людямъ и обстоятельству. Домъ его, построенный изъ гнилушекъ, казался великолѣпнымъ, ибо украшенъ былъ — шумихою и фальшивыми брилліаншами; вездѣ огромныя залы и галлерей, а нигдѣ покойнаго стула, ибо хозяинъ не любилъ, чтобы у него гости засиживались; не любилъ также и кормить ихъ, и для того въ домѣ своемъ не сдѣлалъ кухни. Онъ ласкалъ друзей своихъ, и страдалъ противниковъ; а чтобы дать идею о надменности Госпо-

дина Друида , по сообщаемъ надпись , вырѣзанную имъ на стѣнѣ кабинета своего :

Я всѣхъ сильнѣе на землѣ!

Нахмурюсь — небо въ страшной мглѣ,
И въ тучахъ молнія вѣется!

Смѣюсь — вселенная смѣется.

Во мнѣ Ноябрь , во мнѣ и Май.

Ты , солнце , для меня сіяешь ;

Другихъ же только освѣщаешь

Украдкой или невзначай.

По старой модѣ Оракулевъ онъ всѣмъ любопытнымъ опшвѣчалъ темно и двусмысленно , опдавая на волю каждому изъяснялъ и толковалъ слова его въ свою пользу. Чудно ли , что люди совѣшповались болѣе съ нимъ , нежели съ истиннымъ Друидомъ , который говорилъ ясно и не всякому по сердцу ?

И такъ въ Утопїи было два мудреца , двѣ Принцессы и двѣ нарпїи , изъ которыхъ одну составляли друзья Элизины съ приспавомъ Истины , а другую иностранцы , обманутые ими Утопїяне и ложный мудрецъ , прїятели Арсенины. Главою сихъ послѣднихъ былъ нѣкто Форбесъ , злой , негодной человекъ , но лицомъѣръ хитрой , ко всѣмъ ласковой , учливой какъ Обергофмейстеръ Китайскаго Двора. Онъ называлъ родъ свой царскимъ ; и хопя не могъ вѣрно дока-

зашь того, однакожь никто не могъ доказать и прошивнаго, ибо ни одинъ человекъ не зналъ его рода. У него была цѣлая галлерей предковъ, и внизу всякаго портрета сѣяла золотая надпись: *Форбесъ первый*, *Форбесъ второй*, и проч. такъ, что ему надлежало быть по крайней мѣрѣ Форбесомъ девяносто - девятымъ. Сей человекъ — Богъ знаетъ, какъ — разбогатѣлъ, нажилъ друзей, и былъ даже объявленъ Правителемъ до выбора Королевы. Сынъ его, именованъ Фаустинъ, совершенно походилъ на отца; однакожь никто не смѣлъ ему сказать того въ глаза, ибо онъ считалъ себя гораздо умнѣе дражайшаго своего родителя.

Начальникъ другой, то есть доброй паршii, былъ Геродашъ, въ самомъ дѣлѣ царской крови, прекрасный молодой человекъ, умный и великодушный. Онъ любилъ Элизу, нѣжно и пламенно; однакожь (о чудо!) убѣгалъ ее — для того, чтобы вдругъ не забыться и не открыть сердечной тайны своей. Ему и на мысль не приходило быть любимымъ и всякая нескромность казалась дерзостію. Надобно знать, что въ Упопiи еще многія красавицы сердились за любовныя объявленія. — И такъ Геродашъ сказалъ Элизѣ единственно то, что онъ радъ будетъ

пожертвовать ей самую жизнь — и пошелъ къ Форбесу. Чипашель знаетъ и пого и другова: теперь они въ тайной конференціи; однакожь мы можемъ подслушать ихъ.

Геродатъ. Мнѣ хотѣлось бы, любезный Форбесъ, чтобы вы хотя разъ въ жизни сказали что, что думаете.

Форбесъ (про себя). Сказать, что думаю? я не дуракъ. — (*Въ слухъ*) Любезный Геродатъ! мнѣ еще никогда не случилось быть лицомъ; а теперь поздно учись.

Геродатъ. У насъ двѣ Принцессы: желаю знать, которая, по вашему мнѣнію; достойнѣе трона?

Форбесъ. Обѣ, обѣ достойны владѣть цѣлымъ свѣтомъ: Азією, Африкою, Евро. . . .

Геродатъ (съ усмѣшкою). Кому вы это говорите? ихъ здѣсь нѣтъ; а я знаю и эту и другую. Скажите только, за которую вы подадите голосъ?

Форбесъ. Голосъ мой не важенъ; онъ въ самомъ дѣлѣ ничего не значитъ.

Геродатъ. То есть, вы считаете его рѣшительнымъ? вѣренъ ли мой переводъ? . . Скажите же, которую хотите возвести на престолъ?

Форбесъ. Которую? . . . Объ этомъ надобно хорошенько подумать, все сообразишь, и наконецъ . . .

Геродатъ. Подумайте и сообразите; даю вамъ время.

Форбесъ. Теперь не возможно. Надобно изслѣдовать пользу народа, пользу вельможъ, дворянства, средняго сословія . . .

Геродатъ. А всего болѣе вашу собственную: не правда ли? Теперь все знаю. Слуга покорной!

Онъ вспаль, хлопнулъ дверью, и пошелъ къ колодезю *Истины*. Элиза была уже тамъ. „Великой Друидъ!“ сказала она: „ты все знаешь; знаешь и то, что мнѣ хочется быть Королевою.“

Друидъ. И мнѣ того хочется, Принцесса; но будешь ли, не знаю. Я не угадываю будущаго; довольно съ насъ знать и настоящее.

Элиза. Скажи только, любятъ ли меня народъ Упоійской? Безъ любви его мнѣ и короны не надобно . . . Еще желаю знать, для чего Геродатъ убѣгаетъ меня?

Друидъ. Всѣ добрые любятъ тебя, а Геродатъ всѣхъ болѣе. Примолвлю еще, что и ты любишь его.

Элиза пришла въ такое смятеніе, что забыла и проститься съ Друидомъ.

Она спѣшила домой, и заперлась въ своемъ кабинетѣ. — Геродатъ не встрѣтился съ нею. Онъ пришелъ съ другой стороны и сказалъ: „Почтенной Друидъ! ты знаешь, что я люблю Элизу болѣе самого себя.“ . . .

Друидъ. Возможно, но едва ли вѣроятно. Однакожь посмотримъ Вода чиста. Ты сказалъ правду. Что хочешь знать?

Геродатъ. Нѣтъ ли какихъ нибудь злыхъ умысловъ противъ Элизы?

Друидъ. Сердце швое доспойно видѣшь истину безъ покрова.

Тутъ онъ разсказалъ ему всѣ замыслы Господина Форбеса и примолвилъ: „Эпо безъ сомнѣнїя должно превозжитъ тебя; но въ утѣшенїе швое скажу, что ты милъ сердцу Элизы.“ — Геродатъ, внѣ себя отъ радости, полетѣлъ къ добродѣтельной Принцессѣ, которая сидѣла въ глубокой задумчивости, и вспыхнула въ лицѣ, какъ скоро его увидѣла.

Геродатъ. О Принцесса! естли бы вы знали мое щастїе, радостное изумленїе, воспоргъ Но вамъ уже извѣстна любовь моя.

Принцесса. Естли бы вы знали также мою робость, замѣшательство, безпокойство

Геродатъ. Все знаю, прекрасная Элиза!
Вы — меня любите!

Принцесса. Какъ?... Кпо вамъ сказалъ?

Геродатъ. Я былъ у Колодезя Истины.

Тутъ любовники замолчали и говорили только одними взорами. Можешь быть она еще долго бы молчали и смотрѣли другъ на друга, естли бы не пришелъ къ нимъ одинъ изъ добрыхъ Министровъ покойнаго Короля съ важными бумагами.

Между тѣмъ Форбесъ призывалъ сына и сказалъ ему: „Геродатъ имѣетъ замыслы; надобно предупредить его. Которая изъ двухъ Принцессъ лучше расположена къ тебѣ, шу мы и выберемъ въ Королевы.

Фаустинъ. Онѣ обѣ готовы въ меня влюбиться по уши. Даю вамъ слово, что нынѣшній же день и та и другая будетъ — моя!

Форбесъ. Довольно одной, любезной сынъ; на двухъ не лзя жениться. Скажи, которую ты болѣе любишь?

Фаустинъ. Я люблю одинъ шронъ.

Форбесъ. Обними меня... шу истинный сынъ мой! Поди же къ Принцессамъ — и та, которая захочетъ быть швоею супругою, должна царствовать.

Фаустинъ, запѣвъ Италіянскую арію, побѣжалъ изъ дому... Но къ кому

ищи? къ Элизѣ или Арсенѣ? Онѣ не могъ рѣшиться, и зашелъ въ недоумѣніи своемъ къ ложному Друиду. „Доброй пріятель!“ сказалъ онѣ, положивъ ему на плечо руку: „слава Богу! дѣла наши идутъ славно! Все перемѣнилось въ Упо- нїи. Не давно еще вельможи казались мѣщанами, а теперь мѣщане кажутся вельможами... Но я не объ этомъ гово- рить хотѣлъ. Надобно бышь Царемъ: какъ ты думаешь?“

Друидъ. Изволь: я жалуя тебя въ Императоры; возьми Упо нїю; возьми еще два или три государства.

Фаустинъ. Увижу, которую Прин- цессу могу оцаспливить. — Великодушной другъ! имъ знаешь, что я люблю мотов- ство: не худо дашь мнѣ на коронацію милліоновъ сто; въ казнѣ, говорятъ, не много денегъ.

Друидъ. Не стыдно ли просить тебѣ милліоновъ? это бездѣлица. Я дамъ тебѣ мѣшокъ, изъ котораго вѣчно сыплется золото.

Фаустинъ. Какъ щаспливо буду цар- ствовать! Но по бѣда, что люди живутъ не долго. Не можешь ли продлить жизни моей вѣка на три?

Друидъ. Вѣка на три? это самой бѣдной подарокъ. Нѣшь, я дѣлаю тебя бессмертнымъ!

Фаустинъ. Послушай, Друидъ: я худо вѣрю безсмертію Королей. Ихъ часто жалуютъ въ боги — и кладутъ въ гробы.

Друидъ. Какъ? ты сомнѣваешься въ моей власпи? забываешь, что я могу взять луну въ зубы, положить солнце въ карманъ, и сѣсть верхомъ на Сатурна? Поспой: увидишь, какова мудрость и сила моя!

Друидъ разсердился не на шутку; заскрипѣлъ зубами, засверкалъ глазами, спукнулъ ногою, махнулъ волшебнымъ прутьемъ — и сводъ дома расшупился; жемчугъ, яхонты, алмазы посыпались въ горницу; а шамъ царскія короны, споль огромныя и тяжелыя, что малѣйшая изъ нихъ могла бы раздавить самую твердую голову. Фаустинъ испугался — и давай Богъ ноги!

Онъ прибѣжалъ къ Элизину дому, отдохнуль на крыльцѣ, вошелъ съ гордымъ видомъ и сказалъ: „Здравствуйте, Принцесса. Я намѣренъ васъ ошастливишь. Хотите ли царствовать? Я сдѣлаю васъ Королевою, а вы меня Королемъ. Сверхъ

шого изъ великодушія обѣщаю вамъ тридцать коронъ!

Элиза. Естли бы я имѣла всѣ вѣнцы на свѣтѣ (которыхъ у васъ нѣтъ и никогда не будетъ), то опдала бы ихъ за щастіе и спокойствіе моихъ подданныхъ.

Фаустинъ. Bravo! такія геройскія чувства мнѣ нравятся; эша моя слабость. Но будемъ говорить прямо. Вы имѣете достоинства, любезная Принцесса: я также, говорятъ, запасся ими — мы рождены другъ для друга. Даете ли мнѣ слово?

Элиза. Я никогда не даю слова, естли не думаю сдержать его.

Фаустинъ, не смотря на беспыдство свое, замѣшался; но скоро опять ободрился и сказалъ: „Я не разумѣю васъ, Принцесса!“

Элиза. Кажется, это ясно.

Фаустинъ. Знаете ли, что я не привыкъ къ отказамъ?

Элиза. А я не привыкла къ обѣщаніямъ, несогласнымъ съ моими чувствами.

Фаустинъ разсердился, и сказавъ разъ десять: „прекрасно! хорошо! увидимъ!“ побѣжалъ къ Арсенѣ. Тамъ со всѣмъ другое дѣло; тамъ его слушали, ласкали, хвалили. Арсена и Фаустинъ обкуривали другъ друга оиміагомъ

деспи, такъ, что головы ихъ закружились отъ чаду. На помощь къ нимъ явились ложной Друидъ и Форбесъ; рассуждали, дѣлали планы, и ни мало не сомнѣвались въ успѣхѣ — мудрено ли, когда онъ зависѣлъ отъ большинства голосовъ? Известно, какихъ людей болѣе въ свѣтѣ!

Насталъ день народнаго собранія. Вельможи заняли первыя мѣста въ амфитеатрѣ; а народъ сѣлъ надъ ними въ нѣсколько рядовъ, такъ, что вездѣ шорчали головы. Хотя друзья Арсенины и Элизины сидѣли вмѣстѣ, безъ разбора; однакожь всякой могъ различать ихъ: головы первыхъ вертѣлись какъ флюгеры отъ малѣйшаго вѣтерка, а другіе не шевелились какъ бюсты — Римскіе или Греческіе.

Въ семъ народномъ собраніи, хотя и не Французскомъ, также говорили рѣчи; также спорили, шумѣли, бранились и готовы были драться; то есть, два войска стали другъ прошивъ друга и ждали только знака, чтобы всупить въ кровопролитное сраженіе.

Геродатъ, желая отвлечь такое бѣдсннѣе, предложилъ рѣшить дѣло поединкомъ. Согласились. Форбесъ, глава Арсениной партіи, былъ старъ; и такъ сыну его надлежало отвѣдать щастья

съ Геродатомъ. Учтивый, скромный Фаустинъ снялъ шляпу, ходилъ изъ шеренги въ шеренгу, и всякому уступалъ свое мѣсто; но никою не хотѣлъ употребить во зло его снисхожденія, и единодушно оставили ему честь поединка. Не чего было дѣлать; надлежало драться. Фаустинъ упросилъ Геродата опложить поединокъ до слѣдующаго дня; съ блѣднымъ лицомъ пришелъ къ Друиду, и сказалъ ему: „Любезной мой благодѣтель! Геродатъ хочетъ рѣзаться со мною. Я не боюсь; однакожь — не худо бы, естли бы ты, по старой дружбѣ къ нашему дому, взялъ на себя мой образъ и поразилъ гордаго непріятеля.“

Друидъ. Не возможно, Принцъ. Вѣчныя судьбы хотѣли, чшобы я не въ силахъ былъ вредить Геродату.

Фаустинъ. Что же дѣлать?

Друидъ. Я махну прушомъ своимъ, и ты будешь смѣлѣе.

Фаустинъ. Я, кажется, по милости твоей уже безсмертенъ?

Друидъ. Разумѣется, что прежде надобно тебѣ заслужить безсмертіе какимъ нибудь славнымъ дѣломъ. На примѣръ: естли Геродатъ убьетъ тебя, ты будешь вѣчно жить въ Упоійскихъ лѣшописяхъ.

Фаустинъ. О! слуга покорной! я хочу жить на землѣ.

Друидъ, видя, что отъ него не отдѣлаться, сказалъ ему съ улыбкою: „когда такъ, изволь, любезной Принцъ: ты безсмертенъ! вѣрь словамъ моимъ.“

Однакожь *Фаустинъ* не совсѣмъ повѣрилъ тому, и вздумалъ на всякой случай зайти къ Колодезю Истины. „Мнѣ говоряшь, что я безсмертенъ,“ сказалъ онъ шамошнему *Друиду*: „правда ли это?“ — *Друидъ* взглянулъ на него съ сожалѣнiемъ и пожалъ плечами. — „Не уже ли ты думаешь, что я не могу имѣть права на безсмертiе?“ — *Друидъ* молчалъ. — „Что же ты молчишь? Должность твоя говорить людямъ правду.“

Друидъ. Могу сказать тебѣ одну: не всякую правду хорошо знать.

Фаустинъ. Для чего же? развѣ мои доспоинства не извѣстны цѣлому свѣту?

Друидъ. Не всякую правду хорошо сказывать.

Фаустинъ. Что ты думаешь? развѣ я шалунъ, негодай, трусъ....

Друидъ. Не всякую правду хорошо сказывать.

Фаустинъ разсердился до крайности, и побѣжалъ домой оградить свое безсмертiе огромными лапами; влѣзъ въ нихъ

какъ улишка въ свой домикъ, и взялъ шпиль, за которой по нуждѣ могли бы спряташьясь человекѣ двадцать. Геродатъ пришелъ съ однимъ мечемъ, увидѣлъ на мѣстѣ сраженія только ужасной щипъ, и долженъ былъ рукою оттолкнуть его въ сторону, чтобы найти своего непріятеля. Фаустинъ въ ту же секунду съ великою учинивостью опдалъ ему свой мечъ.... Дѣло кончилось къ стыду Арсениныхъ друзей и къ славѣ Геродата, который, будучи побѣдителемъ, имѣлъ право назначить родъ испытаній для мудроси обѣихъ Принцессъ. Главное состояло въ томъ, чтобы онѣ на мѣстѣ рѣшили трудную, запутанную плямбу, въ доказательство ума своего. Сверхъ того всякая изъ нихъ цѣлую недѣлю должна была допускать къ себѣ всѣхъ людей безъ различія состояній, отъ крестьянина до Герцога; ибо жилиши Упопійскіе думали, что Государямъ надлежитъ знать своихъ подданныхъ, а подданнымъ Государя. И такъ обѣ Принцессы давали обѣды, ужины и праздники; но какая розница! Элиза принимала всѣхъ милосливо, безъ униженія и гордости; она была привѣплива среди народа, не давая чувствовашъ, что снисходитъ къ нему; ласкала знатныхъ, не допуская

ихъ до излишней смѣлости, и каждымъ словомъ, каждымъ взоромъ доказывала, что ей не учиться царствовать. Арсена напротивъ того не хотѣла взглянуть на добрыхъ мѣщанъ, а съ вельможами обходилась съ излишнею короткостію, и даже льстила имъ.

За сноломъ у Арсены играли первую роль Форбесъ, Фауспинъ и ложный Друидъ. Первой углублялся въ Полишику, вѣпорой хвалился благосклонностію женщинъ, а Друидъ говорилъ по-Еврейски и пилъ какъ слонъ. Самый первый обѣдъ открылъ онъ какимъ-то мистическимъ или (что все одно) коммерческимъ дѣйствіемъ. Сказавъ, что ему надобно употребить нѣкоторое волшебство въ пользу Арсены, мудрецъ нашъ велѣлъ принести ларчикъ, написалъ на немъ странныя фигуры и сказалъ, чтобы всѣ клали въ него золотыя деньги. Люди простые, то есть не Философы, безъ дальнѣйшаго разсужденія и съ великимъ усердіемъ наполняли его шкапулу; но нѣкоторые вольнодумцы усомнились, и сказали съ удивленіемъ: какъ, великій мудрецъ! ты повелѣваешь всею Нашурою и берешь съ насъ деньги? „Бѣдные люди!“ ошвѣчалъ онъ: „вы не знаете, что говорите! Я долженъ подкупить для Арсены земныхъ

„духовъ, которые не берутъ магическаго
„золота моего, а требуютъ обыкновен-
„наго; у нихъ грубой вкусъ.“

Честный Друидъ не могъ самъ быть у Элизы, исполняя должность вѣрнаго стража при Колодезѣ Истины, гдѣ хранились еще царская корона и покровъ бѣдствія: одна для награды добродѣтелей, другой для наказанія злодѣяній. Сей покровъ надѣвали на государственныхъ преступниковъ . . . Читатели не должны забывать его; въ концѣ исторіи онъ будетъ играть великую роль.

Желая чѣмъ нибудь изъяснить оп-
мѣнное усердіе Элизѣ, Друидъ послалъ ей нѣсколько бутылокъ воды изъ Колодезя Истины. Сія вода была такого свойства, что всякой, выпивъ ея хотя каплю, говорилъ правду съ величайшею искренностію. Добродушные Элизины гости не боялись такого чуднаго дѣйствія; но опорожнивъ бутылки при, начали говорить болѣе обыкновеннаго, и спѣшили открыть тайны сердца своего, которыя имъ самимъ были не совсѣмъ извѣсны. На примѣръ, одна красавица сказала: „ахъ! какъ хочется за-мужъ!“ другая: „какъ наскучилъ мнѣ мужъ!“ третья: „какъ дорого стоить мнѣ добродѣ-
„тель!“ . . . Но мы замолчимъ, чтобы не

употребить во зло ихъ милой искренности. Довольно знать, что въ свѣтѣ, и даже въ Упопѣи нѣтъ совершенной добродѣтели, и что самые лучшие люди имѣютъ нужду въ скромности. Министры, Генералы, судьи, всѣ признавались въ маленькихъ слабостяхъ, и зала дворца казалась мѣстомъ исповѣди. Элиза и Геродашъ, отъ дѣйствія Друидовой воды, безпрестанно смотрѣли другъ на друга, и такъ нескромно, что языкъ не могъ ничего прибавить къ довершенію ихъ любовной откровенности.

Насталъ день суда. Элиза, по древнему обычаю ошцовъ, сѣла на камнѣ подъ тѣнью вѣтвистаго дуба. Арсена велѣла поставишь себѣ золотой тронъ съ балдахиномъ, и такъ долго занималась его украшеніемъ, что сестра ея между тѣмъ успѣла рѣшить нѣсколько пляжебныхъ дѣлъ, спараясь всего болѣе мирить противниковъ. На примѣръ, одинъ доброй земледѣлецъ сказалъ: „Великая Государыня! я привелъ къ тебѣ двухъ сосѣдовъ моихъ, которые по крайней мѣрѣ разъ семь въ недѣлю вцѣпляются въ волосы другъ другу, и такъ больно дерутся, что комунибудь изъ нихъ бытъ убитымъ, естъли мудрость твоя не прекратишь ихъ вражды. Одинъ изъ нихъ

„живетъ доходомъ опѣ въпреной мель-
 „ницы, а другой опѣ плодовишаго саду.
 „Одинъ всякой день молился: *Великой*
 „*Юлиперѣ!* пошли *вѣтерѣ!* а другой:
 „*Великой Юлиперѣ!* пошли *пищину,* чтобы
 „*плоды мой* остались *цѣлы на деревьяхъ!*
 „Когда зашумитъ *вѣперѣ,* садовникъ
 „бѣжитъ драгаться съ мельникомъ, думая,
 „что онъ вымолилъ его; а когда сдѣлаеш-
 „ся шихо, тогда мельникъ нападаетъ на
 „садовника.“ — Элиза подумала и ска-
 „зала: „Надобно согласить ихъ пользу,
 „и ссоры не будетъ; пусть мельникъ
 „опдастъ половину дохода садовнику, а
 „садовникъ такую же половину мельни-
 „ку!“ Они довольны были рѣшеніемъ, и
 съ того времени жили мирно.

Тутъ начался общій, шоржествен-
 ный судъ. Безчисленные зрители не могли
 умѣститься на землѣ, и всѣ деревья,
 окружающія лугъ, были ими унизаны съ
 верху до низу. Явился Адвокатъ, и на-
 чаль говорилъ такимъ образомъ:

„Альциндоръ, молодой воинъ, любилъ
 „Альцинду. Они ничего не имѣли. Одна
 „богатая вдова любила Альциндора; одинъ
 „богатой старикъ плѣнился Альциндою.
 „Любовники были великодушны, и рѣ-
 „шились пожертвовать другъ другу сво-
 „имъ щастіемъ, зная, что воздухомъ и

„любовью жить невозможно. Альциндоръ
 „уговаривалъ свою любовницу выпити за
 „старого богача: Альцинда совѣтовала
 „ему жениться на богатой вдовѣ. Ихъ
 „свиданіе было шайное. Они такъ сильно
 „чувствовали свою жертву, такъ плѣ-
 „нили другъ друга своимъ великодушіемъ,
 „и такъ нѣжно распробались, что все
 „забыли, и положили часто видѣться
 „въ ожиданіи вѣчной разлуки. Они все
 „еще хотѣли жертвовать щастіемъ благо-
 „разумію, но откладывали день за день.
 „Наконецъ открылись нѣкоторыя безо-
 „койныя признаки въ разсужденіи Аль-
 „циндина здоровья: она должна была вып-
 „ити скорѣе за богача.

„Черезъ девять мѣсяцевъ, или еще
 „ранѣе, Альцинда родила дочь и опдала
 „ее кормить женѣ сего добраго земледѣль-
 „ца — (Адвекашъ указалъ рукою на чело-
 „вѣка, который стоялъ подлѣ него). Быв-
 „шая вдова, жена Альциндорова, также
 „родила дочь, и сама умерла. Альциндоръ
 „опдалъ своего младенца на воспитаніе
 „тому же земледѣльцу. Онъ все еще лю-
 „билъ Альцинду, хотя они уже не вида-
 „лись другъ съ другомъ. Альцинда кля-
 „лась быть вѣрною супругою — и была.

„Она съ мужемъ своимъ уѣхала на
 „три года въ чужую землю; Альциндоръ

„сражался съ непріятелями отечества ;
 „они не видали дѣшей своихъ. Одна изъ
 „дѣвочекъ умерла. Альциндоръ и мужъ
 „Альциндины спорятъ о той , которая
 „жива. Добрый земледѣлецъ ! говори.“

Поселянинъ выступилъ и сказалъ :
 „Такъ , свѣшлѣйшія Принцессы ! опцы
 „спорятъ. Жена моя любила дѣвочекъ
 „равно , называла однимъ именемъ , и
 „сама умерла , не сказавъ мнѣ , кому при-
 „надлежитъ оставшійся младенецъ.“

Арсена , ни мало не подумавъ , рѣ-
 шила , что всего лучше опдалъ дѣвочку
 тому опцу , который богатѣе. Ложный
 Друидъ , Форбесъ и друзья ихъ закричали :
браво ! Но Элиза сказала : „Не такъ скоро !
 „Можетъ быть сама Природа въ семъ
 „случаѣ рѣшитъ неизвѣстность. Аль-
 „цинда видѣла ли младенца ?“ — Нѣтъ ,
 опвѣчали ей. — „И такъ , продолжала
 „Элиза , приведите дѣвочку вмѣстѣ съ
 „шестью другими равныхъ съ нею лѣтъ :
 „пусть мать выбираетъ !“

Исполнили повелѣніе. Альцинда взгля-
 нула на дѣвочекъ , и бросилась цѣловать
 одну изъ нихъ , говоря : „вошъ моя дочь !“
 Земледѣлецъ съ удивленіемъ сказалъ :
 „она точно выбрала нашу пипомицу !“
 Альциндины мужъ хотѣлъ обнять дѣвоч-
 ку ; но она закричала , ушла отъ него ,

схватила за руку Альциндора, который стоялъ недалеко, и сказала: „вошѣ мой отецъ!“

Друзья Арсенины ободрились. „Природа, говорили они, открыла истину матери, но обманываетъ дочь: слѣдственно ей не лъзя вѣрить.“ — Элиза сказала: „Природа указала матери дочь; законъ долженъ дать ей отца.“ . . . Въ сію минуту большая вѣшвь, на которой сидѣли люди, опломилась отъ дуба, ударила въ голову Альциндина мужа и до смерти убила его.

Альцинда овдовѣла. Альциндоръ все еще спрастно любилъ ее. Природа, можетъ быть, не обманула младенца, который назвалъ его отцомъ своимъ. Элиза рѣшила, что Альциндоръ долженъ жениться на Альциндѣ, и всѣ зрители были ея мнѣнія. Самые друзья Арсенины искренно удивлялись Элизиной мудрости.

Вдругъ сдѣлался шумъ; закричали: „Друидъ!“ и Друидъ явился. . . Всѣ ужаснулись: ибо онъ явился не съ царскою короною, какъ ожидали, а съ *локровомъ бѣдствія*; медленно и торжественно приблизился къ Элизѣ и бросилъ его на ея голову. . . Грянулъ страшный громъ; буря засвистала, и люди какъ осенніе листья полетѣли съ деревъ. Никшо ничего не взви-

дѣлъ; всѣ какъ сумасшедшіе бѣгали взадъ и впередъ, спугаясь лбами въ густомъ мракѣ.

Одинъ Геродашъ не потерялъ головы. „Элиза преступница?“ думалъ онъ: „невозможно! Это конечно привидѣніе; надобно открыть истину.“ — Не смотря на ужасную темноту, онъ побѣжалъ къ Колодезю Истины; но и тамъ густая мгла не позволяла ничего видѣть. Геродашъ при разѣ громко произнесъ имя Элизы, при разѣ махнулъ мечемъ, и шуманъ разсѣялся. Крипальный источникъ явился во всей своей прозрачности. Почтенный Друидъ стоялъ на берегу его и держалъ за руку Элизу, которая сіяла Ангельскою красотою. Народъ весь прибѣжалъ за Геродашомъ.

Друидъ надѣлъ корону на Элизу и сказалъ народу: „Боги правосудны и „спрашнымъ образомъ наказали гнусную „клевету. Взгляните: вотъ шрупъ лож- „наго Друида, пораженнаго громомъ! Все „видѣнное вами было ничто иное, какъ „привидѣніе и волшебство злаго чародѣя. „Элиза есть ваша законная Царица, а „Геродашъ супругъ ея.“

Радостныя восклицанія загремѣли въ воздухѣ. Арсена, Форбесъ и Фауспинъ бѣднѣли и шрепешали. Надежда и слава

ихъ исчезла. Добродѣшель въ здѣшнемъ свѣтѣ сильнѣе всякаго волшебства.

Я съ радостію описалъ бы все праздники и веселья, бывшіе въ Упопѣи по случаю Элизиной свадьбы; но признаюсь, что не нашелъ о томъ ни слова въ лѣтописяхъ. Даже и газеты тогдашняго времени молчали о царскихъ балахъ и погребеніяхъ, а говорили только, по невѣжеству людей, о добродѣтеляхъ Государей, ихъ мудрыхъ законахъ, благѣ опечества и тому подобномъ вздорѣ — о чемъ я говорить не намѣренъ, боясь, чтобы моя исторія не показалась тогда романомъ.

II.

О случаяхъ и характерахъ въ Россійской Исторіи, которые могутъ быть предметомъ Художествъ.

Письмо къ Господину N. N.

Мысль задавать художникамъ предметы изъ опечественной Исторіи достойна вашего Папріотизма и есть лучший способъ оживить для насъ ея великіе характеры и случаи, особливо пока мы еще не имѣемъ краснорѣчивыхъ Историковъ,

которые могли бы поднять изъ гроба знаменитыхъ предковъ нашихъ и явить пѣни ихъ въ лучезарномъ вѣнцѣ славы. Таланту Рускому всего ближе и любезнѣе прославлять Руское, въ то щасливое время, когда Монархъ и Самое Провидѣніе зовущъ насъ къ истинному народному величію. Должно пріучить Россіянъ къ уваженію собственнаго; должно показать, что оно можетъ быть предметомъ вдохновеній Архисна и сильныхъ дѣйствій Искусства на сердце. Не только Историкъ и Поэтъ, но и живописецъ и ваятель бываютъ органами Патриотизма. Если историческій характеръ изображенъ разительнаго на полотнѣ или мраморѣ, то онъ дѣлается для насъ и въ самыхъ лѣтописяхъ занимательнѣе; мы любопытствуемъ узнать источникъ, изъ котораго художникъ взялъ свою идею, и съ большимъ вниманіемъ входимъ въ описаніе дѣлъ человека, помня, какое живое впечатлѣніе произвелъ въ насъ его образъ. Я не вѣрю той любви къ опечесству, которая презираетъ его лѣтописи, или не занимается ими; надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно имѣть свѣдѣніе о прошедшемъ.

Вы говорите о трехъ историческихъ картинахъ, уже написанныхъ въ нашей Академіи Художествъ: содержаніе ихъ достойно похвалы. *Взятіе Казани*, *избраніе Михаила Теодоровича* и *Полтавское сраженіе* представляютъ намъ важныя эпохи Россійской Исторіи. Разрушеніе Казанскаго царства запечатлѣло независимость Россіи, славно освобожденной отъ ига Татарскаго дѣдомъ Царя Іоанна Васильевича, испинно великимъ Княземъ Іоанномъ. Съ воцареніемъ Романовыхъ опечесство наше — говоря проспыми Русскими словами — *увидѣло свѣтъ*: мятежи прекрапились, и Россія начала возрастать въ величіи и славѣ съ какою-то удивительно-спройною поспепенностію. А Полтавское сраженіе ушвердило или, лучше сказать, основало первенство Россіи на сѣверѣ. Я надѣюсь, что художники, почтивъ такимъ образомъ сіи три важныя эпохи, удовлетворили и всѣмъ особеннымъ требованіямъ Искусства въ изображеніи дѣйствія.

Зная совершенно Исторію нашу, имѣя вкусъ просвѣщенный и любовь къ художествамъ, копорая уже предполагаетъ основательныя свѣдѣнія въ ихъ правилахъ и красотахъ, вы еще хотите совѣтоваться съ другими въ разсужденіи даль-

нѣйшаго выбора предметовъ для живописцевъ и ваятелей. Мнѣ остается быть благодарнымъ за честь вашей довѣренности — и безъ дальнѣйшихъ оговорокъ пустой учтивости отдаю вамъ на судъ нѣкоторыя мысли свои, не вмѣшиваясь въ права художниковъ, а говоря единственно какъ любитель отечественной Исторіи, имѣющій только самую легкую идею о красотахъ Искусства.

Я желалъ бы видѣть на картинѣ самое начало Россійской Исторіи, то есть, призваніе Варяжскихъ Князей въ Славянскую землю. Художникъ могъ бы изобразить прехъ славныхъ братьевъ съ товарищами ихъ на ловлѣ, копорая была любимымъ упражненіемъ сѣверныхъ народовъ. Послы Славянъ, Чуди и Кривичей окружаютъ Рюрика; они уже сказали ему все то, что заставляетъ ихъ говорить Несторъ. Рюрикъ, опершись на лукъ свой, задумался. Синеусъ и Труворъ (или, справедливѣе, Триворнъ) совѣщаются между собою. Нѣкоторые изъ ихъ товарищей занимаются ловлею; другіе, узнавъ о прибытіи Славянъ, спѣшатъ къ нимъ. Послы говорятъ другъ съ другомъ, удивляясь величественной красотѣ Варяжскихъ Князей. Взоры ихъ всего болѣе обращаются на глубокомысленнаго Рюрика,

съ желаніемъ, чпобы онъ согласился повелѣвать землею Славянскою, богатою, прекрасною, но смяшенною внутренними раздорами. — Художникъ отличилъ лица Славянскія отъ Варяжскихъ: первыя должны быть нынѣшнія Рускія, а за образецъ послѣднихъ надобно взять Шведскія, Норвежскія или Данскія. Варяги были Норманцы: симъ общимъ именемъ назывались, какъ извѣстно, жители упомянутыхъ трехъ земель.

Есплы бы Госпомыслъ былъ въ самомъ дѣлѣ историческимъ характеромъ, то мы конечно бы захотѣли его изображенія; но Неспоръ не говоритъ объ немъ ни слова; а всѣ другія лѣтописи слишкомъ новы, баснословны и списаны съ Польскихъ, также весьма новыхъ и баснословныхъ. Я бьюсь объ закладъ, что прежде 16 вѣка, или прежде Сприковскаго, нигдѣ не упоминалось о Госпомыслѣ; Неспоръ жилъ въ первомъ - надеяться и не имѣлъ объ немъ идеи. Это кажется мнѣ рѣшительнымъ. — *Вадимъ храбрый* принадлежитъ также къ баснословію нашей Исторіи.

Олегъ, побѣдитель Грековъ, героическимъ характеромъ своимъ можетъ воспламенить воображеніе художника. Я хотѣлъ бы видѣть его въ ту минушу, какъ

онъ прибываетъ щипъ свой къ Цареградскимъ ворошамъ, въ глазахъ Греческихъ вельможъ и храбрыхъ его товарищей, которые смотря на сей щипъ какъ на вѣрную цѣль будущихъ своихъ подвиговъ. Въ эту минуту Олегъ могъ спросить: *кто благъ и славенъ меня въ свѣтѣ?*

Сей же Князь можетъ быть предметомъ картины другаго рода — *философической*, естли угодно. Во всякихъ старинныхъ лѣтописяхъ есть басни, посвященные древностию и самымъ просвященнымъ Испорикомъ уважаемыя, особливо, естли онъ представляющъ *живыя терны времени*, или заключающъ въ себѣ мораль, или остроумны. Такова естъ басня о смерти Олеговой. Волхвы предсказали ему, что онъ умретъ отъ любимаго коня своего. Геройство не спасало тогда людей отъ суевѣрїя: Олегъ, повѣривъ волхвамъ, удалилъ отъ себя любимаго коня; вспомнилъ объ немъ черезъ нѣсколько лѣтъ — узналъ, что онъ умеръ — захотѣлъ видѣть его кости — и полкнувъ ногою черепъ, сказалъ: „это ли для меня опасно?“ Но змѣя скрывалась въ черепъ, ужалила Олега въ ногу, и Герой, побѣдитель Греческой Имперїи, умеръ отъ насѣкомаго. Впечатлѣнїе сей картины должно быть (какъ я сказалъ) филос-

софическое, моральное: *помни плѣнность
землѣвѣтской жизни!* Я изобразилъ бы Олега въ то мгновеніе, какъ онъ съ видомъ презрѣнія оппалкиваетъ черепъ; змѣя выставляеиъ голову, но еще не ужалила его: чувство боли и выраженіе его непріятны въ лицѣ геройскоуъ. За нимъ спопялъ воины съ Греческими профеями, въ знакъ одержанныхъ имъ побѣдъ. Въ нѣкопороуъ оппдаленіи можно предспавить одного изъ волхвовъ, копорый смоприпъ на Олега съ видомъ значительнымъ.

Ольга естъ Героиня нашихъ древнихъ лѣшописей, копорыя разсказываютъ чудеса объ ея кипроспи. Художнику должно воспользоваться симъ знаменитымъ историческимъ характеромъ: ему остаеиъ выбрать любое изъ десяти возможныхъ *представлений*. Захочетъ ли онъ изобразить Ольгу въ шу минушу, какъ она, пылая местию въ сердцаъ за убіеніе супруга, и скрывая гнѣвъ свой подъ видомъ ласки, принимаетъ у себя въ теремъ пословъ Древлянскихъ; или когда на могилѣ Игоревой оппправляетъ призну (что поаетъ художнику случай предспавить древніе обряды язычества); или когда она, среди шоржештвеннаго великолѣпія Греческой Религії, креспипся въ Царѣ - Градѣ. Но я знаю, что художники

не любящъ старыхъ женскихъ лицъ: а Ольга въ это время была уже не молода. И такъ они могутъ изобразить ея сговоръ. На примѣръ: Олегъ подводитъ ее къ молодому Игорю, которой съ восхищеніемъ радостнаго сердца смотритъ на красавицу, невинную, спыдливую, воспитанную въ простотѣ древнихъ Славянскихъ нравовъ. За нею спойтъ мать ея, о которой нѣтъ хощя ни слова въ лѣтописяхъ, но которая присупспвѣемъ и благороднымъ видомъ своимъ должна дать намъ хорошую идею о нравспвенномъ образованіи Ольги: ибо во всякомъ вѣкѣ и соспояніи одна нѣжная родительница можетъ наилучшимъ образомъ воспитать дочь. Живописецъ изобразитъ пригото-вленія къ сговору по своей фантазіи. Одинъ почтенный Россіянинъ думаетъ, что Славяне не имѣли жрецовъ: не смѣю пропшворѣчить ему, и знаю, что Несторъ объ нихъ не упоминаетъ, говоря только о волхвахъ; однакожь Архисптъ могъ бы предспавить на сей картинѣ священныхъ служителей Лады и Перелы, чтобы обогатить ея содержаніе.

Никшо изъ древнихъ Князей Россійскихъ не дѣйствуетъ такъ сильно на мое воображеніе, какъ Свяслоавъ, не только храбрый вишязь, не только ужасъ

Грековъ (которыя спращали дѣшей своихъ именемъ *Сфендосолава* : такъ они называли его), но и прямодушный рыцарь. Еще дѣтскою рукою бросивъ копьё въ Древянъ, убійцъ его родителея, онъ не только всю жизнь свою провождалъ въ полѣ, дѣлалъ нужду и труды съ вѣрными поварницами, спалъ на сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ; но, любя славу, любилъ и спрону воинскую честность. Неспоръ, скупой на слова, не забылъ сей великой черпы характера его: *Святославъ никогда не хотѣлъ нападать нечаянно, но всегда напередъ объявлялъ войну* (что, въ тогдашнїя варварскїя времена, было безпримѣрно). Сей Герой любезенъ намъ и по тому, что въ жилахъ его текла уже кровь Славянская, и что онъ первый изъ Рускихъ Князей назывался именемъ языка нашего. Рюрикъ, Олегъ, Игорь, были иностранцы; Святославъ родился отъ Славянки. Художникъ, знакомый съ *мысленнымъ образцемъ Геройства* и съ духомъ времени, представивъ намъ, какъ сей древнїй Суворовъ Россїи, привыкнувъ надѣяться на судьбу, видитъ себя окруженнаго со всѣхъ сторонъ Греками. Вѣрная дружина его, изумленная ихъ безчисленнымъ множествомъ, въ первый разъ уныла: побѣда казалась ей

наконецъ невозможно. Святославъ говоришь рѣчь, достойную Спартанца или Славянина : рѣчь, копорую все наши Историки хотѣли украсить, но которая прекрасна только въ Несторѣ, и безъ сомнѣнiя не есть выдумка : ибо сей доброй старецъ не умѣлъ бы такъ хорошо выдумать. Князь, сказавъ : *ляжемъ здѣ костьми ; мертвые бо срама не имутъ*, обнажаетъ мечъ свой : вотъ минуша для живописца ! Святославовы витязи (которыхъ онъ изобразилъ, сколько хочетъ) въ быстромъ движенiи геройскаго вдохновенiя также извлекають мечи , машутъ копьями , гремятъ щитами , и проч. Вдали можно представить Греческiй необозримый станъ. — Думаю, что искусный Артистъ найдетъ способъ оживить сiю картину.

Владимiра хотѣлъ бы я видѣть въ то мгновенiе , какъ Епископъ Корсунскiй, возложивъ на него послѣ крещенiя руку, возвращаетъ ему зрѣнiе. Сею картиною ознаменовалась бы великая эпоха въ нашей Исторiи : введенiе Христiанской Религiи, и художникъ могъ бы обнаружить весь свой талантъ въ выраженiи лицъ Владимiра , Царевны Анны , и въ щастливомъ расположенiи другихъ фигуръ : Греческихъ вельможъ , Духовныхъ и Владимiровыхъ полководцевъ.

Въ разсужденіи Царевны я замѣнилъ бы одно: лицо ея должно сіять только небесною, благочестивою радостію; она выходитъ за Владиміра не по земной любви, а желая единственно обратишь его въ Христіянство.

Кто безъ жалостнаго чувства можетъ вообразить прекрасную и несчастную Рогнѣду, названную отъ великихъ горестей ея прогашельнымъ именемъ *Гориславы*? Владиміръ разорилъ отечество ея, умертвилъ родителей, братьевъ, и, къ довершенію своихъ жестокостей (*), женился на сей отчаянной плѣнницѣ. Онъ могъ бы еще вѣрною любовію примирить съ собою нѣжное сердце женщины; но, удовлетворивъ страсти, Князь хочетъ удалить супругу. Тогда оскорбленная любовь возобновляетъ въ памяти своей всё злодѣянія жестокаго и неблагодарнаго Владиміра, и Горислава, подкрѣпляемая ученіемъ языческой вѣры, которая славила мечь въ число добродѣтелей, рѣшился умертвить его. Онъ въ послѣдній разъ приходитъ къ ней и засыпаетъ въ ея перемѣ: Рогнѣда беретъ ножъ — медлитъ — и Князь, просыпаясь, вырываетъ смертоносное ору-

(*) Это было до его крещенія. Святая Религія еще не дѣйствовала въ немъ своею благодатію.

жѣ изъ дрожащихъ рукъ ея. Тушъ Горислава, въ испуленіи опчаянїя, исчисляетъ всѣ свои оскорбленїя и его жестокости.... Я, кажешся, вижу передъ собою изумленнаго и наконецъ пронутаго Владимїра; вижу несчастную, вдохновенную сердцемъ Гориславу, въ безпорядкѣ ночной одежды, съ распрепанными волосами... Комната освѣщена лампадою; видны только самыя простыя украшенїя и рѣзный образъ Перуна, спящій въ углу. Владимїръ приподнялся съ ложа и держитъ въ рукъ вырванный имъ ножъ; онъ слушаетъ Рогнѣду съ такимъ вниманїемъ, которое доказываетъ, что ея слова уже глубоко проникли къ нему въ душу. — Мнѣ кажется, что сей предметъ прогапеленъ и живописенъ.

Бой славнаго въ нашихъ лѣтописяхъ отрока Переяславля съ Печенѣжскимъ силачемъ достоинъ искусной кисти. Художникъ самъ выберетъ *моментъ* (*): изобразитъ ли ихъ въ усилїяхъ борьбы, въ напряженїи всѣхъ мускуловъ, или въ то мгновенїе, какъ Руской ударилъ головою Печенѣга, и какъ сей падаетъ? Эпа побѣда была спасительна для опечества: Владимїръ, въ честь отрока, назвалъ его

(*) Слово пехническое, котораго смыслъ едва ли можно выразить *мгновенїемъ*.

именемъ новый городъ Переяславль. Кажется, что надобно представить только двухъ свидѣтелей сего поединка: Князей Печенѣжскаго и Рускаго, которые берутъ въ немъ живое участіе. Художникъ могъ бы показать великое искусство въ выразительной игрѣ ихъ лица и движеній. — Въ семъ же родѣ можно написать еще двѣ картины: бореніе Мстислава, Князя Тмушараканскаго, съ Касожскимъ Княземъ Редедю, великаномъ и богатыремъ (котораго онъ, послѣ многихъ тщетныхъ усилій, наконецъ ударивъ объ землю, ступилъ ему ногою на горло), и поединокъ — правда, баснословный — Владиміра Мономаха съ Генуэзскимъ (Кафимъ или Θεодосійскимъ) воеводою, когда онъ махомъ копьа *изъ сѣдла высадилъ*, и, связавъ, привелъ вооруженнаго къ своему войску (*):

Ярославъ, сынъ Владиміровъ, хотѣлъ просвѣтити Россію, учреждалъ школы, давалъ законы, велѣлъ перевести многія книги на Славянскій языкъ. Вотъ мысль для картины: „Ярославъ одною рукою развертываетъ свитокъ законовъ, а въ другой держитъ мечъ, гошовый наказанъ пресупника. Вельможи Новгородскіе

(*) Неспоръ не говоритъ о томъ. Даже и Генуэзцевъ еще не было тогда въ Тавридѣ.

„спановяшся на колѣна и съ видомъ смиренія пріемлютъ ихъ опѣ Князя и меча его. За Ярославомъ споятъ монахи съ переведенными книгами, въ знакъ того, что онъ въ нихъ почерпнулъ нѣкоторыя идеи для своего законодательства.“ — Хорошо также изобразить Ярослава молящагося въ полѣ передъ сраженіемъ съ лучшимъ Святополкомъ, на восходѣ солнца, и на самомъ помѣ мѣстѣ, гдѣ пролилась кровь святого Бориса, за которую Ярославъ хотѣлъ бытъ мстительемъ.

Нѣкоторые изъ Критиковъ Россійской Исторіи не хотѣли вѣрить, чтобы Генрихъ I, Король Французскій, былъ женатъ на Ярославовой дочери Аннѣ, по тому, что лѣтописи наши молчатъ о семъ бракѣ; что отдаленная Франція не имѣла тогда никакой связи съ Россією, и что различіе вѣръ должно ствовало бытъ препятствіемъ для такого союза. На сію критику возражаемъ: 1) что наши лѣтописи весьма не полны; 2) что всѣ Французскія согласно называютъ супругу Генриха Рускою Принцессою Анною, дочерью Ярослава (имена, которыя безъ сего случая едва ли могли бы имѣ бытъ извѣстны); 3) что еще гораздо прежде (въ девятомъ вѣкѣ, по лѣтописямъ Бертинскаго монастыря) были уже во Фран-

ѣти послы Рускіе; что войны и шрапматы нашихъ Князей съ Константинополемъ, съ Польшею и Венгріею, распространяли ихъ славу въ Европѣ; 4) что Полишка могла заставить и Генриха и Ярослава войти въ сей союзъ, и что привязанность одного къ Восточной, а другога къ Западной Церкви, долженствовала уступить государственной пользѣ: ибо люди едва ли не всегда предпочитали земныя выгоды небеснымъ. Однимъ словомъ, замужство Анны Ярославовны имѣетъ всю историческую достоверность — и я хотѣлъ бы оживить на полоннѣ сію любезную Россіянку; хотѣлъ бы видѣть, какъ она со слезами принимаетъ благословеніе Ярослава, отдающаго ее Посламъ Французскимъ. Это занимательно для воображенія и протрапительно для сердца. Оставитъ навсегда отечество, семейство и милыя навыки скромной дѣвической жизни, чтобы ѣхать на край свѣта, съ людьми чужими, которые говорили непонятнымъ языкомъ и молились (по тогдашнему образу мыслей) другому Богу!... Заѣсь чувствительность должна быть вдохновеніемъ Арпаста . . . Князь хочетъ казаться твердымъ; но горячность родительская въ сію минуту превозмогаетъ Полишку и честолюбіе: слезы топовы

излишься изъ глазъ его Несчастная
машь въ обморокъ.

Послѣ Владиміра Мономаха видимъ уже менѣе великихъ людей на Княжескихъ прронахъ Россіи. Внутренніе раздоры занимаютъ воинскую и политическую дѣятельность Владѣтелей. Но художество найдетъ еще богатые для себя предметы, и должно ознаменоватъ — на примѣръ — важную эпоху начала Москвы. Сказка, что Олегъ основалъ ее, недостойна никакого вниманія. Онъ шелъ изъ Новгорода къ Кіеву прямо черезъ Смоленскъ и не могъ безъ всякой нужды углубиться въ лѣвую сторону, гдѣ встрѣпили бы его болоша и пустыни, которыя не представляли ему ни добычи, ни славы побѣдъ. Вообще надобно замѣнить, что сѣверные завоеватели, пролагая себѣ пути къ невѣстной цѣли черезъ мѣсна малоизвѣстныя, старались всегда слѣдовать за теченіемъ большихъ рѣкъ, для того, чтобы не имѣть нужды въ водѣ, и что большія рѣки, вбирая въ себя влажность окрестныхъ мѣстъ, не даютъ образоваться непроходимымъ для войска болошамъ. Такимъ образомъ Днѣпръ привелъ Олега отъ Смоленска къ Кіеву. Въ наше время Историкамъ уже не позволено быть Романистами и выдумывать древнее про-

исхождение для городовъ, чтобы возвысить ихъ славу. Москва основана въ половинѣ вѣка-надесять вѣка Княземъ Юріемъ Долгорукимъ, храбрымъ, хитрымъ, власнолюбивымъ, иногда жестокимъ, но до снѣроси любителемъ красоты, подобно многимъ древнимъ и новымъ Героямъ. Любовь, которая разрушила Трою, построила нашу столицу — и я напомню вамъ сей анекдотъ Руской Исторіи. Прекрасная жена Дворянина Кучки, Суздальскаго Тысяцкаго, плѣнила Юрія. Грубые погдашніе вельможи смѣялись надъ мужемъ, который, пользуясь отсутствіемъ Князя, увезъ жену изъ Суздаля и заключился съ нею въ деревнѣ своей, тамъ, гдѣ Нерлинная впадаетъ въ Москву-рѣку. Юрій, узнавъ о томъ, оставилъ армию и спѣшилъ освободить красавицу изъ заключенія. Мѣстоположеніе Кучкина села, украшенное любовью въ глазахъ счастнаго Князя, отменно полюбилось ему: онъ жилъ тамъ нѣсколько времени, веселился, и началъ строить городъ. — Мнѣ хотѣлось бы представить начало Москвы *ландшафтомъ* — луиъ, рѣку, пріятное зрѣлище строенія: дерева, падающія, лѣсъ рѣдѣющій, отарывающія виды окрестностей — небольшое селеніе дворянина Кучки, съ маленькою

церковью и съ кладбищемъ — Князя Юрія, который, говоря съ Княземъ Свяшеславомъ, движеніемъ руки показываетъ, что тушь будетъ великой городъ — молодые вельможи занимаются ловлею звѣрей. Художникъ, наблюдая спрогую нравственную пристойность, долженъ забыть прелестную хозяйку; но вдали, среди кресновъ кладбища, можетъ изобразить человека въ глубокихъ, печальныхъ размышленіяхъ. Мы угадали бы, кто онъ — вспомнили бы прагическій конецъ любовнаго романа — и тѣнь меланхоліи не испортила бы дѣйствія картины.

Но я нечувствительно написалъ довольно страницъ; на сей разъ могу кончить, съ живымъ удовольствіемъ воображая себѣ цѣлую картинную галерею отечественной Исторіи и дѣйствіе ея на сердце любителей-Искусства. Руской, показывая чужестранцу достойные образы нашихъ древнихъ Героевъ, говорилъ бы ему о дѣлахъ ихъ, и чужестранецъ захотѣлъ бы читать наши лѣтописи — хотя въ Левекѣ!

Мы приблизились въ историческихъ воспоминаніяхъ своихъ къ бѣдственнымъ временамъ Россіи; и еслили живописецъ положишь кисть, то ваятель возьметъ рѣзецъ свой, чтобы сохранить память

Рускаго геройства въ несчастіяхъ, которыя болѣе всего открываютъ силу въ характерѣ людей и народовъ. Тѣни предковъ нашихъ, хотѣвшихъ лучше погибнуть, нежели принявъ цѣпи отъ Монгольскихъ варваровъ, ожидаютъ монументовъ нашей благодарности на мѣстѣ, обогренномъ ихъ кровію. Можемъ ли искусство и мраморъ найти для себя лучшее употребленіе? Пусть въ разныхъ мѣстахъ Россіи свидѣтельствуютъ они о величіи древнихъ сыновъ ея! Не въ однѣхъ столицахъ заключенъ Папріотизмъ; не однѣ столицы должны быть сферою благословенныхъ дѣйствій художества. Во всѣхъ обширныхъ странахъ Россійскихъ надобно питать любовь къ опечеству и *густво народное*. Пусть въ залахъ Петербургской Академіи Художествъ видимъ свою Исторію въ картинахъ; но въ Владимірѣ и въ Кіевѣ хочу видѣть памятники геройской жертвы; которою ихъ жители прославили себя въ 15 вѣкѣ. Въ Нижнемъ Новѣгородѣ глаза мои ищутъ статуи Минина, который, положивъ одну руку на сердце, указываетъ другою на Московскую дорогу. Мысль, что въ Рускомъ опшадленномъ отъ столицы городѣ дѣлаи гражданъ будутъ собираться вокругъ монумента славы, читаишь надпись и го-

ворить о дѣлахъ предковъ, радуешь мое сердце. Мнѣ кажется, что я вижу, какъ народная гордость и славолюбіе возрастаютъ въ Россіи съ новыми поколѣніями! . . . А тѣ холодные люди, которые не вѣрятъ сильному вліянію *Изящнаго* на образованіе душъ, и смѣются (какъ они говорятъ) надъ *романтизмомъ* *Патріотизмомъ*, достойны ли опивѣта? Не отъ нихъ опечеснво ожидается великаго и славнаго; не они рождены сдѣлать намъ имя Руское еще любезнѣе и дороже. — Повторимъ истину несомнипелъную: въ девятомъ - десятомъ вѣкѣ одинъ только народъ можетъ быть великимъ и почтеннымъ, который благородными Искусствами, Литературою и Науками способствуетъ успѣхамъ человѣчества въ его славномъ теченіи къ цѣли умственнаго и моральнаго совершенства!

О. О.

III.

Нынѣшній вкусъ.

(Изъ Парижскаго Журнала).

Всѣ парикмахеры увѣряютъ, что наши франты скоро начнутъ пудриться; всѣ поршные, что будемъ носить шпшые

кафшаны; всѣ шляпники, что плюмажи войдутъ въ моду; всѣ шпажники, что молодые люди и спарики опять вооружаются шпагами; башмашники, что воскреснутъ высокіе деревянные каблуки; фабриканшы, что бархатъ и шелковыя матеріи замѣнятъ все другое. Однакожь видимъ вездѣ непудренныя головы, фраки и сапоги. Нарядъ въ общей немилосши, и всѣ одѣваются на скорую руку.

Прежде во всемъ видна была спросъ и важность: въ разговорахъ, въ собраніяхъ, на лицахъ, въ морали и въ самыхъ обыкновеніяхъ: теперь видимъ совершенно прошивное. Разговоры шумны; общества состоятъ изъ молодыхъ вѣтренниковъ; всѣ лица смѣются; Мораль легка и свободна; а старинныя обыкновенія забыты. Чѣмъ менѣе одѣта женщина, тѣмъ она лучше одѣта. Снисходительность есть нынѣ модная добродѣтель. Даже Авторы хвалятъ изрѣдка другъ друга; даже красавицы отдаютъ иногда справедливость ихъ совмѣстницамъ. Ощаспливыя времена!

Дневныя записки молодой женщины.

(Изъ Парижскаго Журнала.)

Одинъ Моралистъ совѣщаетъ свѣтскимъ людямъ всякой вечеръ записывать, что они дѣлали или говорили въ этотъ день: способъ дѣлать и говорить лучше, болѣе наслаждаться жизнью или пользоваться временемъ! Вчера я думалъ о томъ, гуляя въ Поляхъ Елисейскихъ, и вдругъ увидѣлъ на стулѣ шепрадку, безъ сомнѣнiя тамъ забытую. Любопытство заставило меня развернуть ее: что же? Я нашелъ въ ней журналъ, подобный тому, кошорый хотѣлось мнѣ вести для себя, но столь различный слогомъ и чувствами, что одна половина казалась записками молодой щеголихи Анпинской улицы (*), а другая Журналомъ старомодной Парижской мѣщанки; но рука была одна. Пусть красавица назоветъ меня нескромнымъ: только я напечаю въ листахъ своихъ два нумера изъ сего Журнала.

„20 Августа, въ 8 часовъ утра. Я проснулась въ великой усталости отъ

(*) Гдѣ живутъ всѣ вытѣшнiе Парижскiе богачи.

вчерашняго бала, и спала очень дурно... Гдѣ Меланида взяла такое удивительное покрывало и такую неподобную звѣзду? ... Ленваль явно угождаетъ сестрѣ ея. Онъ пожалъ мою руку: боюсь, чпобы глаза мои не сказали ему чего нибудь лишняго. — Праздникъ былъ прекрасной; все великолѣпно, и въ новомъ вкусѣ... Непремѣнно оспавляю своего Ювелира и *Модиста*. . . .

Въ 10 часовъ. Звонила нѣсколько разъ; но когда вошла дѣвка, то я побранила ее, что она будитъ меня такъ рано. . . . Лизета растворила окно въ садъ: тамъ пѣлъ садовникъ и малиновка. . . . Я не люблю веселья ппичекъ, и пошчасъ велѣла закрыть окно. Спросила книгу; мнѣ подали новый романъ Гражданина Фьеве: онъ вѣчно заставляеть меня зѣвать. Могла прочиташъ не болѣе десятии спрокъ. . . . Шоколадъ показался мнѣ дуренъ. . . . Я хочу ѣхашъ верхомъ въ Булонской лѣсѣ и пить тамъ свѣжее молоко. . . . Мнѣ пришли сказать, что мужъ мой не въ состоянїи удовольствовашъ своихъ заимодавцевъ и желаетъ говоришь со мною; но онъ не знаетъ времени. . . . Лошади для меня гошовы. Верваль хотѣлъ ѣхашъ со мною, и забылъ нашъ уговоръ. Это разсердило меня. Я не могла

пить деревенскаго молока; усшала до смерти и, возвращась, велѣла согнать съ двора конюшаго своего съ женою и съ дѣшми, потому что лошадь моя дорогою споткнулась.

Въ 5 часа. Мужъ мой опять желалъ говорить со мною, но Ювелиръ меня дожидался: это всего нужнѣе. Я сказала, что хочу оставить его: онъ подалъ счетъ. — Я заказала ему звѣзду въ пять разъ дороже моей, и мы распались друзьями. Черезъ минушу пришелъ Модиспъ. Онъ далъ слово сдѣлать къ нынѣшнему балу моему безпримѣрной *пюрбанъ*, какого еще не видали въ Парижѣ. Я согласилась забыть вчерашнее свое опчаянiе.

Въ 5 часовъ. Я была въ *Музеумъ*: какая скука! . . . заѣзжала въ *Лицей*: какая шоска! . . . взяла обои у *Линьерё*, коверъ у *Гортъе*. . . Мужъ вспрѣшилъ меня дома съ печальнымъ лицомъ и хотѣлъ говорить о болѣзни сына *его*; я напомнила ему о сегодняшнемъ балѣ и совѣщовала не пугать гостей нашихъ такими осеннимъ видомъ.

Въ 7 часовъ. Мы обѣдали съ модными остроумцами, которыхъ зовемъ для забавы, и которые скучны до смерти. Я спѣшила уйти въ свой кабинетъ съ однимъ молодымъ человекомъ; но пришли

гости, и мнѣ надлежало запереться въ своей уборной. Служанки выводили меня изъ шерпѣнїя. Я надѣвала чепыре плашья, и выбрала наконецъ самое дурное. Мнѣ все казалось несноснымъ. Въ десятомъ часу поѣхала въ спектакль: тамъ опускали занавѣсъ. Актеры играютъ только для народа, — не для насъ. Въ 11 часовъ начался мой балъ — прекрасной, блестящей; только однихъ гостей я не знала въ лицо, а другіе мнѣ были скучны. Нѣкоторые смотрѣли на меня съ видомъ насмѣшки . . . Я много проиграла въ карты, и во весь эшотъ несносной вечеръ страдала какъ въ аду . . . Мужъ мой казался печальнымъ; я также но должно непременно давать праздники, и я чрезмѣрно обрадовалась что нашъ балъ кончился.

Журналъ 20 Сентября. Я спала тихимъ и покойнымъ сномъ, хопя два раза вспавала для своей маленькой дочери. Въ 7 часовъ гуляла въ саду съ мужемъ своимъ: никогда воздухъ не казался мнѣ столь чистымъ, а мужъ столько любезнымъ! Онъ говорилъ мнѣ о своихъ дѣлахъ и нашихъ дѣтяхъ; а я не сказала ему ни слова о моихъ весельяхъ, и была весела. Мы вмѣстѣ завтракали съ великимъ удовольствіемъ. Въ 8 часовъ я повѣрила

счета дворцоваго и дала ему награжденіе за то, что онъ сдѣлался гораздо бережливѣе. Потомъ чинала Лафонпеновы бани съ моею дочерью. Въ 10 часовъ пришелъ ко мнѣ старинной другъ, о которомъ мы два года не думали, но котораго я нынѣ захопѣла видѣть. Мы долго разговаривали о мужѣ моемъ, о дѣтяхъ нашихъ и воспитаніи ихъ. Онъ предложилъ мнѣ ѣхать къ сыну моему въ пансіонъ, въ которомъ я еще не была ни разу. Бѣдной ребенокъ едва узналъ меня; но я расцѣловала его — спрашивала, какъ его содержатъ и чему учатъ; дала слово всякую недѣлю ѣздить къ нему, и надѣюсь, что онъ уже никогда не забудетъ меня въ лицо. Въ 3 часа я сѣла за форте-піано; дочь моя слушала меня съ великимъ удовольствіемъ. Въ пятомъ часу я одѣлась къ обѣду. У насъ было мало гостей; но за первую переменною всѣ много ѣли, за второю много разговаривали, а за десертомъ много смѣялись. Въ 6 мы пили кофе въ саду. Въ семь поѣхали въ Театръ и видѣли цѣлую Вольперову трагедію; возвращаясь домой, говорили обо всемъ, кромѣ модъ, баловъ, хорошихъ обществъ, и въ 11 часовъ пошли спать, будучи весьма довольны нынѣшнимъ днемъ.

Общества въ Америкѣ.

(Переводъ съ манускрипта.)

Духъ торговли есть главный характеръ Америки. Всѣ стараются пріобрѣтатиъ. Богатство съ бѣдностію и рабствомъ является въ разительной *противности* (contraste). Собственно такъ называемый народъ имѣетъ весьма не много средствъ наслажденія. Но и самые богачи не знаютъ истинныхъ пріятностей общежитія. Роскошь въ Европѣ соединяетъ людей, а здѣсь она холодна и заключается въ тѣсномъ кругу семейства. Домъ украшенъ богатыми Англійскими меблями, коврами, а хозяинъ живетъ въ немъ какъ въ неприступной крѣпости; одни рекомендабельныя письма Англійскихъ конторъ могутъ ввести иностранца въ здѣшніе богатые дома, и то единственно по купеческимъ связямъ; для ученыхъ и художниковъ двери затворены. Бываютъ исключенія, но правило остается въ своей силѣ. Нѣкоторыхъ извѣстныхъ Писателей, на примѣръ Бриссопа, ошмѣнно ласкали въ Америкѣ для того, чтобы они до небесъ превознесли ея благоденствіе — и многіе несчастные, особливо Нѣмцы,

которыхъ они заманили въ Соединенныя Области, плащятъ слезами за свое легковѣрїе.

Я въ разныхъ мѣстахъ пользовался рѣдкимъ щастїемъ быть въ Американскихъ обществахъ; но это щастїе не рѣдко бывало для меня скукою. Главное удовольствїе Американцевъ есть сидѣть долго за столомъ по Англійскому обычаю; ѣсть и не говорить ни слова, до самой шой минушы, какъ принесутъ на столъ бушылки — женщины скрываются, и важные Республиканцы, краснѣя отъ вина, дѣлаются краснорѣчивыми.

Чѣмъ болѣе удаляешься отъ Новой Англїи, тѣмъ менѣе находишь общеспвенныхъ прїятностей и вкуса въ жизни. Люди богаты и грубы; особливо въ Филадельфїи, гдѣ богачи живутъ только для себя, въ скучномъ единообразїи — ѣдятъ и пьютъ. Бингамъ, который, будучи Французскимъ Агентомъ во время Американской Революцїи, нажилъ милліоны, никогда не хотѣлъ звать женщинъ на пиры свои. Робертъ Моррисъ и Губернаторъ Мифлинъ славились гостепрїимствомъ, которое состояло единственно въ томъ, чтобы поить своихъ гостей. Домъ Президента Вашингтона считался первымъ; однакожь, наблюдая во всемъ стро-

гую благоприспѣшность, онѣ не умѣлъ пріятнымъ образомъ занимать людей, былъ сухъ, холоденъ и походилъ своею важностію на какого нибудь Азіатскаго Царя; всякой, приходя къ нему, молчалъ и дожидался, чтобы Вашингтонъ началъ самъ говорить. Въ день аудіенціи онѣ ни о чемъ болѣе не разсуждалъ, какъ о погодѣ. Самые друзья шутили надъ нимъ, и собираясь итти къ нему, обыкновенно повсоряли: „теперь узнаемъ всѣ перемѣны барометра!“ Это безъ сомнѣнія не уменьшаетъ достоинствъ великаго человека, который, не умѣя говорить, умѣлъ дѣйствовать.

Со времени Французской Революціи поселились въ Бальтиморѣ многіе Французы, и ввели въ обыкновеніе госпепріимство, игру и маленькіе балы. Тамъ есть и театръ, Англійской и Французской. — Что выдесть изъ главнаго новаго города, *Вашингтона*, еще не извѣстно: нынѣ живутъ тамъ по большой части одни рабочники. Въ 1796 году число жителей простиралось только до 5000. Французъ, именемъ Ланфанъ, сдѣлалъ планъ для сего прекраснаго города, который имѣетъ въ окружности 14 Французскихъ миль, и котораго улицы прямыми углами одна другую перерѣзываютъ, такъ что всѣ

идуть отъ сѣвера къ югу или отъ востока къ западу, будучи въ ширину 100 футовъ. Всякая изъ нихъ называется именемъ провинціи Соединенныхъ Областей и примыкаетъ къ большой площади, которая будетъ украшена статуями достойныхъ сыновъ отечества. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, на берегу Потомака, находишся Вернонъ, обыкновенное жилище Вашингтона.

VI.

Китайскія газеты.

Въ Китаѣ всякую недѣлю издавна выходятъ газеты въ большой форматъ, печатаемыя на шелковой матеріи. Въ нихъ не бываетъ никакихъ извѣстій о другихъ земляхъ; но за то онѣ весьма богаты всякаго рода Китайскими новостями, могутъ назваться лѣтописями сего государства, и славятся вѣрностію. Въ 1726 году одинъ чиновникъ осмѣлился напечатать въ нихъ ложное извѣстіе: его позвали въ судъ и казнили. Съ того времени не было уже подобнаго случая. Китайскіе Императоры не рѣдко сами берутъ на себя должность ихъ Цензора. Славный Кіен - Лонгъ весьма любилъ заниматья

сею ценсурою ; а нынѣшній въ 1798 году сочинилъ и внесъ въ газеты похвальное слово опцу своему. Въ нихъ описывали Макартнеево пупешествіе ; но Императоръ вздумалъ , что Европейцы могутъ употребить во зло сіи извѣстія , и запретилъ указомъ писать и говорить о томъ.

VII.

*Сельское кладбище , Гресса Элегія ,
переведенная съ Англійскаго.*

(Переводчикъ посвящаетъ А. И. Т — у.)

Уже блѣднѣетъ день , скрываясь за горою ;
Шумяція снада толпящя надъ рѣкой ;
Усталый селянинъ , медлительной спопою ,
Идетъ здумавшись въ шалашъ покойный свой.
Въ шуманномъ сумракѣ окрешность ис-
чезаетъ !

Повсюду тишина ! повсюду мертвый сонъ !
Лишь изрѣдка , жужжа , вечерній жукъ мель-
каетъ ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ (*) !
Лишь дикая сова , спеня подъ древнимъ сводомъ

(*) Въ Англїи привязываютъ колокольчики къ рогамъ барановъ и коровъ.

Мохнатой башни сей, винитъ передъ луной
Заблуждшихъ странниковъ, разрушившихъ
приходомъ

Ея безмолвнаго владычества покой!

Во мракъ черныхъ соснъ и вязовъ наклоненныхъ,
Которы у могилъ развѣсившись шумящъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спящъ!
Дыханіе зари, гласъ ушра золошова,
Ни крики пѣшуха, ни ранній звукъ роговъ,
Ни трели ласпочки съ соломеннаго крова,
Ничто не воззоветъ почившихъ изъ гробовъ!
Пылающей огонь, въ горнилахъ развѣвая,
Ихъ въ зимни вечера не будешъ веселишь,
И чада ябжныя, приходъ ихъ упреждая,
Не будущъ съ жадностью лобзаній ихъ ловишь,
Какъ часто ихъ серпы злапую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы пренептали,
И потомъ ихъ лица кропилася земля!
Пускай рабы суетъ ихъ жребій презирающъ,
Смѣюша дерзостно полезнымъ ихъ трудамъ;
Пускай съ холодною надменностью внимающъ
Таящимся во шемъ убогова дѣламъ!
На всѣхъ ярился смерть! Царя, любимца славы,
Всѣхъ ищетъ грозная — и нѣкогда найдешъ!
Всемощныя Судьбы незыблемы устави :
Спезя величія ко гробу насъ ведетъ!
А вы, наперсники форшуну ослѣпленны,
Не смѣйте спящихъ здѣсь безумно укорять

За то, что гробы ихъ не пышны и забвенны,
 Что лестъ имъ олшарей не хочеть воздвигать!
 Вотще надъ мертвыми, исплѣвшими костями
 Трофеи зиждущся, надгробія блестятъ;
 Вотще гласъ почестей, звучащъ передъ гро-
 бами —

Угасшій пепелъ нашъ, они не воспальятъ!
 Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою,
 И невозвратную добычу возвратишь?
 Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморной
 доскою!
 Надменный мавзолей лишь персть ихъ бре-
 менитъ.

Ахъ! можетъ быть, подъ сей могилую щайшся
 Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшего любить,
 И кровожадной червь въ сухой главѣ гнѣздится,
 Рожденной бышь въ вѣнцѣ, иль мыслями паришь!
 Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,
 Угрюмою судьбой для нихъ былъ зашворенъ:
 Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями;
 Ихъ Геній, не родясь, неволей умерщвленъ!
 Какъ часто рѣдкой перлъ, волнами сокровенной,
 Въ бездонной пропасти сияетъ красотою!
 Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
 Въ пустынномъ воздухѣ перья запахъ свой!
 Бышь можешь, пылью сей покрытъ Гампенъ
 надменный,
 Защитникъ сельскихъ правъ, тиранства смѣ-
 лый врагъ;

Иль кровію гражданъ Кромвель не обогранный ;
Или Мильтонъ нѣмой, безъ славы скрытый
въ прахъ.

Сенашомъ управляшь державною рукою ,
Сражаешься съ вихремъ бѣдъ, форшуну пре-
зираешь ,

Дары обилія на смертныхъ лишь рѣкою ,
Въ слезахъ признашельныхъ дѣла свои читаешь —
Сего лишилъ ихъ рокъ — но вмѣстѣ пре-
ступленьямъ

Онъ съ доблестями ихъ предѣлы положилъ —
Бѣжатъ спешей убійствъ ко славѣ, насла-
жденьямъ ,

И были жестокими къ страдальцамъ за-
претилъ ;

Таишь въ душѣ своей гласъ совѣсти и чести ,
Румянецъ робкія спыдливости шеряешь ,

И раболѣпствуя на жертвенникахъ лести ,
Дары небесныхъ Музъ гордынѣ посвящаешь !

Скрываясь отъ мірскихъ погибельныхъ смя-
теній ,

Безъ страха и надеждъ , въ долину жизни сей,
Не зная горести , не зная наслажденій ,

Они безопасно шли шопинкою своей !

Здѣсь мирный пепелъ ихъ почиетъ подъ землёю ,

И скромный памятникъ во мракѣ соснѣ густыхъ ,

Украшенъ надписью и рѣзбою простою ,

Зовешь прохожаго вздохнушь надъ прахомъ ихъ !

Любовь на камнѣ семъ ихъ память сохранила :

Ихъ лѣта , имена пощилась начерпашъ ,

Евангельску мораль вокругъ изобразила ,
 По коей должны мы учиться умирать !
 И кто съ сей жизнью безъ горя разлучался !
 Кто прахъ свой по себѣ забвенью оставлялъ !
 Кто въ часъ послѣдній свой симъ миромъ не
 плѣнялся ,
 И взора горькаго назадъ не обращалъ !
 Ахъ ! сердце нѣжное , Природу покидая ,
 Надѣется друзьямъ оставишь пламень свой ,
 И взоры тусклые , навѣки угасая ,
 Еще стремятся къ нимъ съ послѣднею слезой !
 Для нихъ гласъ нѣжности въ могилѣ нашей
 слышенъ ,
 И камень гробовой надъ нами оживленъ ;
 Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ холодной
 урнѣ дышетъ ! —
 Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ !
 А ты , почившихъ другъ , пѣвецъ уединенный !
 И твой ударитъ часъ послѣдній , роковой !
 И къ гробу твоему , тихою заведенный ,
 Чувствительный придетъ услышать жребій
 твой !
 Быль можетъ — селянинъ , покрытый сѣдиною ,
 Воспомнитъ о тебѣ и будетъ говорить :
 „Онъ часто , по ушрамъ , встрѣчался здѣсь
 со мною ,
 Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить !
 Тамъ часто онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой ,
 Поднявшей изъ земли косматый корень свой !
 Тамъ часто въ горести безпечной , молчаливой ,

Лежалъ надъ тихою, прозрачною рѣкой!
 Не рѣдко, ввечеру, скипаясь межъ кустами, —
 Когда мы съ поля шли, и въ роцѣ соловей
 Свиспалъ вечерню пѣснь — онъ помными очами
 Уныло слѣдовалъ за тихою зарей!
 Грустя, задумавшись, поскою ошатченный,
 Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лишь,
 Какъ странникъ, родины, друзей, всего ли-
 шенный,
 Котораго и жизнь несносно бременишь!
 Наспало утро — ахъ! — онъ съ утромъ не
 являлся!
 Ни къ ивѣ, ни на холмѣ, ни въ лѣсѣ не при-
 ходилъ!
 Другое пришекло, нигдѣ онъ не встрѣчался!
 Мой взоръ его искалъ — искалъ — не находилъ.
 На утро пѣніе я слышу гробовое:
 Несчастнаго несли въ могилу положить!
 Приблизься и прочши надгробіе простое
 На дикомъ камнѣ семѣ, подѣкоимъ онъ лежишь.“

Эпитафія.

Здѣсь пепелъ юноши въ сырой землѣ сокрыли.
 Чшо слава, щастіе, не зналъ онъ въ мірѣ семѣ!
 Но Музы онъ него лица не опврашили,
 И меланхоліи печать была на немѣ.
 Онъ крошокъ сердцемъ былъ, чувствивителенъ
 душою:
 Чувствивительнымъ Творецъ награду положилъ!

Дарилъ несчастныхъ онъ — чѣмъ только
 могъ — слезою!
 Въ награду онъ Творца онъ друга получилъ.
 Прохожій, удались! во гробъ сонъ священный:
 Судьба почившихъ въ немъ покрыва грозной
 льмой.
 Надежда робкая живишь ихъ пепелъ пѣбный...
 Кто знаешь, что насъ ждешь за гробовой
 доской?

В. Жуковский.

VIII.

Эпитафія В. А. Засѣцкому.

Въ землѣ — лишь прахъ его; душа — на
 небесахъ.
 Онъ мертвъ — покоишься; мы живы — но
 въ слезахъ.

Ник. Остолоповъ. -

ПОЛИТИКА.

I.

*О выгодахъ торговли по Черному морю
для Франціи и Россіи.*

*(Сочиненіе Поляка Малекевскаго, который
служилъ во Французскомъ Польскомъ Ле-
гионѣ и теперь живетъ въ Парижѣ.)*

Издавна всё произведенія сѣвера вывози-
лись только черезъ Балтыйское море. На-
конецъ Поляки вздумали избавиться отъ
неумѣренныхъ пошлинъ Короля Прусскаго;
увѣрились, что путь Чернаго моря во
всѣхъ отношеніяхъ для нихъ гораздо вы-
годнѣе, и сообщили умный планъ свой
Варшавскому Кабинету, знавшему богат-
ство южныхъ провинцій моего отечества
и важность ихъ произведеній для торго-
вли и морскихъ силъ Франціи. Онъ хо-
тѣлъ всячески способствовать успѣху
такого великаго предпріятія; но Рево-
люція отвлекла его вниманіе отъ внѣш-
ней Политики — а скоро и Польша утра-
тила имя и бытіе свое.

Сии южныя провинціи орошаются
премя большими рѣками: Днѣпромъ или

Бориспеномъ, который за Херсономъ впадаетъ въ Черное море; Бугомъ, текущимъ къ Очакову, и Днестромъ, котораго устье близъ Акермана. Сїи рѣки въ теченїи своемъ гораздо пространнѣе Вислы и Нимена, сихъ единственныхъ путей нашей торговли къ Бальпійскому морю. Сверхъ того земли, черезъ которыя онѣ текутъ, не смотря на худое прилѣжаніе людей, могутъ назваться, въ разсужденїи главныхъ потребностей человѣка; справою обѣшанною. Въ доказательство тамошняго изобилїя скажу, что одна Украина содержала всѣ Русскїя арміи отъ начала до конца послѣдней Турецкой войны.

Тамъ множество древнихъ лѣсовъ, которые вѣдиль осматривать главный Тулонскїй надзиратель корабельнаго строенїя. Мачты, отправляемыя изъ Риги во Францію, въ 18 или 20 мѣсяцевъ доходятъ до своего назначенїя отъ мѣста ихъ срубки: напротивъ того по Черному морю онѣ могутъ быть въ Тулонской гавани черезъ три мѣсяца. — Ирландскїя соленыя мяса не лучше Украинскихъ, а по крайней мѣрѣ вдвое дороже. Пенька, шерсть, парусина, кожи, селитра, смола, конопляное масло, медъ, сало, хлѣбное вино — все находится тамъ въ изобилїи;

а воскъ такъ дешевъ въ Украинѣ, что Австрійскіе купцы отправляютъ его сухимъ путемъ въ Галлицію, а отсюда черезъ Молдавію и Австрію, также сухимъ путемъ, въ Тріестъ, гдѣ они продаютъ его съ великимъ барышемъ. Табакъ Украинскій, по сдѣланной въ 1757 году пробѣ, оказался не хуже Виргинскаго, и главные Французскіе откупщики хотѣли тогда съ Варшавскими Банкирами заключить контрактъ для поставки его во Францію; но война не дозволила имъ исполнить сего намѣренія. — Поташъ, издавна отправляемый во Францію изъ Давцига, Эльбинга и Кенигсберга, есть также Украинское произведеніе; слѣдственно доставленіе его будетъ гораздо удобнѣе черезъ Херсонъ.

А какъ сія земля, споль богатая естественными произведеніями, почти совсѣмъ не имѣетъ мануфактуръ, то Франція можетъ по Черному морю присылать сюда свои шелковыя матеріи, сукна, вина, оливковое масло, ликёры, сахаръ, кофе, пряности, лекарства и проч. Сія торговля будетъ весьма выгодна для южныхъ провинцій ея, лежащихъ на берегу Средиземнаго моря. Даже и всѣ Левантскіе товары могли бы привозиться сюда на Французскихъ корабляхъ. Сія

торговля нынѣ въ рукахъ Армянъ и Жидовъ, которые ввозятъ ихъ черезъ Молдавію, и хотя подвержены всякаго роду обидамъ и притѣсненіямъ, однакожь находятъ еще способъ имѣть барышъ.

Французы скоро начали бы вывозить изъ Украйны и ввозить въ нее болѣе товаровъ, нежели Англичане и Голландцы, торгующіе нынѣ черезъ Балтійское море съ Данцигомъ, Кенигсбергомъ и Ригю: ибо Днѣпръ, Бугъ и Днѣстръ идушъ во внутренность земли далѣе, нежели Висла и Нимень; надобно только сдѣлать ихъ вездѣ судоходными. Каналъ Мухамскій, соединяющій Вислу съ каналами Пацибекскимъ и Огинскимъ, можетъ соединить и Борисень съ Нименомъ: тогда вся Польская торговля обратилась бы къ Черному морю. — Россія, обладая нынѣ сими богатыми провинціями, безъ сомнѣнія воспользуется ими для общихъ выгодъ своей коммерціи; а черезъ то утвердился и связь ея съ Франціею, къ обоюдной пользѣ сихъ двухъ великихъ Государствъ. Здѣсь Французы не встрѣтились бы съ тѣмъ кипрскимъ народомъ, который хочетъ завладѣть торговлею цѣлаго свѣта черезъ свои капиталы, мануфактуры и Полипику, основанную единственно на Коммерціи. Французская

Республика, имѣя такое сильное политическое вліяніе, близкія гавани и флотъ на Средиземномъ морѣ, должна пользоваться своими выгодами, и хошя гдѣ нибудь пересилишь Англичанъ.

II.

Извѣстія и замѣчанія.

Швейцарія.

Президентъ Швейцарскаго Сейма, славный Алойсъ Редингъ, Генераль Ауфдермауръ и Цирихскій ученый Гирцель, взяты подъ стражу Французскимъ Генераломъ Неемъ и заключены какъ преступники въ Арбургской крѣпости. Эрлахъ, Ваштенвиль и другіе Бернскіе Аристократы также (какъ слышно) будутъ посажены въ темницу. . . Всѣ тѣ, которые занимающа проишествіями времени, судьбою государствъ и челоѣчества, по справедливости должны были удивиться такому дѣйствію строгости, напоминающему жестокія правила Революціи. Мы сомнѣваемся въ папріотической добродѣтели Рединга и друзей его, и не хвалимъ Бернской Олигархіи, которую они

хотѣли возстановить ; но Франціи ли наказывать сихъ гражданъ ? Когда бы Сеймъ сопротивлялся , тогда бы Генераль Ней имѣлъ неограниченное право завоевателей ; но обѣщать мирное посредство и схватить безоружныхъ людей какъ пресупниковъ — самыхъ тѣхъ , копорыхъ Бонапарте звалъ въ Парижъ для совѣта , и копорые шоржественно объявили , что они не хотятъ пропиться силѣ — кажется намъ великою несправедливостію. Не Франція ли ввергнула Швейцарію въ хаосъ анархіи ? не Франція ли способствовала многимъ революціямъ въ Гельветическомъ правленіи ? не ея ли Министры были главною опорою тамошнихъ чесполюбцевъ ? Слѣдственно она менѣе всѣхъ другихъ Европейскихъ Державъ можетъ винить Швейцаровъ ; признавъ же , Люневильскимъ пракпашомъ , ихъ независимость , должна была отказатьсья отъ средствъ насилія и деспотизма. Соглашаемся , что послѣдняя Гельветическая Конспишунція могла бы успокоить Швейцарію ; соглашаемся , что Редингъ и друзья его только по личнымъ спрашьямъ хотѣли испровергнуть ее ; но естли всѣ Кантоны и города пристали къ нимъ , то они уже оправданы. Бонапарте могъ ввести Французское войско

въ Гельвецію , но единственно для сохраненія порядка , для обузданія черни , для свободы выборовъ и законодательныхъ дѣйствій въ сей Республикѣ , а не для того , чтобы сажать въ темницу знаменитыхъ гражданъ , удостоенныхъ общей довѣренности . Каковъ ни есть Редингъ , но сограждане почитаютъ его ; влѣянiе , которое онъ имѣетъ на общую волю , есть дѣйствiе свободы ихъ , и законно , еслили они составляютъ народъ независимый . Должно помогать сосѣдамъ , но не должно быть ихъ припѣснителямъ .

Мысль собрать Депутатовъ Гельвеціи въ Парижѣ льстивъ самолюбію Консула , но оскорбительна для патриотизма Швейцаровъ , которые умѣли быть свободными гораздо прежде Французовъ и безъ униженія не могутъ явиться въ передней гражданина Талерана . Еслили опрасль древней славной фамиліи кажешся намъ почтенною ; еслили великія дѣла человека бросаютъ какой - то лучъ на самыхъ опдаленныхъ его потомковъ : то Швейцары могутъ требовать всеобщаго уваженія . Они не Чизальпинцы , пожалованные Консульскимъ указомъ въ преемники древнихъ Римлянъ . Не въ тиши и шумно въ Парижѣ , гдѣ люди всегда превращали басню Хамелеона въ истину ,

но среди гордыхъ Альпъ, гдѣ болѣе чепырехъ вѣковъ гремѣло имя свободы — на равнинахъ, гдѣ паснухи, одушевленные любовію къ отечеству, испребляли лучшія Европейскія арміи — среди величественныхъ предметовъ Напуры и славныхъ воспоминаній народнаго геройства должны сыны Гельвеціи совѣтоваться о благѣ страны ихъ и средствахъ воскресить патриотизмъ въ гражданахъ. Пусть тамъ легіоны Французскіе въ почтительномъ опдаленіи окружаютъ ихъ своими дружескими щипцами, чптобы революціонная необузданность — сіе чудовище, которое родилось во Франціи — не мѣшала спокойному дѣйствію умовъ и законодательной мудрости! Пусть Бонапарте, какъ другъ народнаго благоденствія, объявитъ имъ свое мнѣніе о лучшемъ образѣ правленія для Гельвеціи, не требуя Депутатовъ передъ Консульскою тронъ свой! Тогда онъ воспуилъ бы какъ великодушный властелинъ и герой добродѣтели; а теперь поступаетъ — какъ *Генералъ Европы*, дающій воинскіе строгіе приказы!

Знаемъ, что власть и сила могутъ смѣяться надъ идеями Филантроповъ; знаемъ, что о вкусахъ спорить недолжно (по старинной Латинской пословицѣ), и что иному пріятнѣе жить въ какомъ

нибудь великолѣпномъ замкѣ, нежели въ храмѣ богини Кліо; но въ такомъ случаѣ не надобно уже думать о славѣ, не надобно говорить о *потомствѣ*, *справедливости*, *миѣннн вѣковъ*: ибо не Префекты Сен - Клудскаго замка будутъ писать Исторію!

Слышно, что Министръ Талеранъ изготавилъ уже *новѣйшую* Конспитуцію для Швейцаріи къ пріѣзду Депушатовъ въ Парижъ. Французы набили руку въ семь дѣлъ: нигдѣ не сочиняется столько романовъ и конспитуцій, какъ въ Парижѣ!

Гельветическое Правительство обнародовало свое оправданіе, которое еще болѣе обвиняетъ его въ глазахъ народа. Оно говоритъ, что Швейцары заслуживаютъ свое бѣдствіе, дерзнувъ воспашь противъ власпей своихъ; но можетъ ли назваться народною та власть, которую ненавидитъ народъ? а сію ненависть заслужило Гельветическое Правительство своею безразсудною жестокостію противъ несчастнаго Цириха. И можетъ ли избранное Республиканское начальство говорить такія грубости *всей* націи, то есмь, утверждаетъ, что она безразсудна, не знаетъ своей пользы и во всемъ виновата? Демосеенъ жестоко бранилъ Аѣинявъ; но онъ говорилъ какъ простой гражданинъ;

а начальство избранное, унижая народъ, сослабляетъ обвиненную силу свою, которую оно единственно отъ него получило. Гельветическое Правительство должно было или молчать, или говорить только о заблужденіи *нѣкоторыхъ*, а не *всѣхъ*. Надобно по крайней мѣрѣ сохранять присойность, когда уже справедливостъ нарушена.

Къ несчастію, мы не видимъ еще, какъ миръ и благоденствіе могутъ быть воспановлены въ бѣдной Швейцаріи.

П а р и ж ъ.

Пушечные выстрѣлы дали знать Парижу, что Консулъ возвратился въ Сен-Клу. Сенатъ, Законодательный Корпусъ и Трибуналы спѣшили изъявить ему свое усердіе, радость, и проч. и проч. Вице - Президентъ Сената, бывший Генераль Периньонъ, въ пышной своей рѣчи совѣщевалъ ему, чптобы онъ и впредь путешествовалъ такимъ образомъ для ободренія Французской промышленности.

Изъ всѣхъ орасторскихъ привѣтствій, съ которыми встрѣчали Консула въ большихъ и малыхъ городахъ, самое лучшее есть крашкая рѣчь Амьенскаго Мера,

представленнаго ему въ Бове. Вотъ она :
 „Генералъ Первый Консулъ! Депутаты
 „Амьенскаго Совѣща, органы всѣхъ граж-
 „данъ , приносятъ вамъ дань любви ихъ ,
 „съ изъявленіемъ желанія , чтобы вы
 „посѣтили нашъ городъ. Вы видѣли берега
 „Еры и Сены : берега Сомы пребудутъ
 „вашего присутствія. Жители ихъ также
 „трудолюбивы ; они старшіе сыны Фран-
 „ціи. Исторія доказываетъ искренность
 „характера ихъ ; а какъ одна истина
 „можетъ достойно славить васъ , то
 „спѣшите , Генералъ Консулъ , принявъ
 „наши благословенія. Вы увидите дѣя-
 „тельность торговли , и еще болѣе ожи-
 „вите ее ; увидите поля , обогащенные
 „трудолюбіемъ. Мы покажемъ вамъ мѣста ,
 „гдѣ храбросиь нашихъ предковъ спорила
 „со щастіемъ Рима ; гдѣ стояли Легіоны
 „Цесаревы , и гдѣ сражался Генрихъ. Сія
 „великія воспоминанія подадутъ случай
 „къ любопытнымъ сравненіямъ. Генералъ
 „Первый Консулъ! вы прославили нашъ
 „городъ (*): имя его гремитъ во всей
 „Европѣ , мѣшаясь съ гимнами мира.
 „Взгляните на храмъ , вами ему посвя-
 „щенный. Да увидятъ васъ наши согра-
 „ждане , и да увѣрятся , что творецъ

(*) Тамъ заключенъ миръ съ Англією.

„столь многихъ и благодѣтельныхъ чу-
 „десъ не есть Герой баснословный!“ —
 Похвала велика, но такъ умна, что и
 враги-лесни могутъ чашать ее съ удоволь-
 ствiемъ. Умъ, талантъ и вкусъ даже и
 во Франціи не весьма обыкновенны.

На примѣръ: Парижскіе Журналисты
 говорятъ, что Бонапарте, осмотрѣвъ
 Руанскія мануфактуры, напоминаетъ
 ПЕТРА Великаго, который также осма-
 ривалъ фабрики въ Голландіи, Англiи,
 Франціи, и проч.!! Спрашиваемъ, есть
 ли умъ и чувство приспосовности въ гос-
 подахъ Журналистахъ?

Изъ уваженія къ главному Чиновнику
 Франціи и великому человѣку, мы не хо-
 щимъ брать изъ Лондонскихъ Вѣдомостей
 всего, что онѣ говорятъ объ немъ; но слѣ-
 дующая штука кажется намъ совершен-
 но невинною. „Говорятъ, что путешествіе
 „учитъ молодыхъ людей: это не всегда
 „справедливо, и Первый Консулъ доказы-
 „ваетъ, что можно странствовать по бѣ-
 „лому свѣту безъ всякой пользы для вку-
 „са. Сказавъ Руанскому Меру, что онѣ не
 „отдастъ никому ключей отъ сердца
 „Руанскихъ жителей, Бонапарте заста-
 „вилъ преданныхъ ему людей извинять
 „его молодыми лѣтами и великою охотою
 „всѣхъ Италiянцевъ къ *первымъ* словамъ

„или *Concetti*!“ — Далѣ Англійскіе Журналы говорятъ: „Въ отсутствіе Консула вспомнили объ его скромныхъ товарищахъ. Камбасересъ занимался уже не одною Оперою, и Лебрюиъ видѣлъ въ залѣ своей чиновниковъ. Бонапарте поручалъ имъ нѣкоторыя дѣла, однакожь не съ тѣмъ, чтобы они рѣшили ихъ какъ имъ вздумается! Насмѣшники говорятъ, что сіи два Консула менѣе всѣхъ знаютъ систему Правительства въ разсужденіи внутреннихъ и внешнихъ дѣлъ, такъ, что они въ аудіенціяхъ своихъ не смѣли почти сказать слова, чтобы не ошибиться и не прогнѣвить Бонапарте. — — Славной Луціанъ, братъ Консуловъ, былъ съ нимъ опять въ размовкѣ, уѣхалъ изъ Парижа и жилъ въ сельскомъ домѣ своемъ въ Плесси. Иосифъ, второй братъ, старался помирить ихъ. Луціанъ игралъ на домашнемъ театрѣ своемъ ролю Отелло, когда прислали ему сказать, что его ожидаютъ въ Сен-Клу. Онъ въ ту же минуту скинулъ театральное платье, поѣхалъ туда, дружески обнялся съ Консуломъ и плакалъ. Люди, которые знаютъ его дѣяшельной характеръ и пылокое воображеніе, увѣрены, что онъ не останется въ покоѣ, выдумаетъ какой нибудь новой планъ, будетъ опять

„сосланъ , или займетъ первое мѣсто по
 „своемъ брашѣ. — — Массена вошелъ въ
 „милость къ Бонапарте , такъ , что
 „придворные господа въ Сен-Клу счи-
 „паютъ его лучшимъ Генераломъ Респуб-
 „лики , унижаютъ передъ нимъ Моро , и
 „защипу Генуи называютъ славнѣйшимъ
 „дѣломъ всей Революціонной войны. Массена
 „богатъ , любитъ деньги еще болѣе славы
 „и хочетъ жить покойно. Ожеро сказалъ
 „не давно одному изъ друзей своихъ : „въ
 „нынѣшнихъ обшпательствахъ , не вся-
 „кому извѣстныхъ , мы непремѣнно дол-
 „жны были помириться съ нашимъ преж-
 „нимъ Генераломъ (по есть , съ Бонапар-
 „те).“ — Сухость и незанимательность
 Парижскихъ извѣстій заставляетъ насъ
 прибѣгать къ Лондонскимъ Журналамъ ,
 которые можно сравнять съ людьми , же-
 лающими всегда рассказывать любопыт-
 ное и для того не рѣдко мѣшающими
 ложь съ правдою. Химическое дѣйствіе
 разсудка легко отдѣляетъ одну отъ
 другой.

Бонапарте посвящаетъ всю свою
 дѣятельность внѣшней Политикѣ и вну-
 треннему правленію , особенно же успѣ-
 хамъ торговли и художествъ. Власть
 его такъ хорошо основана , что она уже
 не имѣетъ нужды въ энтузіазмѣ для

своей швердоспи. Кажется, что Консуль это знаетъ — и благоразумные наблюдатели думаютъ, что онъ, имѣя еще болѣе властолюбія, нежели славолубія, удовольствуется на всю жизнь свою *спокойнымъ* царствованіемъ безъ имени Царя, не захочетъ ни опасностей войны, ни важныхъ перемѣнъ въ системѣ внутренняго правленія, которыя пишаютъ безпокойство въ умахъ. У Французовъ будутъ фабрики, новые каналы, множество всякаго роду товаровъ, картинъ, спашуй, театры и балы. Имъ позволятъ даже и смѣяться отъ времени до времени надъ Консуломъ, но только не очень громко. Богатые спашутъ наслаждаться, бѣдные ищутъ богатства — всѣ заняты, и довольно. Правда, не надобно думать о томъ, что будетъ послѣ смерти Наполеона: онъ самъ, кажется, о семъ не думаетъ: оспашетъ слѣдовать его примѣру. Французская Конституція не имѣетъ въ себѣ ни малѣйшаго признака долгой жизни, будучи, такъ сказать, написана на пескѣ мечемъ Консула; ее завѣнетъ въпрокъ, какъ скоро Бонапарте оставитъ сцену здѣшняго свѣта. Для того всѣ искренніе друзья тишины и благоустройства желаютъ ему долготѣшя, чтобы Франція и вся Европа успѣли пріобрѣсти драгоценный навѣкъ спокой-

спивія , который можетъ спасти насъ
отъ новыхъ бѣдъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ при-
слалъ въ городокъ Лаге мраморный бюстъ
славнаго Декарта , чибобы поставили его
тамъ въ домъ гражданина Тьери , гдѣ
жили нѣкогда Декартовы родители. Изъ
всѣхъ ближнихъ городовъ и Департамен-
товъ съѣхалось множество людей и чи-
новниковъ къ сему празднику. Семи-
десятилѣтніе спарцы несли бюстъ
Философа изъ рапуши въ домъ гражда-
нина Тьери. Передъ ними шли дѣти ,
увѣнченныя цвѣтами ; а за ними Декар-
това правнука , Госпожа Марсе , съ ея
дѣтьми и внучатами. Военная музыка
гремѣла , и опрядъ Национальной гвардіи
заключалъ корпежъ. Онъ остановился
подлѣ *жрѣвника отечества* , украшен-
наго гирландами и дубовыми листьями.
Тамъ Префектъ , Генераль Помрель , съ
благороднымъ краснорѣчіемъ изобразилъ
славу и величіе Декарта. Бюстъ поста-
вили въ самой той комнатѣ , гдѣ родился
сей великой человекъ. Послѣ обѣда , къ
которому были приглашены всѣ чиновники
и Декартова фамилія , и за которыми
пѣли гимны въ честь Философу , *филан-
тропическое общество* города Лоша играло
маленькую драму : *Рене Декартъ* , сочинен-

ную для сего праздника. Ввечеру, на берегу рѣки Крѣзы, былъ феерверкъ, зажженный Префектомъ и Госпожею Марсе. Во весь день стрѣляли изъ пушекъ, и музыканты Национальной гвардіи играли на улицахъ. Добрые жители городка Лаге, ихъ прекрасныя жены и дочери, спарались всячески объ удовольствіи гостей своихъ. Теплый день и ясная, лунная ночь способствовали красотѣ и веселью сего праздника, даннаго въ честь оццу Философіи. Балъ въ домѣ Г. Тьері продолжался до самаго утра. (Изъ Парижскаго Журнала.)

„Первый Консулъ одержалъ побѣду въ Америкѣ (говоритъ издашель Французской Газеты), хотя и не такую славную, какъ Маренгская, однакожь достойную свѣдѣнія разсудительныхъ людей. Не далеко отъ Филадельфіи живетъ одинъ старой Французской Роялистъ, именемъ Графъ Рокборнъ, который поселился тамъ въ началѣ Сен-Домингской революціи, и обратилъ на себя вниманіе своимъ необыкновеннымъ характеромъ. Сей шарикъ, имѣющій отъ роду 85 лѣтъ, опустилъ себѣ бороду, и веѣмъ объявилъ, что обрѣтется единственно тогда, когда Лудовикъ XVIII взойдетъ на престолъ во Франціи. Слыша о дѣлахъ Бонапарте, онъ мало по

малу смягчился въ своемъ образѣ мыслей, и наконецъ — обрился, говоря, что такой Консуль споишь Короля!“ — Графъ Рокборнъ щасплавѣ Капона : Плутархъ увѣдомляешъ насъ, что сей Республликанецъ умеръ съ небрашою бородою, копорую онъ оплустилъ также въ знакъ горести, видя поржесство Цесаря.

Въ Парижѣ, въ бывшемъ Пале-Рояль, любопытные смотрятъ двухъ человекъ, покрытыхъ съ головы до ногъ чешуею, кромѣ ладони и подошвы. Они брашья и родились въ Англии ; одному 22 года, а другому 14 лѣтъ. Нѣкоторые Англійскіе Натуралисты описываютъ одного Американскаго уроженца съ такою же чешуею, копорый въ началѣ 18 вѣка былъ въ Лондонѣ : сїи молодые люди правнуки его.

„Нынѣ вошло въ моду уѣзжать въ „Россію (говорящъ во Французскихъ Газетахъ). Какъ скоро живописцу дока- „жушъ его посредственностъ, онъ кладешъ „въ чемоданъ кисть свою и ѣдетъ въ „Россію. Естли красавица видишъ, что „прелести и тюрбанъ ея не производятъ „великаго дѣйствія въ Тиволи и Фра- „скапи, она проклинаяетъ свое неблаго- „дарное отечество и на другой день „ѣдетъ въ Россію. Естли актеръ не до- „воленъ публикою, естли шанцовщикъ

„прыгнуль неудачно, они ѣдутъ въ
 „Россію. Однимъ словоиъ, Россія сдѣла-
 „лась убѣжищемъ посредственности или
 „вышнимъ судомъ. въ который перене-
 „сятъ дѣло свое Архиспы, осужденные
 „въ Парижѣ.“ — И такъ будемъ умѣрен-
 ны въ похвалѣ своей, когда сіи господа
 къ намъ пріѣдутъ! Но это газетная
 шутка или зависъ: Гара, ѣдущій въ
 Петербургъ, плѣняль Французовъ своимъ
 голосомъ, и они крайне жалѣютъ объ немъ.

Новыя Сеи - Домингскія извѣстія
 доказываютъ, что Негры тамъ еще не
 успокоились и болѣзни не перестали
 свирѣпствовать. Генералъ Леклеръ хва-
 лилъ мужество Польскаго Легіона, оказан-
 ное имъ въ сраженіяхъ съ мятежника-
 ми. — Мы признаемъ въ сердечной нена-
 висти къ симъ ужаснымъ могиламъ
 Европейцевъ, называемымъ Колоніями.
 Тамъ Судьба наказываетъ пошумковъ за
 любезность ихъ предковъ. Извѣстно, что
 Гиспанцы истребили всѣхъ первоначальныхъ
 жителей въ Сен - Доминго. Съ
 того времени сей островъ не переславалъ
 быть театромъ физическихъ и мораль-
 ныхъ бѣдствій. Сколько тысячъ Фран-
 цузовъ остались бы живы, если бы
 Туссенъ Лувершюръ утвердилъ свою
 независимость! — Монитёръ увѣдомляетъ,

что жена Генерала Леклера никакъ не хотѣла оставить своего мужа въ опасности и сказала: „Сестра Перваго Консула не боится умереть въ лагерѣ!“

Пармское Герцогство, занятое Французами, назначено, какъ говорятъ, для Короля Сардинскаго или для бывшаго Герцога Тосканскаго. — Слышно, что зять Консула Бонапарте, Генераль Мюра, будетъ Вице-Президентомъ Италіанской Республики; а Гражданинъ Мельци поѣдетъ на отдыхъ въ Гишпанскія свои маенности. Бонапарте любитъ своихъ родныхъ. — Принцъ Русполи не хочетъ быть Великимъ Магистеромъ Мальтійскаго Ордена. — Маленькая Валлиская Республика посылаетъ Депутатовъ благодарить Консула за ея независимость. — Славный живописецъ Давидъ пишетъ теперь Леонида при Термопилахъ и Бонапарте, дающаго миръ Европѣ. — Изъ Каира есть извѣстіе, что Мамелюки вездѣ бѣгутъ Турковъ, и по всей вѣроятности въ янвѣ ихъ изъ Египта. Англичане еще въ Александріи, надѣляющъ Беевъ оружіемъ и живутъ съ Турками весьма не дружно.

Въ Лондонѣ открылся умыселъ про-
тивъ Короля. Главный заговорщикъ,
Полковникъ Деспардъ, взять подбъ спражу.
Онъ и товарищи его должны бытъ не
только злодѣи, но и безумцы. Они хотѣ-
ли выпустить изъ темницы всѣхъ раз-
бойниковъ, разграбить Банкъ, и проч. —
Лондонскій народъ бѣгаетъ толпами за
Французскимъ Министромъ Андреосси, и
Журналы замѣчаютъ для попомснва,
что онъ черенъ какъ Мулатъ, носитъ
мундиръ и кошелекъ!

Говорятъ, что вся несчастная Фамилія
Бурбоновъ будетъ жить въ Варшавѣ.
Теперь она разсѣяна. Лудовикъ XVIII
въ Варшавѣ, а супруга его въ Вильдун-
генѣ; Графъ д'Аршуа въ Голирадѣ близъ
Эдимбурга, съ младшимъ сыномъ своимъ,
Герцогомъ де-Берри; старшій сынъ, Гер-
цогъ д'Ангулемъ и его супруга, дочь
Лудовика XVI, въ Варшавѣ; Графиня
д'Аршуа въ Клагенфурдѣ. Три сына Гер-
цога Орлеанскаго въ Лондонѣ; ихъ мать
и сестра въ Барцеллонѣ. Принцъ Конде
въ деревнѣ близъ Лондона; сынъ его, Гер-
цогъ Бурбонской, въ самомъ городѣ; а
супруга его въ Барцеллонѣ. Второіъ сынъ
Принца Конде живетъ съ Кардиналомъ
Роганомъ въ Эпшенгеймѣ, а незамужняя

Принцесса въ одномъ Швейцарскомъ монастырѣ. Принцъ Конти въ Барселлонѣ, а супруга его въ Швейцаріи.

Землетрясеніе, бывшее въ Москвѣ, пришло къ намъ отъ Ионическаго моря и всего болѣе свирѣпствовало въ Ипакѣ, прославленной Гомеромъ. Въ Варшавѣ, Землинѣ и другихъ мѣстахъ оно было легко; но въ Бухарестѣ разрушились многіе дома и церкви. Въ семъ городѣ явилось озеро, котораго зеленоватая вода нѣсколько часовъ весьма пахла сѣрою. Этна и Везувій уже давно не выбрасывали лавы. Физики приписываютъ тому всѣ нынѣшнія землетрясенія.

Письмо изъ Корфу отъ 24 Октября. Послѣ бури настала тишина. Ужасная анархія наконецъ пресѣклась, и сердца наши, долго угнетенныя, наслаждаются свободою и миромъ, благословляя челоуѣколюбіе Россійскаго Монарха. Опшоманская Порша, убѣжденная симъ великодушнымъ Государемъ, уступила намъ большую часть ежегодной подаши. Министръ Его Величества есть защитникъ избранныхъ власпей и порядка въ Республикѣ Семи-Оспрововъ. Онъ занялъ войскомъ мѣстечко

Попанчи, которое было убѣжищемъ всѣхъ мяшежниковъ.

III.

Анекдотъ изъ новаго собранія матеріаловъ для описанія Французской Революціи.

Въ 1791 году, когда Лудовикъ XVI былъ взятъ подъ стражу въ Варениѣ, три деревни во Франш-Контѣ, не получая долго никакихъ указовъ отъ имени Королевскаго, вздумали, что онѣ по объявленнымъ правамъ теловѣка могутъ имѣть собственнаго Короля, выбрали въ сеѣ достоинство одного земледѣльца и дали ему трехъ Министровъ, изъ которыхъ одного назвали Неккеромъ, для того, что сеѣ имя было у нихъ въ великомъ уваженіи. Новый Король, будучи долженъ, по ихъ волѣ, отказать отъ работы, не зналъ, чѣмъ жить, ибо ему не назначили никакихъ доходовъ для содержанія его высочайшей фамиліи. Онѣ собралъ подданныхъ и предложилъ имъ свое недоумѣніе; они нашли требованіе его справедливымъ и вздумали срубить нѣсколько

деревь въ ближнемь лѣсу, чтобы продать ихъ въ пользу его величества. Исполненіе сего опредѣленія не полюбилось лѣсному спорожу: онъ счелъ ихъ обыкновенными ворами и вздумалъ съ ними драться. За такую ошибку ему надлежало заплашить дорого: Король велѣлъ его взять подъ стражу, судить и пошчасъ повѣсить. Сіе чудное происшествіе сдѣлалось извѣстно. Отрядъ Національной гвардіи и нѣсколько гранадерскихъ ротъ изъ Безансона вступили въ область новаго королевства, разбили армію подданныхъ, взяли царя и привели его въ городъ. Министръ де-Лессаръ, рассказывая сей анекдотъ Лудовику XVI, далъ ему такой оборотъ, что будто бы крестьяне взбунтовались только изъ усердія къ его особѣ, и хотѣлъ доказать имъ общую ненависть сельскихъ жителей къ Революціи. Но Король, зная истинное происшествіе, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ: „Министру не должно говорить въ Совѣтѣ о такомъ дѣлѣ, котораго обстоятельство ему неизвѣстны“ — и рассказалъ все, какъ подлинно было.

Этотъ анекдотъ напоминаетъ мнѣ другой случай въ Лопарингги, моей опчизнѣ. Помѣщикъ одной деревни, Маркизь N., столько угнеталъ земледѣльцевъ,

что они при началѣ Революціи хотѣли наказатъ его. Онъ имѣлъ 29 тяжбныхъ дѣлъ съ крестьянами Жирмонскими, и разорилъ множество добрыхъ семействъ, хотя 28 дѣлъ рѣшено было въ ихъ пользу. Они всѣ пришли къ нему, въ самое то время, какъ онъ собирался шихонько уйти — требовали отъ него денегъ, которыхъ спонии имѣ тяжбы, и единогласно объявили, что безъ сего удовлетворенія не выпустятъ его изъ дому. Маркизъ отговаривался, просилъ, но долженъ былъ наконецъ исполнить ихъ требованіе. Крестьяне послѣ того начали разсуждать, какимъ образомъ наказатъ одного изъ своихъ товарищей, не хотѣвшаго согласиться съ ними и державшаго сторону жестокаго помѣщика. Они торжественно осудили его дѣлый мѣсяцъ быть дворяниномъ; и въ теченіе сего времени всякой земледѣлецъ, встрѣчаясь съ нимъ, говорилъ ему: *здравствуй, Маркизъ Кола!* Бѣднякъ плакалъ съ досады, не смѣлъ наконецъ выходить изъ дому и заикался впредь всшупаться за Маркизовъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Ш Е С Т О Й Ч А С Т И.

Н О Я Б Р Ъ № 21.

Стран.

I. Женщина - Авторъ. (Окончаніе).	3.
II. Нѣкоторыя примѣчанія Гражданина Мишо для Историковъ Французской Революціи.	28.
III. Кости неизвѣстнаго звѣря, найденныя въ Ярославской Губерніи.	38.
IV. О нѣжности.	42.
V. Китайская мудрость.	47.
VI. Левъ и его любимецъ. Басня.	51.
VII. Нѣсколько словъ о новой Французской Конституціи.	52.
VIII. С. Маринская Республика.	63.
IX. Извѣстія и Замѣчанія.	69.

Н О Я Б Р Ъ № 22.

Стран.

- I. Необходимость знать первыя арифметическія правила до женитьбы. - - 87
- II. Критическая исторія бѣдности. 100
- III. Анекдотъ. - - 108
- IV. Разговоръ о невидимо-видимомъ обществѣ. - - 116
- V. Египетскіе вечера. - - 129
- VI. Нѣсколько словъ о Лаконизмѣ. - 132
- VII. Якутская пѣсня. - 133
- VIII. Пѣтухъ, котъ и мышенокъ. - 134
- IX. Смѣсь. - - 136
- X. Истинный смыслъ народнаго согласія на вѣчное Консульство Наполеона Бонапарте. - 139
- XI. Письмо изъ Лондона о Питтѣ. 153
- XII. Извѣстія и Заблужденія. - 155
-

Д Е К А Б Р Ъ № 25.

	Стран.
I. Ревность. - -	170
II. Къ добродѣтели. - -	206
III. Безсмертіе. - -	211
IV. Царь и два пастуха. - -	213
V. Всегдашній Маскерадъ. - -	216
VI. Катчловъ сельской дожъ на полу- островѣ Сермионе. - - -	222
VII. О магнетизмѣ. - - -	225
VIII. Къ читателямъ Вѣстника. -	226
IX. Истинный смыслъ народнаго со- гласія на вѣчное Консульство На- полеона Бонапарте. Сочиненіе Камилля Жордана. (Окончаніе).	230
X. Извѣстія и замѣчанія. - -	249

Д Е К А Б Р Ъ № 24.

I. Колодезь Истины.	-	261
II. О случаяхъ и характерахъ въ Рос- сійской Исторіи, которые мо- гутъ быть предметомъ Худо- жества.	- - -	289
III. Нынѣшній вкусъ.	- - -	308
IV. Дневныя записки молодой жен- щины.	- - -	310
V. Общества въ Америкѣ.	- - -	315
VI. Китайскія Газеты.	- - -	318
VII. Сельское кладбище, Гривеа Эле- гия, переведенная съ Англий- скаго.	- - -	319
VIII. О выгодахъ торговли по Черному морю для Франціи и Россіи.	- - -	326
IX. Извѣстія и замѣчанія.	- - -	330
X. Анекдотъ изъ новаго собранія матеріаловъ для описанія Фран- цузской Революціи.	- - -	348

*Опечатки въ нѣкоторыхъ книж-
кахъ Вѣстника.*

Въ новомъ изданіи первой книжки

Стран. стр. Налезат. Читай.

54 15 вѣковъ — вѣнокъ

Книжка 9.

91 9 ему — уже —

65 18 важнѣйшихъ — нѣжнѣйшихъ

Книжка 20.

325 18 чей — чьей

Книжка 22.

158 8 сопы — оспы

Книжка 23.

174 20 раздворахъ — разговорахъ

— 22 гля — для

184 21 и — а

199 19 ея — ей